

ОПТИКА ИННОВАЦИЙ

ВТОРЫЕ САБУРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Москва • 2012 • Логос

УДК 37
ББК 74.5
О62

О62 Оптика инноваций. Материалы конференции «Вторые Сабуровские чтения». – М.: Логос, 2012. – 180 с.
ISBN 978-5-98704-622-7

Сборник объединяет тезисы докладов, представленных на Вторые Сабуровские чтения. Большинство из них тематически и духовно связаны с жизнью и творчеством Евгения Федоровича Сабурова (1946–2009) – государственного деятеля, реформатора, видного организатора образования, писателя и поэта. В публикуемых тезисах нашли отражение проблематика инноваций и реформ в российском обществе, актуальные аспекты социальной политики. Затронуты вопросы развития городов. Видное место отведено итогам и перспективам реформирования образования, анализируются его региональные аспекты, финансово-экономические механизмы. Рассмотрена роль поэзии в формировании свободной личности.

Для ученых и специалистов в области педагогики и других социально-гуманитарных наук, разрабатывающих актуальные проблемы реформирования российского общества, прежде всего системы образования. Представляет интерес для широкого круга работников образования – учителей, преподавателей, руководителей учебных заведений, специалистов органов управления ими.

УДК 37
ББК 74.5

ISBN 978-5-98704-622-7

© Авторы статей, 2012
© Федеральный институт
развития образования, 2012
© Логос, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.Г. Асмолов.</i> Оптика инноваций.....	5
<i>Е.Ш. Гонтмахер.</i> Феномен реформаторства в новой России.....	9
<i>Э.А. Памфилова.</i> Некоторые аспекты современной государственной политики в социальной сфере.....	15
Российские города после кризиса: новые возможности или старые ограничения?.....	22
<i>Т.В. Абанкина, А.В. Красилова, Г.А. Ястребов.</i> Концепция социального парашюта VS концепции социального лифта.....	35
<i>И.В. Абанкина.</i> Новые финансово-экономические механизмы в образовании: performance management & performance budget.....	71
<i>С.И. Заир-Бек.</i> Результаты функционального обзора системы повышения квалификации учителей и директоров школ Республики Таджикистан.....	85
<i>П.В. Деркачев.</i> Персонифицированное бюджетное финансирование дополнительного профессионального образования работников образования.....	105
<i>Е.Я. Коган.</i> Механизмы актуализации образовательных ресурсов.....	115
<i>Н.Ю. Посталюк.</i> Начальное профессиональное образование России: итоги первого десятилетия XXI века.....	125
<i>О.А. Фиофанова, Н.Э. Онищенко.</i> Автономная некоммерческая организация как ресурс ревитализации городской среды.....	137

<i>С.Ю. Алашеев, Т.Г. Кутейницына.</i> Разработка показателей эффективности оптимизации сети учреждений довузовского профессионального образования.....	147
<i>Е. Г. Репринцева.</i> Динамика трудовых ориентаций выпускников начального профессионального образования от кризиса до кризиса.....	157
<i>О.Н. Караваева.</i> Поэзия как пространство для формирования свободной личности. Осмысляя пройденное.....	165
Сведения об авторах.....	177

ОПТИКА ИННОВАЦИЙ

Заметки на полях книги Евгения Сабурова «Повесть о Константине-Философе и Брате его Мефодии»

Передо мною книга экономиста, математика, поэта и драматурга, педагога и политика Евгения Федоровича Сабурова «Повесть о Константине-философе и брате его Мефодии», изданная храмом Святых бессребреников Космы и Дамиана в 2010 году в Москве. Передо мною книга моего друга, которую он не имел счастья держать в руках, ибо она увидела свет уже после того, как мы попрощались с Евгением Сабуровым. К ней по праву могут быть отнесены слова Михаила Булгакова: «рукописи не горят».

Предисловие к этой книге написано еще в середине 1970 года духовным лидером и мучеником XX века, протоиереем Александром Менем, близким другом и наставником Евгения Сабурова. Встреча этих двух людей — это встреча по законам особой логики, логики неслучайностей. И тот и другой неустанно искали дорогу к Храму. И тот и другой жили и действовали поверх догм, поверх барьеров. И тот и другой болели душой за человечество и людей, любя свою культуру и разные культуры Космоса, ведущие нескончаемый диалог на планете по имени Земля. И тот и другой были проповедниками

во всем, чем бы они ни занимались, куда бы ни направляли усилия своего духа.

Особой проповедью является и написанная в жанре прозы книга, которую мне хочется назвать поэмой. Книга о жизни Кирилла и Мефодия, породивших в муках славянскую письменность и сделавших Библию достоянием всей славянской Культуры. Об этой книге-поэме можно говорить и писать много, поскольку она, пользуясь одним из любимых терминов Михаила Бахтина, полисемантическая, полна самых разных, порой конфликтующих друг с другом смыслов. И я рискну бросить беглый взгляд на эту книгу через такую своеобразную оптику, как *оптика инноваций*. Ведь, по сути, Евгений Сабуров в своей книге проводит культурно-историческое дознание рождения одной из великих инноваций нашей цивилизации — славянской письменности, и превращения этой инновации в Канон культуры.

Подобное восприятие книги возникает, если мы посмотрим и на нее через оптику инноваций, в которой выделяются *культурные* (или социальные) и *инструментальные* (или технологические) инновации. Подобное выделение этих двух видов инноваций во многом опирается на теорию динамики культуры известного социального антрополога Бронислава Малиновского. Именно он в своих трудах показывал, что культурные инновации как реакции социальных групп на изменяющуюся реальность способны в буквальном смысле слова породить иной тип культуры и, пройдя проверку временем, трансформироваться в *традиции*. Культурные инновации обладают, как правило, широким радиусом действия, по своему масштабу затрагивают всю развивающуюся социокультурную и ментальную систему и тем самым нередко наталкиваются на могучий агрессивный отпор со стороны опекающего свою устойчивость общества. Они расцениваются на первых шагах особого «инновационного эмбриогенеза» новой культуры, нового мировоззрения и миропонимания как ересь, покушение на устои, кощунство. Так, например, расценивалась современ-

никами коперниковская система мироздания, пришедшая на смену птолемеевой картине мира. В отличие от культурных инструментальные инновации исходно имеют меньший радиус действия, как, например, изобретение колеса, печатного станка или Интернета. Но потом может произойти преобразование инструментальных инноваций, и они, как в наши дни Интернет, станут культурными инновациями, что приведет к появлению нового имени эпохи, обозначения XXI века как «сетевого» столетия.

На мой взгляд книга Евгения Сабурова — *это поэтическая драма культурной инновации как порождения новой знаковой системы, системы славянской письменности*. На ее страницах Кирилл и Мефодий оживают, сходят с «канона», превращаются в нищих и страдающих людей. Смысл всей их жизни еще до того, как она из жизни превратилась в житие, — это приобщение к христианству других культур и народов через Библию. И Константин, известный ныне под именем Кирилл, которое он взял, приняв схизму незадолго до смерти, и старший брат воин и монах Мефодий живут *ради одного мотива, мотива христианизации славян*. И этот мотив достигается именно через *социальное действие*, ставшее социальной инновацией, — *изобретение славянской письменности*.

Чтобы прочувствовать это действие, я приведу диалог философа Константина с иеромонахом по книге Евгения Сабурова:

«...просвещение славян. Так я понял. Не посольство, а именно миссия?»

— Да. Просвещение на их языке.

— У них есть алфавит?

— Откуда?!...

— Как же писать-то? На словах, без письменности и это все будет вилами по воде.

— Что писать?

— Ну, перевод Священного Писания, литургии.

Иеромонах ошарашено уставился на философа:

– Свя... что? Литургия на славянском? Вы положительно с ума сошли, Константин! – и он вне себя выскочил из кельи». [1, с. 70]

Евгений Сабуров показывает, что первоначально инновация – написание литургии на славянском алфавите, а не на каноническом греческом алфавите Византии, воспринималось как безумие. И это безумие заключалось в *социокультурном конструировании славянской письменности* ради того, чтобы Священное Писание стало законом жизни славян, законом, превращающим эту жизнь в жизнь по канонам христианской славянской культуры.

Из книги Евгения Сабурова неукоснительно следует, что *вначале было слово, и слово было Просвещением...* Именно так воспринимается эта книга через оптику инноваций, она учит нас неразрывной связи Просвещения и Культуры в истории цивилизации.

А теперь признание...

Каждый раз, когда мы что-либо творим, будь то педагогическая, социальная или историческая поэма, мы, хотим того или нет, проецируем в творимую реальность свое личное видение, свое Я.

Сказанное полностью относится и к жизни Евгения Сабурова, жизни как творческом потоке инноваций. Говорит ли Евгений Сабуров с нами об экономике или образовании, о политике или истории, о любви или Кирилле и Мефодии – он говорит о жизни, наполненной смыслом, о жизни, в которой человек через подвиги и деяния конструирует множество различных миров. Такой жизнью в моем сознании жил и продолжает жить Евгений Сабуров – неутомимый инноватор, поэт и «строитель» улицы, ведущий к Храму.

Литература

Сабуров Е.Ф. Повесть о Константине-Философе и Брате его Мефодии / Е.Ф. Сабуров. М.: Изд-во храма Святых бессребреников Космы и Дамиана. 2010. С. 152.

ФЕНОМЕН РЕФОРМАТОРСТВА В НОВОЙ РОССИИ

Хочу сказать спасибо за организацию конференции. Это очень хорошая традиция — проведение чтений памяти Е.Ф. Сабурова. Я долго думал, какую тему мне выбрать, и решил, что мне Евгений Федорович видится частью того феномена, который называется «реформаторство». Я не хочу говорить об экономике, социальной сфере и др. То, как он жил последние 20 лет, если не больше, показывает, как феномен реформаторства проявляется в России со всеми своими плюсами и минусами.

Для начала хотел бы напомнить, что Евгений Федорович написал книгу «Власть отвратительна» и всегда говорил, что он анархист. На первый взгляд это вызывало некоторое недоумение у большинства людей, которые тут же вспоминали деятелей типа Бакунина. Но на самом деле все намного глубже и интереснее. Тем более, что у меня была возможность многие сюжеты обсуждать с Евгением Федоровичем.

К реформаторству это имеет самое прямое отношение. Россия на протяжении последних 200 лет, да и сегодня явля-

ется и объектом, и субъектом самых разных реформ, но успех минимален, если общественные коммуникации слабы.

С чем это связано?

Есть два подхода к тому, как проводить реформы в сложных социальных системах. Слово «анархизм» дает некоторый ключ, чтобы понять этот феномен. Есть его противоположность – это государство, вертикаль, соподчиненность. И все последние реформы в стране вольно или невольно идут по принципу линейной вертикали. Если вертикаль реформы напоминает завод, когда есть директор и начальник цеха, а команды-импульсы абсолютно механически передаются вниз, то, конечно, это определенный тип реформаторства.

Классический пример – Петр Первый, который вертикально-линейным образом пытался проводить реформы в России. В результате страна потеряла треть населения. Почему? Петр не сделал главного – не освободил крестьян. Если бы ситуация была немного другая и власть поступилась своими полномочиями и командными импульсами, наверно, страна была совсем другой и не было бы и 1917 года и всех последующих событий.

Нынешняя реформа во многом повторяет метод вертикально-линейный. Например, Сколково. Вот мы читаем интервью Владислава Юрьевича Суркова, который является заместителем председателя президентской комиссии по модернизации и отвечает лично за Сколково. И вот он вспоминает в качестве позитивного опыта Немецкую слободу, которая была при Петре Первом, и говорит о том, что надо начинать с нуля, так как все, что мы получили из прошлого в наследство, – все это не годится для того, чтобы начать инновационные и модернизационные процессы. Мы, оказывается, должны пригласить людей из-за рубежа и тех из наших, которые лишены советско-российских предрассудков.

Я считаю такой подход классическим примером реформаторства вертикально-линейного типа. Оно сводится в конце концов, и это история показывала неоднократно, к каким-то

технологическим вещам, к каким-то стройкам века, к каким-то физическим объектам, которые так или иначе будут построены. Но это не приводит ни к каким реальным подвижкам в обществе, и, более того, такого рода реформы являются причиной так называемого негативного отбора. В этом случае общество, которое подлежит реформированию, искусственно делится на тех, кто заведомо неспособен в этом участвовать, и тех, кто заведомо способен. И возникает ситуация, известная с давних времен, когда в королевских дворах любили хорошие новости, а за плохие рубили голову. Такой тип реформаторства приводит к тому, что те, кто заявляет о реформах, очень часто теряют ориентацию, отрываются от реальной жизни, а их решения приводят к минимальным и даже часто негативным эффектам. Тут и появляется негативный кадровый отбор. Реформаторские команды при таком стиле представляют собой небольшие ячейки, в которых лидер берет на себя монополию по принятию решений и фактически является верховным арбитром во всех даже мелких вопросах. А это вытесняет сильных, неординарных, неформальных людей, которые могли бы внести свежую струю и сделать реальные реформы.

В таком развитии событий я сейчас вижу большую опасность для процесса модернизации России. Результаты, которые сейчас видны: слова произносят красивые, но дела пока им явно не соответствуют. Эта модель реформаторства – негативная, она, к сожалению, преобладает в России, по сути, она является господствующей.

Почему я возвращаюсь к анархизму? Евгений Федорович сам неоднократно участвовал в российских реформах и везде демонстрировал, как мне кажется, другой стиль того, каким реформаторство должно быть. Вспомним тот переломный период, когда Советский Союз уходил и приходила новая Россия. У Евгения Федоровича был свой гетеродоксный план, который мало кто понимал, но суть была в том, чтобы не свести реформы к воле каких-то отдельных людей, которые исходя их благих побуждений посылают свои сигналы по вертикально-

линейной системе вниз, не заботясь о том, как все это будет, и полагаясь только на свою интуицию, на свое желание провести реформу. Сабуров предлагал — он хорошо знал опыт Испании — хороший пример: когда умер диктатор Франсиско Франко, все политические силы, включая и коммунистов, собрались во дворце Монклоа и договорились о том, как будет развиваться Испания. После этого страна очень быстро перестала быть отсталой окраиной Европы. Вот что значит реформаторство, которое использует позитивные моменты всех политических сил, что очень сложно, но дает отличный результат. Зато намного проще объявить реформы сверху и проводить их узкой группой, без привлечения основных политических и общественных сил. Но и результат будет никчемным.

План, аналогичный испанскому, Е.Ф. Сабуров тогда и предлагал. Он был направлен не только на либералов, которых представляли на тот момент люди Егора Тимуровича Гайдара. Цель была одна — сделать Россию современным обществом и современным государством. Ради этого надо было искать поводы и возможности для широких переговоров. Но этот подход Евгения Федоровича не был использован. Был применен другой подход со всеми вытекающими результатами, потому что, повторяю, реформы в России так до сих пор и не завершены. По сути, за последние 20 лет многое сделано, но нет необратимости, и мы можем откатиться куда угодно.

Я хотел бы обратить внимание, что подход к реформаторству у Евгения Федоровича был достаточно конкретным. Мы как-то участвовали в конференции, посвященной толерантности. Эта тема широко известна, но когда я слушал выступление Евгения Федоровича, меня поразило, как он рассказывал о ведении переговоров в бизнесе. Толерантность и переговоры в бизнесе, казалось бы, это две разные вещи.

Есть две модели. Наша: приходят люди, садятся напротив друг друга. В результате переговоров кто-то сдается: он вынужден это сделать потому, что может быть еще хуже. А есть другой подход: ведение переговоров, когда каждая из сторон идет на

уступки. Получается результат, который в целом устраивает все стороны. И все стороны довольны.

Евгений Федорович говорил об этом достаточно ярко. В нашей политической культуре такая модель отсутствует. У нас нет понятия оппонента, даже в науке этого часто нет. У нас, если человек придерживается других взглядов, о нем другая сторона начинает за глаза говорить какие-то странные вещи, которые выходят за пределы уважительной дискуссии. У нас скоро будут выборы Президента и выборы в Государственную Думу, в подготовительных кампаниях к которым не будет даже намек на реальные дебаты в прямом эфире с обсуждением самых разных острых вопросов. Я вспоминаю судьбу господина Брауна, теперь уже бывшего английского премьер-министра, который фактически во время теледебатов потерял свою должность. Это, наверно, нормально, так как свидетельствует о том, что общество может само себя реформировать, не опираясь на неприкосновенность каких-то людей, которые берут на себя монополию быть реформаторами.

Евгений Федорович был сильно недооцененным реформатором. Я всегда вспоминаю лидеров США разного типа. Вот, например, президент США Рональд Рейган рано ложился спать и поздно вставал. Он не утруждал себя работой. Он окружил себя сильными людьми, которых он признал умнее себя и которые предлагали решения. Да, у него была колоссальная интуиция, но он не контролировал ситуацию до последней детали. Рейган признан великим президентом.

Евгений Федорович был большим тружеником и человеком другого типа. Но доверие к людям и признание того, что вокруг тебя есть люди профессиональнее и умнее тебя и ты это используешь в хорошем смысле этого слова, — неотъемлемое качество современного реформаторства. А у нас сейчас уезжают высокопрофессиональные люди. И почему? Потому что нет атмосферы, когда человек с другими взглядами может понять, что он сопричастен к реформам в той сфере, в которой он работает.

В завершение своего выступления я хочу сказать о том, что сейчас идет много дискуссий. Но очень важно, чтобы все эти дискуссии велись не по принципу: сюда можно, а сюда нельзя. Очень велика опасность превращения дискуссий, демократических процессов в атрибуты имитационного реформаторства, что в конечном счете ведет к застою. Если такого рода реформаторство мы будем приветствовать и поддерживать дальше в России, то это ни к чему хорошему не приведет, кроме как к тому, что появятся очередные пустые документы, которые не имеют никакого практического значения. Надо бояться подмены решения реальных проблем какими-то бумажными выходами, которые нужны для конкретных сиюминутных политических целей, но не связаны с развитием России на будущее десятилетия. Принципиально важна многомерность, многовекторность, децентрализованность, потому что реформаторство не может быть монополией, тем более в такой большой и разнообразной стране, как Россия. Надо думать над этой проблемой — она сложная, и надо поддерживать формирование культуры реформаторства и не забывать об этом во всех наших дискуссиях.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

В первую очередь хочу откликнуться на очень содержательные и интересные выступления моих коллег.

Но не могу согласиться с тем, что главный дефицит у нас — это труд. Главный дефицит — это, безусловно, человек. Качество личности, качество человеческого капитала. Его душевное и физическое здоровье, психоэмоциональное состояние, уровень воспитания и образования, профессиональная состоятельность и гражданская ответственность.

Для меня это большая тема, этакая социальная заноза, которая сидит в сердце с начала 1990-х годов, когда мне пришлось разгрести беспрецедентные завалы в качестве министра социального развития в первом правительстве реформ. На протяжении многих лет я твержу одно и то же: ну невозможно иметь успешную экономику, эффективный бизнес с таким истощенным человеческим ресурсом, со стремительно ухудшающимся качеством человеческого капитала, с недопустимо низким уровнем социального потенциала...

Вот этот разрыв и держит наше общество в путах. Я взяла сейчас с собой свои статьи, научные разработки, написанные 15–20 лет тому назад. И я могу повторить слово в слово: как недооценивали этот фактор, как недооценивали инвестиции в человеческое, личностное развитие, так и продолжают недооценивать.

«С самого начала реформ существовал и до сих пор существует тезис о том, что социальная сфера и экономика находятся в полном антагонизме, что социальная сфера “проедает” экономику. В результате социальные проблемы все более трансформируются в социально-экономические, политические, нравственные. На самом деле экономика социальной сферы — это великое дело. Есть множество социальных технологий в области экологии, образования, медицины, социального обслуживания и реабилитации, которые абсолютно рентабельны. И если бы со временем мы стали заниматься запуском программ самообеспечения и саморазвития — это и послужило бы появлению того самого среднего класса, о котором так много говорят, но для становления которого ничего не делают».

«В результате многочисленных социологических исследований общественного мнения вырисовывается очень тревожная тенденция: россияне в большинстве своем уже не надеются на власть, но еще не рассчитывают на собственные силы. И на государство надежды нет, и собственных возможностей не хватает — это настроение проявляется во всех сферах жизни человека и общества и ведет к росту общественной апатии».

«У нас образовалась пропасть между экономикой и другими жизненно важными сферами общества и государства. Экономика замкнулась сама на себя. Это можно было предотвратить. Не создавать пассивную категорию обедневшего населения, а втянуть людей в процесс реформ. У нас для этого есть все необходимые ресурсы, но, как ни печально, крен, что бы ни говорили, произошел в сторону криминально-олигархической приватизации. Очень ограниченное число людей было допущено к нефтегазовой трубе, к ресурсам и прочим “закромам

Родины”, что породило крайне шаткую систему — финансового колосса на слабеньких, политически-конъюнктурных ножках. Систему, загоняющую отечественную бизнес-элиту на все более сужающийся, словно шагреновая кожа, оперативный пяточок, а большинство населения ведущую к социально-экономической деградации и духовному распаду».

«Давайте посмотрим, кто в скором будущем станет поднимать экономику в условиях временного разрыва между первоочередными мерами в экономике и поддержанием жизненно важных процессов в социальной сфере? Социально-демографические ресурсы на грани исчерпания. Тенденция такова, что обслуживать производственную инфраструктуру будет малограмотное, низкоквалифицированное, физически немощное население — взамен исчезающего народа с его многовековой культурой».

Все эти цитаты я привела из своей статьи, опубликованной в журнале «Мнения» в январе 1998 года. Скажите, многое ли изменилось с тех пор!? Если и изменилось, то явно не в лучшую сторону.

«Надо начинать с нуля», — вспомнил Евгений Шлемович Гонтмахер слова В.Ю. Суркова. С какого нуля? Мы начинаем уже не с нуля, а с минуса... практически на кладбище политическом. Выжжено политическое поле, практически выжжено морально-культурное, нравственное поле. Как никогда, актуальна проблема творческой конкуренции — во всех сферах. На мой взгляд, это то, чем надо сейчас заниматься. Надо формировать социальную политику абсолютно нового уровня — современную, обеспечивающую резкий скачок индекса развития человеческого потенциала и качества жизни. И делать это надо с максимальным вовлечением гражданского общества. На мой взгляд — вот чем сейчас надо заниматься. На протяжении 20 лет, в каком бы качестве я ни была — министра, депутата, председателя президентского совета или просто общественного деятеля, я всем президентам твердила о том, что нужна другая социальная политика. Но вместо разработанной нами еще в 1994 году программы по борьбе с бедностью и нищетой — развязали войну на Северном Кавказе и грохнули

туда все ресурсы. Вместо введения общефедеральных социальных стандартов — разорвали в клочья единое социальное поле страны бездушно-бездумной монетизацией.

Мы с Евгением Федоровичем Сабуровым общались немало, я помню его боль — он творческий, душевный, нравственный человек — это то, чего сейчас не хватает нашим политикам и высокопоставленным чиновникам. Пока они доходят до высоких властных уровней, души почти не остается, и проблемы людей они начинают воспринимать в абстрактных категориях.

Когда господин Ивантер заявляет, что мы легко вышли из кризиса, я могу с ним частично согласиться, если речь идет об олигархическом капитале. У нас, оказывается, за время кризиса на 10% увеличилось число разбогатевших, по данным журнала *Forbs*. Конечно, легко, в отличие от многих стран. По числу миллиардеров! Когда я слышу по радио призыв: надо деньги собрать на операцию больному ребенку, я сразу вспоминаю наших отечественных олигархов с двойным, а то и тройным гражданством, которые с удовольствием тратят выкачанные из страны деньги на яхты, зарубежные футбольные клубы и зарубежную недвижимость... А потом мы удивляемся, почему у нас школы в таком состоянии и 1,7 млн детей стоят в очередь на детские сады. И что рушится все, что еще не разрушилось, — мосты, дороги, самолеты, здания... И политика власти, проводимая в интересах приближенного к ней крупного капитала, грохочет по судьбам людей, без учета их мнений, интересов и современных вызовов.

На мой взгляд, недопустимо высоко региональное и социальное расслоение. Здесь говорили, что самое главное — надо увеличить финансирование в здравоохранении и в образовании. Можно и в два раза увеличить, и в три раза увеличить — качественно ситуация не изменится, если не сформировать иную тенденцию в направлении этих финансовых потоков. Куда сейчас идут эти финансовые потоки? В черные дыры чиновничьей бесхозяйственности, равнодушия к людям и казнокрадства. Я убеждена, что у нас достаточно средств, если их

направлять в точки роста и развития. А у нас они куда идут? Успешно провели «распил» — значит, пойдут на закупку за пределами дорогостоящего оборудования. Точно так же и в системе образования и в других социальных сферах. Система непрозрачна и неподконтрольна обществу.

С чего надо начинать? С политической системы. В рамках нынешней — никакая модернизация невозможна, все выливается в профанацию и имитацию действий. Поскольку сейчас я занимаюсь наукой — а что делать политику с таким опытом как у меня, когда в стране нет политики, когда нет конкуренции? Идти на выборы — это себя не уважать...

Так вот, в рамках моей нынешней научной ипостаси, мы с коллегами подготовили доклад в Центре развития и исследования гражданского общества Высшей школы экономики о том, справится ли государство в одиночку с решением социальных проблем. Пришли к выводу, что не справится. Начинать надо с того, чтобы вовлекать общественных экспертов сообщества некоммерческих организаций, а оно у нас бурно развивается, вопреки противодействию его усилиям, в формирование современной социальной политики. Новая социальная политика должна обеспечить конкурентоспособность, связь с экономикой, культурой и образованием. Она должна быть основана на превентивных мерах, на предотвращении тех или иных бед, на учете общественных потребностей и реализации гражданских инициатив.

Я взяла с собой интервью Евгения Федоровича Сабурова, которое он давал в 2002 году, — это была его боль. Он очень много уделял внимания развитию местного самоуправления и считал его невероятно важным. Когда было поручено разработать новую концепцию самоуправления, возникла угроза подмены реального самоуправления встраиванием его в государственную структуру в виде низшего уровня государственной вертикали. В этом интервью Евгений Федорович с большой болью сказал: «Это называется планирование через катастрофу».

Возьмите любую сферу нашей жизни – у нас везде планирование через катастрофу. Поскольку так и нет стратегии развития, основанной на долгосрочном прогнозе, – ее как не было, так и нет. Для меня – это боль. Мы говорили о Лесном кодексе, что леса загорятся, В.В. Путину, потом Д.А. Медведеву. Объясняли, что Лесной кодекс – это коррумпированный документ, основанный на лоббистских интересах. Уже несколько лет то один президент, то другой – дают распоряжения, а леса все горят и горят... Есть ли у нас уверенность, что ситуация кардинально исправится при таком качестве управления? У меня – нет.

То же самое о детях – нет системной политики поддержки семьи, мы в год теряем множество жизней, у нас неестественная убыль детей 750–760 тыс. в год. Нет системного подхода во всех сегментах социальной сферы. Есть некие точечные анклавов благополучия, как научный центр в Сколково, – и это на фоне общего неблагополучия. Вопиющие региональные разобщенности и социальные расслоенности. Надо оздоравливать всю систему жизнеобеспечения, всю систему жизнедеятельности. Это совершенно другой подход. Евгений Шлемович сказал, что «нет необратимости», но, к сожалению, эта необратимость есть там, где нам бы ее не хотелось. Потому что физическая деградация и духовный распад населения – они практически необратимы. И традиционными мерами, наборами стандартными эту ситуацию не вытянуть. Дело не в деньгах. Надо создавать атмосферу доверия. Наша власть обязана научиться делать то, что декларирует, а не манипулировать общественным мнением с помощью виртуальных технологий. Социальный оптимизм возможен только тогда, когда есть система доверия и когда у людей возникает ощущение, что они востребованы.

В конце своего выступления приведу еще одну выдержку из своей статьи 13-летней давности, поскольку ни убавить, ни прибавить к ней не могу.

«...Экономический рост неизбежно сопровождается уже-сточением производственных отношений, ликвидацией существующих связей, неопределенностью перспектив и многими другими негативными факторами, которые входят в глубокое противоречие с развитием человеческого потенциала. Именно в такой ситуации особенно необходимы эффективные, системные меры на политическом уровне, обеспечивающие сбалансированность двух сфер: эколого-экономической и социально-демографической. Когда этот процесс пущен на самотек, мы получаем весь тот трагический набор отрицательных факторов, перечислять которые можно до бесконечности.

Пример ряда стран доказал, что в современных условиях именно крупные национальные инвестиции в развитие человека с точки зрения стратегии оказываются наиболее эффективными и, как это ни парадоксально звучит, экономически рентабельными».

РОССИЙСКИЕ ГОРОДА ПОСЛЕ КРИЗИСА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИЛИ СТАРЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ?*

Институт экономики города регулярно выносит на общественное и профессиональное обсуждение вопросы, связанные с оценкой положения российских городов и их роли в развитии современного российского общества.

Десять лет назад мы сформулировали основные модели городского управления, сложившиеся в пореформенной России, и предложили для обсуждения возможные сценарии их эволюции [1].

Пять лет назад мы опубликовали «Городской манифест», где попытались определить основные угрозы и вызовы, которые стоят перед российскими городами, и определить основные направления необходимых изменений, без которых трудно ожидать динамичного общественного развития.

* Статья представлена к публикации Фондом «Институт экономики города» к специальному заседанию Сабуровских чтений, посвященному 15-летию Института экономики города.

Прошло еще пять лет — настало время подвести некоторые итоги, оценить, подтвердились ли наши оценки, сбываются ли прогнозы.

В «Сценариях развития российских городов» мы констатировали, что преобладающей моделью городского управления в России является бюрократическая модель — модель бюрократов-предпринимателей и «крепких хозяйственников». Этот тип управления по-прежнему воспринимается нашим обществом как правильный, если не единственно возможный. Уход с политической арены лидера города Москвы, эту модель олицетворявшего, ситуацию не изменил. Более того, бюрократическая модель сама по себе деградирует: институционализация связки «бюрократ — предприниматель», становящаяся все более очевидной, означает, что мы развиваемся по самому неблагоприятному из возможных сценариев.

«Городская проблематика не находится в фокусе государственной политики, в центре общественного внимания» — сохраняет ли актуальность этот неутешительный диагноз «Городского манифеста» по прошествии пяти лет? Возникает ощущение, что государство и общество начинают осознать, что в этой сфере необходимо что-то менять, но каждая попытка начать серьезный разговор почему-то вызывает болезненные ощущения, «фантомные боли». Показателен пример с «утечкой» содержания главной темы Послания Президента Федеральному Собранию 2010 года, каковой, по версии «Ведомостей», посвятивших этому первую полосу, должна была стать тема городских агломераций. Но в конечном итоге в Послании об этом не сказано ни слова.

Показателен и пример Сколково. С одной стороны, этот проект — признание того факта, что без формирования новой городской среды невозможны прорывы ни в технологиях, ни в общественной жизни. С другой стороны, не предложено ничего, кроме очередной версии «режима ручного управления».

Наконец, кризис моногородов. Это был шанс осознать и осмыслить проблемы российской урбанизации в их «концентрированном» виде. Но дело свелось к обсуждению списков «очередников» на получение федеральной помощи.

Похоже, что конкуренция за федеральные ресурсы, за попадание в разнообразные федеральные программы и списки становится основной формой «межгородской конкуренции». Другие, более прямые и продуктивные формы такой конкуренции пока, к сожалению, не просматриваются.

Потенциал людей, их творческая энергия по-прежнему не находят воплощения в городском развитии. Последние годы явили многочисленные примеры растущего отчуждения людей от институтов местного самоуправления, которое так и не стало школой гражданского общества. Это значит, что процесс повышения уровня нашей гражданской зрелости будет идти очень медленно и очень болезненно.

Вопросы развития общественных пространств в городе, усиления социальной сплоченности городского сообщества, противодействия тенденциям фрагментации городского пространства и социально-пространственной сегрегации составляют значимую часть стратегий развития городов в мире. Россия в данном отношении выглядит глубокой провинцией. Эти вопросы не «вписываются» в видение города как властью, которая не понимает, как «управлять» этой непонятной субстанцией, так и самим обществом. В отсутствие социального заказа хиреют научные исследования и проектные разработки в этих сферах.

«Без публичного пространства умирает чувство места», — констатировали мы в «Городском манифесте». Сегодня все чаще вспоминается более жесткая оценка, данная в позапрошлом веке П. Чаадаевым: «В домах наших мы как будто определены на постой... в городах мы похожи на кочевников, мы хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы к нашим городам».

Впрочем, наблюдаемый дефицит «чувства места» и психология временщика парадоксальным образом сочетаются в нашей реальности с низкой мобильностью. Уже почти два десятилетия ежегодная миграция захватывает лишь около 1,5% населения. Объемы миграционного оборота российских городов несопоставимы с масштабами, характерными для городов Западной Европы: 5–10% населения проживают в них не более двух лет. Ожидаемая продуктивная конкуренция российских городов за качественный человеческий потенциал развивается медленно, в том числе и потому, что сам этот потенциал по-прежнему немобилен.

В «Сценариях развития российских городов» мы связывали определенные надежды с развивающимся российским бизнесом как заинтересованным актором модернизации городской среды и системы городского управления. Бизнес действительно был значимым фактором развития российских городов, однако его интересы оказались не вполне такими, как предполагалось. Во многом это связано с тем, что изменились сам крупный бизнес и его взаимоотношения с государством.

Оказалось, что он постоянно оглядывается на государство и городская среда интересуется его в гораздо меньшей степени. Выяснилось также, что для крупного бизнеса существуют «основные» и «второстепенные» города — в последних расположены так называемые непрофильные активы.

Что касается малого и среднего бизнеса, то он озабочен в основном проблемами выживания и так и не предъявил внятного «запроса» на модернизацию городской среды и системы управления городами. В коммунальной сфере в последние годы у муниципалитетов были отобраны практически все полномочия по установлению тарифов, что существенно ограничило их возможности и ослабило заинтересованность в формировании долгосрочной стратегии развития городской инфраструктуры, отстаивании ее на переговорах с частными инвесторами. Стоит ли удивляться тому, что и бизнес исходит

на таких переговорах из своих краткосрочных, часто эгоистических интересов?

Почему же, сделав шаг вперед, мы тут же испуганно делаем два шага назад? Вероятно, дело в том, что город как целостный сложный организм неудобен и непонятен иерархической системе управления, тем более «вертикальной», централизованной, он не вписывается в понимание мира, где все «должно быть просто и понятно». Самим фактом своего существования город вопиет о неизбежности и ценности сложного, «горизонтального», сетевого. Должны ли городские управленцы ждать, пока государство, округ, регион, государственные корпорации и т.д. определяют свои «потребности» в отношении города и только потом, на оставшихся делянках развивать «местное хозяйство» или это должен быть диалог равноправных партнеров? Ответ на этот вопрос лежит в плоскости не столько профессиональных «разборок» специалистов, сколько ценностных ориентиров общества. Задумывается ли общество над подобными вопросами?

Сегодня в профессиональном сообществе похоже сформировался некоторый консенсус как по поводу диагноза сложившейся ситуации, так и по поводу желаемого будущего российских городов, которое является уже не столько вопросом выбора, сколько жестким императивом, настоятельной необходимостью. И это тоже один из итогов прошедшего пятилетия.

Необходима новая повестка дня, новый список задач по управлению городом. Этот список невелик, но каждая его позиция важна. Необходимо:

1) стремиться к более полной занятости населения (безотносительно к сектору или отрасли хозяйства);

2) стремиться к более полному спектру социальных ролей (здесь уместно предостеречь от мечтаний насчет сосредоточения в городе рабочих мест с особо высокой зарплатой);

3) привлекать пресловутый средний класс не только путем стимулирования создания соответствующих рабочих мест, но

и прежде всего путем улучшения качества среды обитания по широкому спектру (от стадионов до театров);

4) делать акцент на так называемые верхние этажи сферы услуг (не просто третичный сектор, а «пятеричный» – наука, искусство), что позволяет увеличить долю творческих людей;

5) придерживаться «неповторимости» – уделять постоянное внимание охране памятников архитектуры и культурного ландшафта, пропаганде значимости города для истории страны, его особой роли в современной жизни;

6) провести работу над имиджем города во внешней среде, маркетинг города (не в смысле лукавой рекламы, а в смысле работы над развитием таких черт города, которые особенно позитивно могли бы характеризовать его в информационном поле) и, как особую форму маркетинга, брендинг города;

7) развивать у горожан чувство идентичности со своим городом, которое позволит мобилизовать их на социально значимые позитивные мероприятия, на формирование публичных пространств, через «освоение» которых и происходит такая идентификация;

8) ввести «гласность» – теснейший контакт городского руководства с общественностью, вплоть до использования нарочитых форм полурекламного характера.

Оселком инновационности руководителей становится то внимание, которое они уделяют трем-четырем последним пунктам. Между тем успешное решение именно этих задач городского управления может стать решающим в конкурентной борьбе городов за жителей.

При этом пока нет единого понимания того, как из сегодняшнего состояния перейти к желаемому. Какие из наблюдаемых сегодня тенденций содержат ростки будущих прогрессивных системных изменений? За какие нити следует тянуть, чтобы ускорить позитивные процессы?

Представляется, что именно эти вопросы определяют повестку дня сегодняшнего заседания. Предлагаем начать об-

суждение этих вопросов в разрезе ключевых, на наш взгляд, развилок в эволюции современной городской России:

Могут ли российские города быть субъектами развития?

Может ли российский горожанин стать гражданином?

Возможно ли изменение качества городской среды?

Город и бизнес: возможно ли совпадение интересов?

Могут ли российские города быть субъектами развития?

Города в истории человечества всегда были источниками инноваций. Сам факт высокой плотности городского населения резко менял характер поведения и менталитет людей. Интенсивное внутрудовое общение горожан ставило перед ними особые задачи и приводило к образованию сложных форм общежития, незнакомых деревне. Город, таким образом, становился источником и субъектом развития общества в целом.

В советский период города были вписаны в вертикальную систему государственно-партийного управления, их функция сводилась в значительной мере к тому, чтобы быть «местами размещения производительных сил». Плановое стандартизированное развитие в отсутствие конкуренции практически свело на нет роль городов как самостоятельных субъектов развития. Оказалось размытым местное сообщество как носитель инициативы и ответственности за судьбу места своего проживания.

В первые годы постсоветского периода вместе с утверждением в Конституции Российской Федерации принципов местного самоуправления, со всплеском местных инициатив на волне демократического подъема в стране появилась надежда на изменение роли и места городов. Именно города демонстрировали реальные примеры самоуправления, именно здесь сформировалась плеяда ярких лидеров, сложились городские объединения, выступившие реальной силой в отношениях с государством.

Однако сегодня мы вынуждены фиксировать откат назад. В условиях активного огосударствления российской общественной жизни усиливающееся государство не заинтересовано в существовании альтернативных центров инициативы, которыми прежде всего являются города, и фактически борется с ними. Свидетельствами тому стали как неоднократные попытки ревизовать конституционные положения местного самоуправления, так и определенные государством экономические условия, в которых города фактически превращены в дотационных «пасынков» государства. Даже в большей степени, чем пять лет назад, можно утверждать, что города в политике государства рассматриваются как продолжение государственной вертикали управления.

В состоянии ли российское общество сегодня изменить сложившуюся «второстепенную» роль городов?

Возможно ли совместить при этом интересы гражданского общества и инициативы «просвещенного» государства?

Какие конкретные рычаги необходимо задействовать для активизации городов и превращения их в реальных субъектов развития?

Может ли российский горожанин стать гражданином?

Советская система сформировала иждивенческий тип общественного поведения российских горожан, которые, с одной стороны, неустанно винят власть во всех своих проблемах, а с другой – ожидают решения этих проблем от той же власти.

Эпоха перемен пока мало изменила такой массовый, устойчивый тип поведения. Несмотря на то что часть горожан занимают активную позицию в отношении жизни в городе и своего места в нем, это не привело к самоорганизации жителей городов и формированию городских местных сообществ. Рост гражданской активности, характерный для

1990-х годов, сменился разочарованием людей в своих политических возможностях, что привело к снижению общественной активности.

Гражданское общество и местное самоуправление, которые могут успешно развиваться только опираясь друг на друга, поражены вирусом взаимного недоверия. Это недоверие не позволяет превратить отдельные примеры успешного взаимодействия в устойчивые тенденции консолидации и повышения зрелости местных сообществ. Такие локальные успехи, как правило связанные с деятельностью отдельных лидеров, остаются достоянием небольших групп, отторгаются внешней средой, не закрепляются в общественном сознании как устойчивые модели поведения.

Местное самоуправление в городах пока в большей степени ориентируется на государственную власть «сверху»; более того, наметилась устойчивая тенденция к отчуждению местного самоуправления от реальных потребностей организации жизни в городе, а также к искусственному формированию «сверху» типовых институтов самоорганизации (товарищество собственников жилья, общественные палаты и т.д.). Гражданское общество отторгает навязываемые сверху формы самоорганизации и ищет выход в альтернативных, подчеркнута дистанцированных от местного самоуправления формах, которые часто приобретают эгоистический и разрушительный характер. Даже там, где местная власть искренне пытается развивать гражданское общество, она делает это устаревшими, неадекватными методами, пытаясь «управлять» гражданским обществом как еще одной «городской подсистемой», наподобие коммунального хозяйства.

Низкий уровень самоорганизации жителей российских городов выходит на первый план как одна из болевых точек развития нашего общества. Для создания эффективных «рецептов лечения» этой болезни необходимо ответить на ряд ключевых вопросов.

Что может побудить российского горожанина стать ответственным не только за себя и свою семью, но и за жизнь в доме, микрорайоне, городе?

Что может стать основой самоорганизации жителей городов?

Каковы механизмы возможного взаимодействия местного самоуправления и институтов гражданского общества?

Возможно ли изменение качества городской среды?

Качество городской среды — это не только уровень благоустройства и комфорта в городах, но и максимум разнообразия и энергетики, объединенных в целое — в город. Советский период оставил нам в наследство унифицированное качество и минимум разнообразия. Переходный период породил множество субъектов, влияющих на развитие городской среды (собственники недвижимости, частные проектировщики, застройщики и т.д.). Власть самоустранилась от системы градостроительства, оставив за собой роль сборщика «подати». Но это не привело к усилению разнообразия и повышению качества городской среды, преодолению деформаций в структуре организации городов.

Наблюдается возрастание отчужденности горожан от городов, деградация городских публичных пространств. Горожане «обратились вовнутрь себя — в квартиры», отстраняясь от «чужого» им города.

Начавшийся в последние годы процесс становления системы правового градостроительства, основанной на прозрачных правилах действий и взаимодействия всех субъектов формирования городской среды, дает некоторую надежду на постепенное улучшение пространственной организации городов. На совершенствование их визуального и архитектурного облика, расширение функций публичных пространств, в том числе для различных форм самоорганизации жителей, повышение культуры общественных коммуникаций.

Что такое городская среда, качество городской среды и чем определяется это качество?

Что порождает удовлетворенность, неудовлетворенность или безразличие горожан по отношению к качеству городской среды?

Кто может, должен воздействовать на улучшение качества городской среды? Как это сделать?

Город и бизнес: возможно ли совпадение интересов?

Традиций эффективных коммуникаций города и бизнеса с советских времен нет в силу отсутствия тогда бизнеса как субъекта. Хотя всегда были очень тесными связи города с предприятиями, расположенными на его территории. За постсоветский период эта модель демонтирована (однако рудименты остались), а становление новой модели идет крайне тяжело.

В настоящее время можно условно разложить систему взаимодействия города и бизнеса на три составляющие: город и крупный бизнес; город и малый бизнес; город и бизнес, который входит в городскую экономику (прежде всего в сфере инфраструктуры). Кроме того существуют специфические отношения, возникающие при наличии в городе крупных градообразующих предприятий (особенно в моногородах). В каждой из этих групп возникают свои проблемы, и в каждой необходимо искать свои пути выстраивания отношений города и бизнеса.

В отношениях города и крупного бизнеса наблюдаются крайности: либо «город сам по себе, бизнес сам по себе», вплоть до явных противоречий в стратегиях развития, либо сращивание местного самоуправления и менеджмента градообразующих предприятий. Критический случай — когда предприятия являются частями крупных холдингов с центрами принятия решений за пределами собственно городов. В России имеются отдельные примеры успешной деятельно-

сти субъектов крупного бизнеса в области развития социальной инфраструктуры, но в целом социальная ответственность бизнеса фактически носит принудительный или рекламно-показной характер.

Поддержка малого бизнеса с 2007 года является законодательно оформленным полномочием местного самоуправления, однако чаще всего программы по поддержке малого и среднего предпринимательства оказываются неэффективными. Проблема заключается, прежде всего, в отсутствии у органов местного самоуправления стимулов для развития малого и среднего предпринимательства, в чрезмерном замыкании в соответствии с российским законодательством системы его поддержки на государственном уровне, в недостаточности на местном уровне ресурсной базы, которую можно направить на его поддержку. Кроме того, имеет место неразвитость и неорганизованность самого малого бизнеса.

В отношениях города и бизнеса, который входит в городскую экономику, проблема заключается в сложности нахождения баланса интересов и рисков, который позволил бы обеим сторонам выйти на стабильные долгосрочные экономические отношения. Очевидна неэффективность работы унитарных предприятий, деятельность которых основана на рудиментах социалистической системы хозяйствования — праве хозяйственного ведения. Остается серьезная и до конца не осознанная развилка: что вместо унитарного предприятия — приватизация или государственно-частное партнерство?

Возможно ли согласовать интересы города и бизнеса, по определению имеющих разные целевые установки развития?

Каковы наиболее эффективные механизмы взаимодействия города и бизнеса?

В каких сферах какие конкретные рычаги и кому необходимо задействовать для согласования интересов города и бизнеса?

Литература

1. Российская урбанизация на перепутье: к «городу-саду» или в «город-огород»? / Г.Ю. Ветров [и др.] // Россия между вчера и завтра. Кн. 1: Экспертные разработки. М.: Клуб «2015»: Институт национального проекта «Общественный договор», 2003.
2. Передел России // Ведомости. М., 2010. 16 нояб. № 216 (2734).
3. *Чаадаев П.Я.* Философические письма. Письмо первое.

*Т.В. Абанкина,
А.В. Красилова,
Г.А. Ястребов*

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРАШЮТА VS КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЛИФТА

Проблемы и перспективы развития сельского образования постоянно находятся в фокусе внимания как международных организаций, так и экспертов во многих странах мира. В рамках масштабной программы ЮНЕСКО «Образование для всех» в последние годы разворачивается исследовательское направление «Образование как старт для жизни», в котором особый интерес сосредоточен на странах с переходной экономикой. В 2010 году Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» начал реализовывать совместный российско-китайский проект по изучению образовательных и карьерных стратегий сельских школьников и ожиданий их родителей. Проведение международного сравнительного исследования во многом обусловлено принципиально различающейся стратегией перехода к рынку, выбранной Россией и Китаем, что прямо сказывается на приоритетах образовательной политики и проводимых образовательных реформах.

Сравнительных международных исследований проблем и перспектив развития образования в сельской местности

в странах с переходной экономикой с участием России в последние годы не проводилось. Вместе с тем эксперты стран Восточной Европы и Центральной Азии накопили значительный практический опыт и определили теоретические подходы к решению проблем образования в сельской местности в современных условиях. Несмотря на различия социально-экономических условий и демографических процессов в разных странах, сравнительное исследование подходов к решению проблем и перспектив развития образования в сельской местности имеет важнейшее значение для определения эффективных национальных стратегий образовательной политики, обеспечивающих реализацию международных правовых норм в сфере образования.

Один из ключевых факторов, определяющих стратегию и тактику образовательных реформ, — демографические тенденции и изменения в системах расселения двух стран. Китай — страна с быстро растущим населением, и в этом смысле динамично расширяющейся системой образования, формирующейся в ответ на увеличивающийся с высоким темпом общественный спрос на образовательные услуги всех уровней образовательной системы. Россия — страна, которая последние два десятилетия характеризуется демографическим спадом и резким сокращением числа учащихся, соответственно сужающейся системой образования. Отметим, что масштаб сжатия в сельской местности измеряется не 5–10%-ым, к которому образование может адаптироваться, а примерно 30%-ым сокращением, которое уже требует системных изменений. В то же время и для Китая характерны тенденции обезлюдивания сельских территорий и отток экономически активного населения из сельской местности. Наиболее ярко эти тенденции проявляются в западных провинциях Китая, которые характеризуются сложной социальной ситуацией и экономической отсталостью по сравнению с юго-восточными провинциями и динамично развивающимися сельскими территориями вокруг крупных городов.

Подчеркнем, что в России, как и в Китае, накоплен большой опыт образовательных технологий для расширяющихся систем. Однако ни в Китае, ни в России нет опыта эффективного развития сельского образования в условиях демографического спада и интенсивной миграции сельского населения в города. Именно поэтому проблемы и перспективы развития образования в сельской местности в последние десятилетия находятся в фокусе образовательной политики большинства стран с переходной экономикой.

Цель исследования – проведение сравнительного исследования образовательных, карьерных и миграционных стратегий учащихся старших классов сельских школ России и Китая и ожиданий их родителей с целью формирования предложений по развитию региональных систем образования с учетом предпочтений семей в странах с переходной экономикой.

Для проведения исследования в каждой из стран участниц проекта – России и Китае – было выбрано по три региона, отличающихся природно-климатическими и транспортными условиями, уровнем и профилем социально-экономического развития, демографическими тенденциями и системами сельского расселения:

- один регион, расположенный вблизи крупного столичного города;
- второй регион с развитой экономикой аграрного профиля и труднодоступными сельскими территориями;
- третий регион, имеющий ярко выраженную этнокультурную специфику.

Базовыми партнерами проекта стали:

- *со стороны России* – коллектив Центра прикладных экономических исследований Института развития образования и специалисты Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Руководитель проекта со стороны России – директор Центра кандидат экономических наук Т.В. Абанкина;

- *со стороны Китая* – коллектив Международного исследовательского Центра ЮНЕСКО по развитию сельского образования (UNESCO International Research and Training Centre for Rural Education (INRULED), China) и Пекинский педагогический университет (Beijing Normal University). Руководители проекта с китайской стороны – директор Центра, проректор Пекинского педагогического университета профессор Дун Ци (Vice-rector of Beijing Normal University, prof. Dong Qi) и профессор Жу Сяомань (prof. Zhu Xiaoman).

Российско-китайское сравнительное исследование проводилось по единой методологии с использованием инструментария, разработанного авторским коллективом Института развития образования совместно со специалистами Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» специально для целей данного проекта. Методология опирается на позицию, согласно которой представители сельской молодежи, стоящие перед выбором профессионального самоопределения, который становится актуальной проблемой при окончании школы, рассматриваются как элементы определенной системы: либо *социальной*, где их действия и решения детерминированы местом в системе социально-экономических отношений, либо *культурной*, где действия определяются нормами и правилами, сложившимися в данной культуре (например, «сельской» с ее специфическими традициями, установками и стереотипами). Таким образом, индивидуальное действие рассматривалось прежде всего как результат системных социальных переменных.

На основе методологических позиций в рамках исследования была разработана концептуальная модель, которая отражает основные факторы, влияющие на образовательные, карьерные и миграционные траектории сельских школьников. К основным факторам были отнесены: первичная семья респондента, социально-культурная среда, в которой живет респондент, и образовательное учреждение, в котором респон-

дент обучается. Указанные факторы были описаны с помощью следующих характеристик.

Характеристики семьи:

- 1) материальное положение;
- 2) «культурный капитал»;
- 3) социально-профессиональные характеристики;
- 4) ожидания родителей.

Характеристики среды:

- 5) удаленность от более развитых территорий;
- 6) социально-экономическая ситуация в районе проживания.

Образование:

- 7) тип школы;
- 8) наличие профильных/специализированных классов.

Для проведения исследования были разработаны две анкеты – анкета/интервью для учащихся 9–11 классов и анкета для их родителей. В каждом из трех регионов был выбран сельский район, в котором был проведен сплошной опрос всех учащихся предвыпускных и выпускных классов в форме интервью и анкетный опрос их родителей. Всего было опрошено 1600 учащихся 9–11 классов сельских школ и их родителей: 350 учащихся и их родителей в Московской области, 500 – в Алтайском крае и 750 – в Республике Саха (Якутия). Разница в объеме выборки между регионами объясняется количеством старшеклассников, проживающих и обучающихся в выбранном сельском районе в каждом из регионов – участников проекта.

Результаты социологического исследования образовательных, карьерных и миграционных установок выпускников сельских школ отчетливо свидетельствуют, что во всех трех регионах наиболее массовой является установка сельских школьников на получение высшего образования. Как видно из табл. 1¹, почти 67% учащихся 9–11 классов сельских школ

¹ В табл. 1 и последующих таблицах не учитываются те респонденты, которые не ответили на данный вопрос.

в Московской области и Алтайском крае и 81% в Республике Саха (Якутия) планируют продолжить свое образование в высших учебных заведениях, что, как известно, практически всегда сопровождается миграцией в города. Меньшей популярностью среди учащихся пользуются учреждения среднего профессионального образования: около 27% школьников в Московской области и Алтайском крае и почти 14% в Якутии собираются продолжить образование в колледже или техникуме. Наименее привлекательной образовательной стратегией для сельских школьников является продолжение обучения в профессиональном училище. Практически единицы сельских школьников собираются работать сразу после школы. Косвенной причиной сравнительно более высокой популярности колледжей, техникумов и профессиональных училищ в Московской области является более развитая система профессиональной подготовки кадров, ориентированная на востребованные рабочие места в промышленности и сфере услуг Подмосквья.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что вы планируете делать сразу после окончания школы?» (учащиеся)

Ответ на вопрос	Московская область		Республика Саха (Якутия)		Алтайский край	
	N	%	N	%	N	%
Продолжить образование в ПТУ	16	5,52	17	2,50	11	2,32
Продолжить образование в колледже, техникуме	76	26,21	93	13,66	128	26,95
Продолжить образование в университете, институте	193	66,55	552	81,06	318	66,95
Остаться там, где живу, и устроиться на работу	—	—	2	0,29	2	0,42

Окончание табл. 1

Переехать и устроиться на работу в другом селе	2	0,69	–	–	1	0,21
Переехать и устроиться на работу в городе	1	0,34	5	0,73	5	1,05
Другое (например, контракт в армии)	2	0,68	12	1,77	10	2,10

Приводимые в табл. 1 данные рассчитаны для всей выборки, включая учащихся 10–11 классов. Можно предположить, что это занижает долю тех, кто планирует продолжить свое образование в профессиональных училищах и колледжах, потому что часть учащихся уходит в эти учебные заведения после 9-го класса. Учитывая это обстоятельство, мы произвели расчет по выборке школьников в возрасте до 15 лет (т.е. приблизительный контингент учащихся 9-х классов, поскольку номер класса в анкете не фиксировался). Результаты приведены в табл. 1а.

Таблица 1а

Распределение ответов на вопрос «Что вы планируете делать сразу после окончания школы?» (учащиеся до 15 лет)

Ответ на вопрос	Московская область		Республика Саха (Якутия)		Алтайский край	
	N	%	N	%	N	%
Продолжить образование в ПТУ	15	7,61	9	3,37	8	4,42
Продолжить образование в колледже, техникуме	65	32,99	38	14,23	51	28,18
Продолжить образование в университете, институте	114	57,87	212	79,40	113	62,43

Окончание табл. 1а

Остаться там, где живу, и устроиться на работу	–	–	–	–	2	1,10
Переехать и устроиться на работу в другом селе	1	0,51	–	–	1	0,55
Переехать и устроиться на работу в городе	1	0,51	4	1,50	3	1,66
Другое (например, контракт в армии)	1	0,51	4	1,50	3	1,66

Несмотря на то что приводимые в табл. 1 доли тех, кто планирует поступать в профессиональные училища, колледжи и техникумы, действительно оказались несколько заниженными (особенно для Московской области – 41% против 32%), оснований опровергать утверждения о том, что среди сельских школьников преобладает массовая установка на высшее образование, нет. Для Якутии и Алтайского края разница между соответствующими пропорциями составляет 2–4%.

Переехать в город для продолжения образования планируют подавляющее большинство будущих выпускников сельских школ: 85% в Московской области, 93% в Алтайском крае и более 96% в Республике Саха (Якутия) (табл. 2). Тот факт, что почти 13% учащихся в Московской области против 2–3% в Якутии и Алтайском крае могут продолжить свое обучение по месту жительства, свидетельствует об уровне социально-экономического развития территории, плотности населения¹ и образовательной инфраструктуры, другими словами, учебные заведения или их филиалы находятся в зоне транспортной доступности.

¹ Для справки: по данным Росстата, на 2010 год плотность населения в Московской области составляла 146,6 чел/км²; в Алтайском крае – 14,9 чел/км²; в Республике Саха (Якутия) – 0,31 чел/км².

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Планируете ли вы уехать в город для продолжения образования?» (учащиеся)

Ответ на вопрос	Московская область		Республика Саха (Якутия)		Алтайский край	
	N	%	N	%	N	%
Да, планирую	215	84,65	611	96,37	430	93,28
Нет, собираюсь остаться в селе и учиться заочно	5	1,97	9	1,42	15	3,25
Нет, могу продолжить учиться там, где живу	34	13,39	14	2,21	16	3,47

Интересна география потенциальных перемещений (табл. 3). Так, если в Московской области «центрами притяжения» практически в одинаковой степени являются Москва (36%) и близлежащий районный центр г. Коломна¹ (49%), то в Якутии и Алтайском крае основные потоки замыкаются на областные центры (81 и 91% соответственно). Последнее обстоятельство неудивительно: территориальная мобильность, выходящая за пределы регионов, может быть ограничена в силу их особого географического расположения и протяженности, а также слабо развитой межрегиональной транспортной инфраструктуры. Еще одной причиной является отсутствие в Якутии и Алтайском крае более мощных «центров притяжения» по соседству, что свидетельствует о крайне неоднородном развитии территорий в регионах Сибири и Дальнего Востока. Любопытно, что 1% выпускников якутских сельских школ планируют продолжить образование за пределами страны, однако при более детальном анализе данной группы выяснилось, что

¹ Исследование проводилось в Коломенском районе Московской области.

материальные возможности их семей реально не вполне соответствуют этим притязаниям¹.

Таблица 3

География перемещений учащихся

Планируемое место перемещения	Московская область		Республика Саха (Якутия)		Алтайский край	
	N	%	N	%	N	%
Москва	77	35,98	22	5,08	6	1,48
Санкт-Петербург	—	—	17	3,93	—	—
Коломна	105	49,07	—	—	—	—
Рязань	16	7,48	—	—	—	—
Якутск	—	—	352	81,29	—	—
Сеул	—	—	2	0,46	—	—
Оксфорд	—	—	2	0,46	—	—
Лондон	—	—	1	0,23	—	—
Барнаул	—	—	—	—	367	90,62
Новосибирск	—	—	—	—	16	3,95
Новоалтайск	—	—	—	—	4	0,99
Другое	16	7,47	37	8,55	12	2,96

Предпочтения сельских школьников относительно своего дальнейшего образования отчасти находят отражение в представлениях и стереотипах относительно предпочтений свер-

¹ По всей видимости, речь в данном случае идет о действительно одаренных детях, поскольку сами они достаточно высоко оценивают собственную успеваемость (вопрос анкеты № 19). Однако практически тут же сами отмечают, что с трудом владеют иностранными языками (!). Сомнения по поводу материальных возможностей семей возникают в связи с тем, что только в одном случае из пяти родители детей имеют оконченное высшее образование, а материальный достаток семьи превышает 20 тыс. руб. в месяц на человека, в четырех других случаях – не более 9 тыс. руб.

стников (табл. 4). Так, 76% школьников в якутских сельских школах считают, что большинство их одноклассников планируют поступать в высшие учебные заведения, чуть меньше (60%) – в Алтайском крае и, наконец, еще меньше (52%) – в Московской области, что более или менее соответствует распределениям, представленным в табл. 1. Схожая картина наблюдается в отношении двух других основных ступеней профессионального образования – начального и среднего.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, чем собираются заняться после окончания школы большинство ваших одноклассников?» (учащиеся)

Ответ на вопрос	Московская область		Республика Саха (Якутия)		Алтайский край	
	N	%	N	%	N	%
Продолжить учиться в местном сельском профессиональном училище	12	4,65	6	1,01	8	1,94
Поступить в профессиональное училище одного из ближайших городов	31	12,02	16	2,68	25	6,05
Поступить в колледж или техникум в одном из ближайших городов	74	28,68	102	17,11	118	28,57
Продолжить образование в университете или институте	135	52,33	455	76,34	248	60,05
Устроиться на работу в селе и не продолжать образование	–	–	1	0,17	3	0,73
Искать работу в городе и не продолжать образование	6	2,33	16	2,68	11	2,66

Неудивительно, что эти представления зависят от собственных предпочтений учащихся (табл. 5). В частности, те, кто

планируют получать высшее образование, как правило, ожидают аналогичных планов от своих сверстников (в 77% случаев). Таким образом, в отдельных школах структура образовательных предпочтений школьников оказывается весьма однородной¹, что подтверждает гипотезу исследования о том, что школа, а точнее конкретный локальный социально-экономический контекст, с которым она связана, оказывает значимое влияние на возможные социальные траектории школьников.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, чем собираются заняться после окончания школы большинство ваших одноклассников?» (учащиеся)

Ответ на вопрос	Количество, тех, кто планирует продолжить образование (%)		
	в ПТУ	в техникуме, колледже	в институте, университете
Продолжить учиться в местном сельском профессиональном училище	30,56	1,75	1,10
Поступить в профессиональное училище одного из ближайших городов	27,78	10,53	3,07
Поступить в колледж или техникум в одном из ближайших городов	5,56	43,42	17,01
Продолжить образование в университете или институте	25,00	41,67	76,51
Устроиться на работу в селе и не продолжать образование	—	0,44	0,22
Искать работу в городе и не продолжать образование	11,11	2,19	2,09

¹ Так, например, как минимум в трех якутских школах 100% будущих выпускников ориентированы на то, чтобы продолжить свое образование в высших учебных заведениях.

Рассмотренные выше стратегии и оценки школьников не сильно расходятся с ожиданиями родителей относительно дальнейших образовательных траекторий детей (табл. 6). Однако родители, по всей видимости, более реалистично оценивают шансы своих детей относительно возможности получения высшего образования, поскольку их совокупные оценки выглядят более «приземленными» по сравнению с оценками школьников: 55 против 67% в Московской области, 73 против 81% в Якутии и 64 против 67% в Алтайском крае. Вместе с тем выявленные выше региональные различия (значительный «перекос» предпочтений в сторону высшего образования в Якутии и более высокая востребованность начального и среднего профессионального образования в Московской области) здесь также весьма заметны.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Что будет делать ваш(а) сын/дочь сразу после окончания школы?» (родители)

Ответ на вопрос	Московская область		Республика Саха (Якутия)		Алтайский край	
	N	%	N	%	N	%
Планируем отправить в сельский ПТУ	7	2,76	9	1,38	4	1,03
Планируем отправить в городской ПТУ	35	13,78	13	2,00	14	3,62
Планируем отправить в колледж, техникум	69	27,17	149	22,89	121	31,27
Планируем отправить в университет, институт	140	55,12	478	73,43	247	63,82
Думаем, сразу после школы он/она устроится на работу в селе	2	0,79	1	0,15	1	0,26
Думаем, сразу после школы он/она устроится на работу в городе	1	0,39	1	0,15	—	—

Довольно любопытным является тот факт, что в планах на будущее практически абсолютный «консенсус» между родителями и детьми достигается только по поводу высшего образования (табл. 7): в этом случае около 90% детей разделяют планы своих родителей. Совсем иначе дело обстоит в тех случаях, когда родители планируют отправить своих детей в профессиональное училище, колледж или техникум. Причем чем ниже статус учебного заведения, тем в меньшей степени разделяют дети планы своих родителей. Это свидетельствует о том, что сами школьники в массе своей негативно оценивают престиж начального и среднего профессионального образования, что заставляет их вопреки ожиданиям родителей рассматривать иные образовательные стратегии.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Что будет делать ваш(а) сын/дочь сразу после окончания школы?» (родители)

Ответ на вопрос	Число школьников, чьи родители планируют отправить своих детей в учебные заведения (%)			
	в сельское профессиональное училище	в городское профессиональное училище	в колледж, техникум	В университет, институт
Продолжить образование в ПТУ	23,53	16,36	4,61	0,85
Продолжить образование в колледже, техникуме	35,29	32,73	47,70	7,29
Продолжить образование в университете, институте	29,41	45,45	43,75	90,04

О влиянии культурных ресурсов семьи на образовательные установки детей свидетельствуют данные табл. 8. В качестве индикатора объема этих ресурсов в данном случае рассматривается уровень образования родителей, а точнее – наличие высшего образования. Так, наличие высшего образования в семье хотя бы у одного из родителей положительно влияет на желание детей поступать в вуз после окончания школы. Причем это желание проявляется еще сильнее, если высшее образование имеют оба родителя. Однако установка на получение высшего образования преобладает среди всех детей, и, как показывают результаты исследования, она значительно «сильнее» эффекта культурной преемственности: в семьях, где ни один из родителей не имеет соответствующего образования, 70% (!) детей хотели бы после окончания школы учиться в институте или университете. Таким образом, в образованных семьях уверены, что дети должны быть «не хуже родителей», а в семьях с более низким уровнем образования родителей считают, что «дети должны быть образованы лучше нас».

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Что вы планируете делать сразу после окончания школы?» (учащиеся)

Ответ на вопрос	Ни один из родителей не имеет высшего образования		Высшее образование хотя бы у одного из родителей		Высшее образование у обоих родителей	
	N	%	N	%	N	%
Продолжить образование в профессиональном училище	33	3,27	11	2,52	3	2,44
Продолжить образование в колледже, техникуме	237	23,47	60	13,76	10	8,13

Окончание табл. 8

Продолжить образование в университете, институте	707	70,00	356	81,65	110	89,43
Остаться там, где живу, и устроиться на работу	4	0,40	—	—	—	—
Переехать и устроиться на работу в другом селе	3	0,30	—	—	—	—
Переехать и устроиться на работу в городе	8	0,79	3	0,69	—	—
Другое (например, контракт в армии)	18	1,78	6	1,38	—	—

К сожалению, на вопрос о будущей специальности будущие выпускники сельских школ отвечают с высокой долей неопределенности. На вопрос о том, кем хотели бы стать школьники после окончания образования, в Московской области в принципе смогли ответить 63% опрошенных, в Республике Саха — 52%, в Алтайском крае — 64% (см. табл. 9). Это обстоятельство создает определенные сложности при дальнейшем анализе распределения профессиональных притязаний учащихся, поскольку серьезным образом нарушается свойство репрезентативности данных. Тем не менее анализ имеющейся информации позволяет сформулировать ряд следующих предположений. В табл. 9 представлены своеобразные «рейтинги» пяти наиболее популярных профессий для трех регионов — перечислены наиболее популярные виды выбранных школьниками занятий с указанием соответствующих долей в совокупном распределении.

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос «Кем вы хотите работать сразу после окончания образования?» (учащиеся)

Ответ на вопрос	Московская область			Республика Саха (Якутия)			Алтайский край		
	N	%	%*	N	%	%*	N	%	%*
Врачами	18	5,70	9,09	51	6,81	10,18	17	3,40	5,33
Школьными учителями	11	3,48	5,56	25	3,34	4,99	—	—	—
Переводчи-ками	11	3,48	5,56	—	—	—	—	—	—
Программи-стами	10	3,16	5,05	—	—	—	24	4,80	7,52
Юристами, адвокатами	10	3,16	5,05	34	4,54	6,79	26	5,20	8,15
Экономиста-ми	—	—	—	25	3,34	4,99	—	—	—
Архитекто-рами	—	—	—	20	2,67	3,99	—	—	—
Автомехани-ками	—	—	—	—	—	—	13	2,60	4,08
Психолога-ми	—	—	—	—	—	—	13	2,60	4,08
Прочие	138	43,67	69,70	346	46,19	69,06	226	45,20	70,85
Затрудняюсь ответить	118	37,34	—	358	47,80	—	181	36,20	—

* — данные без графы «Затрудняюсь ответить».

Довольно неожиданно выглядит то, что наиболее популярным выбором сельских школьников является профессия врача — лидер «рейтинга» в Московской области и Якутии, и 3-е место по популярности — в Алтайском крае. Не менее удивительно, что в перечень других наиболее популярных видов занятий наряду с такими в целом не вызывающими изумления современными профессиями, как программисты, юристы, экономисты, психо-

логи и т.д., попала профессия школьного учителя. Это обстоятельство, на наш взгляд, идет вразрез со сложившимся в наше время стереотипом о снижении престижности «бюджетных» профессий. Есть вероятность, что такой выбор является отражением инерционного образа мышления, согласно которому в сельской среде социальный престиж врача и учителя по-прежнему является достаточно высоким, чтобы компенсировать сравнительно невысокий уровень материального достатка, характерный для представителей соответствующих профессий в селах.

В целом же массовая ориентация сельских школьников на высшее образование находит свое отражение и в структуре их профессиональных предпочтений. От 52% (в Алтайском крае) до 73% (в Республике Саха) сельских школьников хотели бы получить профессию, которая формально требует законченного высшего образования (табл. 10). В то же время на так называемые «рабочие специальности» претендуют не более 13% учащихся в Алтайском крае, еще меньшей популярностью пользуются рабочие специальности в Московской области (11%) и совсем низкой – в Якутии (7%).

Таблица 10

**Распределение ответов на вопрос «Кем вы хотите работать сразу после окончания образования?»
(учащиеся, пять наиболее популярных профессий)**

Ответ на вопрос	Московская область			Республика Саха (Якутия)			Алтайский край		
	N	%	%*	N	%	%*	N	%	%*
Занятия, требующие высшего профессионального образования (высококвалифицированный интеллектуальный и управленческий труд)	114	36,07	57,56	287	38,32	73,40	166	33,34	52,37

Окончание табл. 10

Рабочие специальности (квалифицированный и полуквалифицированный физический труд)	21	6,64	10,60	29	3,88	7,42	41	8,23	12,93
Затрудняюсь ответить	118	37,34	—	358	47,80	—	181	36,20	—

* — данные без графы «затрудняюсь ответить».

Примечание: формальные требования к образованию для каждого вида занятий определяются согласно исходной методологии построения ISCO (Международный стандартный классификатор занятий).

Практически никто из школьников в рассматриваемых регионах не выбрал в качестве желаемых типично сельские виды занятости (табл. 10). В связи с этим возможные траектории, замыкающиеся на сельский рынок труда, в дальнейшем анализе имеет смысл операционализировать с помощью других признаков (например, через желание жить или работать в селе/городе).

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос «Есть ли у вас склонность к типично сельскохозяйственным видам занятости?»

Ответ на вопрос	Московская область		Республика Саха (Якутия)		Алтайский край	
	N	%	N	%	N	%
Есть	1	0,32	4	0,53	5	1,00
Нет	268	84,81	387	51,67	314	62,80
Затрудняюсь ответить	47	14,87	358	47,80	181	36,20

Практически нет межрегиональных различий в стремлениях будущих выпускников жить и работать в городе: они

характерны для 81–85% сельских школьников (табл. 12). Аналогичная картина воспроизводится в распределении ответов на вопрос о том, где хотели бы жить выпускники, когда у них будут дети: 75–76% во всех трех регионах хотели бы жить и работать в городе. Таким образом, массовой среди сельских школьников является не только установка на получение высшего образования, но и миграция в города. Как было показано выше, как правило, эта миграция направлена в областные столицы и лишь в случае с Московской областью направленность миграционных траекторий практически поровну делится между Москвой и районным центром.

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос «Хотели бы вы жить и работать в городе?» (учащиеся)

Ответ на вопрос	Московская область		Республика Саха (Якутия)		Алтайский край	
	N	%	N	%	N	%
Да, однозначно	134	46,21	344	50,96	245	51,79
Скорее да, чем нет	101	34,83	198	29,33	158	33,40
Мне все равно	27	9,31	109	16,15	33	6,98
Скорее нет, чем да	23	7,93	15	2,22	29	6,13
Однозначно нет	5	1,72	9	1,33	8	1,69

Гипотеза о том, что наиболее массовой ожидаемой карьерной траекторией выпускников сельских школ является «школа (11 классов) – вуз – работа в городе» также подтверждается распределением ответов на один из контрольных вопросов анкеты («Что вы планируете делать после окончания школы?», табл. 13). Во всех трех регионах этот вариант был выбран как минимум в половине случаев (50–53%).

Второй наиболее распространенной стратегией для сельских школьников является учеба в учреждениях среднего профессионального образования с последующим поиском работы в городе. Однако если в Московской области и Якутии доля тех, кто выбрал такую стратегию, составляет порядка 18–19%, то в Алтайском крае таковых оказалось 31%. Вместе с тем в Алтайском крае значительно меньше будущих выпускников склонны выбирать стратегии, замкнутые на сельский рынок труда. Так, стратегии «сразу начать работать в селе»; «профессиональное училище, потом работа в селе»; «колледж (техникум), потом работа в селе»; «вуз, потом работа в селе»; «армия, потом работа в селе» в Московской области в совокупности выбрали 15% сельских школьников, в Якутии – 17%, в Алтайском крае – лишь 6%.

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос «Что вы планируете делать после окончания школы?» (учащиеся)

Ответ на вопрос	Московская область		Республика Саха (Якутия)		Алтайский край	
	N	%	N	%	N	%
Сразу начать работать в селе	4	1,43	9	1,44	3	0,65
Сразу начать работать в городе	11	3,93	29	4,65	11	2,39
Учиться в сельском ПТУ, потом работать в селе	16	5,71	18	2,88	5	1,09
Учиться в городском ПТУ, потом работать в городе	15	5,36	22	3,53	19	4,13
Учиться в колледже, техникуме, потом работать в селе	14	5,00	37	5,93	12	2,61

Окончание табл. 13

Учиться в колледже, техникуме, потом работать в городе	50	17,86	121	19,39	141	30,65
Учиться в вузе, потом работать в селе	9	3,21	42	6,73	6	1,30
Учиться в вузе, потом работать в городе	147	52,50	320	51,28	230	50,00
Работать в городе, потом учиться в вузе, потом работать в городе	5	1,79	15	2,40	22	4,78
Другое	9	3,21	11	1,76	11	2,39

В табл. 14 отражена связь между степенью согласия с различными утверждениями и стереотипами относительно сельской и городской жизни, с одной стороны, и желанием жить и работать в городе, с другой. Как видно, наличие позитивных стереотипов о городской жизни (утверждения 1–6) статистически значимо и положительно связано с желанием жить и работать в городе. Наиболее сильно эта связь проявляется в отношении такого распространенного стереотипа, согласно которому «жить в городе лучше, потому что там больше развлечений, а в селе – скучно». Фактически для школьников одними из основных побудительных мотивов к миграции в города остается их сравнительно более высокая привлекательность с точки зрения инфраструктуры досуга и развлечений.

Подавляющая часть школьников отдает себе отчет в том, что городская жизнь сопряжена с более высокими расходами (с утверждением 7 согласны 87%), что, впрочем, не является для респондентов демотивирующим фактором: степень их согласия с соответствующим утверждением хоть и слабо, но значимо положительно коррелирует с желанием жить и работать в городе.

Таблица 14

**Распределение ответов на вопрос «Хотели бы вы жить и работать в городе?» (учащиеся)
 Степень согласия с утверждениями (по 4-балльной шкале)**

Утверждения	Коэффициент корреляции	p-value	Среднее	Статистическое отклонение	% согласных	N
1. Работать в городе легче, чем в селе	0,184**	0,000	2,07	0,87	69,7	1320
2. Работать в городе престижнее, чем в селе	0,162**	0,000	1,39	0,65	94,6	1476
3. В городе я смогу найти работу, которая мне нравится	0,191**	0,000	1,46	0,66	94,2	1461
4. Если я буду жить в городе, то смогу заработать больше денег	0,203**	0,000	1,62	0,72	90,3	1409
5. В городе я смогу получить более качественное образование	0,219**	0,000	1,39	0,65	94,4	1454
6. Жить в городе лучше, потому что там больше развлечений, а в селе — скучно	0,274**	0,000	2,11	0,97	66,9	1444
7. Жить в городе дороже, чем в селе	0,096**	0,000	1,59	0,80	87,0	1427
8. В селе легче устроиться на работу, чем в городе	-0,050	0,077	2,56	0,97	44,4	1317
9. Жить в селе лучше, потому что там красивая природа (ягоды, грибы, охота, рыбалка и т.д.)	-0,150**	0,000	1,86	0,88	77,6	1444
10. Жить в городе трудно, потому что там не будет поддержки родственников и друзей	-0,124**	0,000	2,43	0,98	51,8	1408
11. Жить в городе опасно, там легко попасть в плохую компанию	-0,098**	0,000	2,19	0,99	62,8	1429
12. В городе к выходцам из села относятся плохо	-0,140**	0,000	2,71	0,91	37,7	1252
13. Для меня важно следовать традициям моей семьи и продолжать дело своих родителей	-0,026	0,359	2,91	0,93	28,3	1326

*** — значимо на 1%-м уровне; * — значимо на 5%-ном уровне

Практически никак не связаны с желанием жить и работать в городе индивидуальные оценки относительно перспектив трудоустройства в селе (утверждение 8). Вместе с тем данный стереотип, как демонстрирует распределение ответов, не является массовым. На основании этого можно предположить, что в действительности субъективное мнение учащихся о сельском рынке труда не играет практически никакой роли при выборе ими возможной миграционной стратегии.

Наблюдается значимая отрицательная связь миграционных установок с «негативными» стереотипами о городской жизни (утверждения 10–12). Так, если учащиеся по каким-либо причинам склонны считать, что городские жители плохо относятся к выходцам из сел (38% опрошенных), испытывают боязнь попасть в плохую компанию (63%) или не склонны полагаться на поддержку друзей и родственников (52%), они, как правило, испытывают меньшее желание жить и работать в городе.

Весьма любопытным, на наш взгляд, является еще одно обстоятельство. К числу преимуществ сельской жизни, которые могли бы оказаться привлекательными для сельских школьников, на этапе проработки анкеты исследования мы отнесли близость к природе, которая в том числе определяет доступность таких типично сельских видов занятий, как сбор ягод, грибов, охота, рыбалка и т.д. (утверждение 9). При том, что с соответствующим утверждением согласились 78% опрошенных, степень этого согласия значимо отрицательно связана с желанием школьников жить в городах. На основании этого можно предположить, что одним из наиболее существенных субъективных факторов, препятствующих формированию у детей миграционных установок, устремленных в город, является красота и привлекательность природы со всеми сопряженными с ней видами деятельности.

Наконец, анализ не подтвердил наличия сколько-нибудь значимой статистической связи между желанием жить и ра-

ботать в городе и степень приверженности семейным традициям (утверждение 13). Обращает на себя внимание тот факт, что лишь относительно небольшое число сельских школьников (28%) придает значение таким ценностям, как семейные традиции или фамильное дело.

Как видно из табл. 15, нет ярко выраженных региональных различий в уровнях согласия сельских школьников с большей частью выше перечисленных утверждений. Прежде всего это относится к стереотипам о преимуществах городской жизни (утверждения 1–6), а также касается и представлений учащихся о сравнительно большей дороговизне городской жизни по сравнению с проживанием в селе (утверждение 7). Тем не менее, имеется ряд довольно существенных отличий, которые заслуживают внимания. В частности, якутские сельские школьники (в отличие от школьников Московской области и Алтайского края) не только более оптимистично оценивают возможности трудоустройства в селе (утверждение 8), но и более высоко оценивают такое свойство сельской жизни, как близость к природе (утверждение 9). Вместе с этим они не только довольно высоко оценивают риски попасть в плохую компанию (утверждение 11), но и чаще остальных считают, что горожане плохо относятся к выходцам из села. Все это свидетельствует в пользу того, что по типу мышления, сложившейся ментальности якутская сельская молодежь является более «сельской», чем молодежь Московской области или Алтайского края. Это, в частности, согласуется с тем, что якутские школьники более остальных склонны в перспективе рассматривать такие варианты миграционно-образовательных стратегий, которые замыкались бы на село (табл. 13).

Весьма неожиданным обстоятельством оказалось то, что преємственность семейных традиций представляет большую ценность не столько для якутских или алтайских школьников, сколько для учащихся подмосковных сельских школ (утверждение 13).

Таблица 15

Распределение ответов на вопрос «Что вы планируете делать после окончания школы?» (учащиеся)

Утверждения	Согласные с утверждениями					
	Московская область		Республика Саха (Якутия)		Алтайский край	
	N	%	N	%	N	%
1. Работать в городе легче, чем в селе	201	73,63	399	65,84	320	72,56
2. Работать в городе престижнее, чем в селе	300	96,46	624	92,04	472	96,92
3. В городе я смогу найти работу, которая мне нравится	296	95,48	618	92,51	462	95,65
4. Если я буду жить в городе, то смогу заработать больше денег	268	90,85	575	89,42	430	91,30
5. В городе я смогу получить более качественное образование	274	90,13	635	95,35	464	95,87
6. Жить в городе лучше, потому что там больше развлечений, а в селе — скучно	217	72,09	425	64,39	324	67,08
7. Жить в городе дороже, чем в селе	251	84,23	584	87,16	407	88,67
8. В селе легче устроиться на работу, чем в городе	103	37,18	331	53,73	151	35,61
9. Жить в селе лучше, потому что там красивая природа (ягоды, грибы, охота, рыбалка и т.д.)	205	69,97	569	83,68	346	73,46
10. Жить в городе трудно, потому что там не будет поддержки родственников и друзей	164	55,78	362	55,61	203	43,84
11. Жить в городе опасно, там легко попасть в плохую компанию	183	63,54	484	72,35	230	48,73
12. В городе к выходцам из села относятся плохо	77	29,39	297	51,74	98	23,56
13. Для меня важно следовать традициям моей семьи и продолжить дело своих родителей	100	36,63	192	31,79	83	18,49

Обратимся к рассмотрению разных сторон материального положения семьи как фактора формирования образовательных, карьерных и миграционных стратегий учащихся предвыпускных классов сельских школ. В табл. 16 приведены средние, медианные и максимальные значения ежемесячных доходов родителей респондентов в исследуемых регионах.

Таблица 16

Ежемесячный доход родителей

Показатель	Московская область, руб.		Республика Саха (Якутия), руб.		Алтайский край, руб.	
	Отец	Мать	Отец	Мать	Отец	Мать
Среднее	18 220	16 133	16 088	13 859	19 291	10 282
Медиана	17 000	13 000	12 000	12 000	15 000	7 500
Стандартное отклонение средней	749,8	1 066,2	743,6	460,5	1 290,4	519,6
Максимум	53 000	150 000	100 000	70 000	150 000	60 000

Полученные данные свидетельствуют о схожих уровнях доходов у отцов в Московской области и Алтайском крае и чуть менее благополучной ситуации в Якутии. Обращает на себя внимание различие доходов отцов и матерей в Алтайском крае: все показатели дохода (среднее, медиана и максимум) для отцов превышают аналогичные показатели для матерей почти в два раза.

Помимо уровня дохода в эмпирическом исследовании мы использовали вопрос об уровне доступности тех или иных групп потребительских благ (табл. 17). Анализ ответов показал, что во всех трех регионах ситуация не самая благополучная. Достаточно высока доля крайней бедности в Якутии (9% респондентов не хватает денег даже на продукты питания) и в Московской области (8%), при этом затруднения с покупкой одежды возникают у трети якутских семей и 28% алтайских семей. Домохозяйств, которые могут без труда приобретать то-

вары длительного пользования – менее 1/3 в Алтайском крае, около 1/4 в Московской области и менее 1/6 в Якутии.

Таблица 17

Распределение ответов на вопрос «На что хватает дохода, который получает ваша семья?» (родители)

Ответ на вопрос	Московская область		Республика Саха (Якутия)		Алтайский край	
	N	%	N	%	N	%
Не хватает даже на продукты, едва сводим концы с концами	21	8,1	59	8,8	9	2,2
Хватает только на продукты, но покупка одежды вызывает серьезные трудности	45	17,4	231	34,6	114	27,6
Хватает на продукты и одежду, но покупка товаров длительного пользования является проблемой	127	49,0	267	40,0	174	42,1
Можем без труда приобретать товары длительного пользования, но затруднительно приобретать действительно дорогие вещи	63	24,3	108	16,2	112	27,1
Можем позволить себе достаточно дорогие покупки – машину, квартиру, дачу и многое другое	3	1,2	2	0,3	4	1,0

Несмотря на трудное финансовое положение, многие родители выразили готовность нести расходы, связанные с продолжением образования их детей (табл. 18). Распределение ответов на вопрос о таких расходах значительно различается для всех обследуемых регионов. Более половины родителей в Якутии готовы оплатить и обучение, и проживание своего ребенка, еще треть готова оплатить только обучение или только проживание на время обучения, всего 10% не будут брать на себя никаких дополнительных расходов, связанных с образованием.

Таблица 18

Распределение ответов на вопрос «Какие из нижеперечисленных расходов, связанных с продолжением образования вашего (вашей) сына/дочери, вы собираетесь взять на себя?» (родители)

Ответ на вопрос	Московская область		Республика Саха (Якутия)		Алтайский край	
	N	%	N	%	N	%
Плата за обучение, а также его проживание в городе на время	89	34,2	323	48,6	212	51,6
Только плата за обучение	70	26,9	54	8,1	103	25,1
Только плата за проживание на время обучения	44	16,9	222	33,4	70	17,0
Не собираюсь ничего оплачивать	57	21,9	65	9,8	26	6,3

В Московской области только треть родителей согласны оплачивать и обучение, и проживание, а более 20% не готовы нести никаких из перечисленных расходов. И, наконец, в Алтайском крае наблюдается отличная от двух других регионов картина. Более половины родителей готовы взять на себя все расходы, связанные с обучением (максимальное значение по массиву), четверть – только плату за обучение (как в Московской области) и не собираются ничего оплачивать всего 6% (самое низкое значение по массиву). Таким образом, в Алтайском крае отмечается наибольшая готовность дать своим детям высшее образование. Корреляция между субъективным показателем благосостояния («На что хватает дохода, который получает ваша семья?») и расходами на образование значима.

Готовность оплаты только проживания в городе у якутских семей отчасти объясняется тем, что около 80% ответивших таким образом родителей планируют обучение своих детей только на бесплатной основе (на бюджетных местах). И в целом якутские семьи в большей степени, чем жители Подмосковья и Алтайского края, ориентированы на бесплатное образование для своих детей (50% в Якутии против 35% в Московской области и 23% в Алтайском крае).

Проанализируем зависимость ожидаемых образовательных и миграционных траекторий сельских школьников и уровня доходов их родителей. Коэффициент корреляции между объективным (ежемесячный доход на члена семьи) и субъективным показателем благосостояния («На что хватает дохода, который получает ваша семья?») и предполагаемыми расходами на образование оказался отрицательным и значимым для Московской области. Иными словами, чем выше доход домохозяйства, тем большую готовность принять на себя расходы, связанные с образованием ребенка, проявляют родители. Аналогичная картина характерна также и для Алтайского края. В Якутии же такой строгой зависимости не наблюдается, причем многие родители, вне зависимости от своего достатка, собираются оплачивать проживание своих детей во время их обучения (рис. 1).

Рис. 1. Готовность родителей нести расходы, связанные с продолжением образования детей, в зависимости от доходной группы, по регионам

В Якутии и Московской области чем выше доход на члена семьи, тем большее количество семей планируют обучение детей в вузе. Причем для семей с доходом более 30 тыс. руб.

на человека этот показатель достигает 100% как в Якутии, так и в Московской области. Эти выводы подтверждаются, если в качестве объясняющей переменной используются ежемесячный доход отца или ежемесячный доход матери. Однако в Алтайском крае данная зависимость отсутствует, т.е. на обучение в вузе в равной степени нацелены дети из семей как с низкой, так и с высокой обеспеченностью.

Анализ не выявил значимой взаимосвязи между желанием сельского школьника продолжить образование в учебном заведении того или иного типа, а также его намерением уехать в город или остаться в селе и обеспеченностью жильем его родительской семьи или типом жилища, в котором семья проживает. Таким образом, гипотеза исследования относительно положительного влияния жилищной обеспеченности на желание остаться в деревне не находит подтверждения.

Как и обзор жилищных условий, анализ собственности, которой владеют сельские жители исследуемых районов, показал значительные различия в образе жизни. Так, в Якутии более 40% домохозяйств держат домашний скот (в Алтайском крае – 26%, в Московской области – 14%), более 45% имеют подсобное хозяйство (в Алтайском крае – 48%, в Московской области – 30%), у 55% есть земельный участок (в Алтайском крае – 54%, в Московской области – 45%). В Якутии четверть населения владеет сельскохозяйственной техникой, в Алтайском крае и Московской области – только около 6%. При этом в Алтайском крае и Московской области больше личных автомобилей, а в Московской области большее число семей имеют второе жилье в городе.

Таким образом, достаточно отчетливо прослеживается различие в хозяйственном и жизненном укладах исследуемых регионов. Очевидно, что процессы урбанизации больше отражаются на селах Московской области, в то время как более обширную, но менее населенную Якутию они практически не затронули. Алтайский край также остается территорией с низкой степенью урбанизированности сельского жизненно-

го уклада, но его специфика заключается в том, что наиболее обеспеченные сельчане стараются механизировать свой труд и вкладывают заработанные деньги в технику и средства производства сельскохозяйственной продукции.

Внутри каждого региона значимой связи намерений сельских школьников относительно карьерной траектории и жизненного пути с наделенностью родителей собственностью мы не обнаружили. Таким образом, соответствующая гипотеза о наличии такой связи не подтвердилась.

Подытоживая результаты исследования, нельзя сказать, что мы столкнулись с чем-то совсем неожиданным или противоречащим исследовательской интуиции. Однако ключевой вопрос заключался не столько в обобщенной характеристике предпочтений сельских школьников, сколько в том, чтобы определить те факторы, которые способствуют формированию у них устойчивого желания обустроить собственное будущее, не покидая или, по крайней мере, не теряя связь с селами. Задача эта является особенно актуальной в свете принимающей угрожающие масштабы депопуляции сельских территорий страны. Так, согласно недавнему заявлению заместителя главы Минрегионразвития С. Юрпалова, с 1990 года в России исчезло 20 тыс. сел и деревень. Сегодня эта ситуация еще больше усугубляется непрекращающимся демографическим спадом и последствиями финансово-экономического кризиса, что провоцирует дальнейший отток наиболее динамичной и мотивированной части молодежи из сельской местности в города. Как наглядно свидетельствует опыт Алтайского края, такая простая и казалось бы очевидная мера, как создание возможностей для соответствующего трудоустройства, в действительности вряд ли способна переломить эту миграционную тенденцию — настолько велико желание молодежи «утекать» из сел. И если характеристика этой «дрейфующей» части сельских тинейджеров оказалась настолько пестрой, что не дает возможности однозначно судить об их мотивах к бегству, то в отношении тех, кто в качестве наиболее вероятной

рассматривает для себя именно сельскую карьеру, можно вполне определенно набросать следующий не внушающий оптимизма портрет. Прежде всего в эту категорию попали те, кто демонстрирует слабую успеваемость в школе и потому имеет мало шансов на поступление в учреждения профессионального образования. Отсюда неудивительно, что речь идет в основном о ребятах, а не девушках, которые в среднем проявляют больше усердия и заинтересованности в результатах в процессе обучения. Но, пожалуй, наиболее грустным является обстоятельство, никак не связанное с личностными качествами: выяснилось, что желание жить и работать в селе проявляется у школьников тем сильнее, чем дальше расположены их села от региональных столиц. Таким образом, значительная часть тех, кто выбирает сельскую карьеру, делает это попросту из обреченности, а именно – отсутствия возможности более или менее регулярно бывать в городе, не говоря уже о возможности временного проживания, доступности инфраструктуры досуга и развлечений и т.д. Неудивительно, что дети, оказавшиеся в подобной ситуации, чаще остальных испытывают различные фобии и предубеждения относительно городской жизни (например, бояться попасть в плохую компанию или считают, что в городе к выходцам из села относятся плохо).

И все же один, несомненно, положительный мотив, хоть и слабо, но сдерживающий желание школьников оставить «отчий дом», был нами обнаружен. В частности, оказалось, что дети, чьи родители ведут собственное, пусть и небольшое дело, склонны более позитивно оценивать перспективы собственного трудоустройства в селах. Исходя из этого, можно предположить, что раннее трудовое воспитание и возможность передачи дела по наследству принадлежат к числу тех необходимых предпосылок, которые формируют среди сельских школьников устойчивое желание остаться или, по крайней мере, вернуться в село после получения образования.

Итак, абсолютно доминирующей во всех трех регионах, принявших участие в исследовании, является стратегия сель-

ских школьников на продолжение образования после школы в первую очередь в вузе или колледже (техникуме), а потом работа в городе. В селе для школьников привлекательна прежде всего красота природы, грибы, ягоды, рыбалка. Они не хотят оставаться в селе ради семейных традиций, не ориентируются в будущем ни на сельскохозяйственные виды деятельности при выборе профессии, ни на сельский образ жизни. Несмотря на угрозу недоброжелательного отношения горожан к выходцам из села, опасности попасть в городе в плохую компанию, дороговизны городской жизни, сельских школьников привлекают «огни большого города», они выбирают столичные города, в которых хотят продолжить учебу, а потом остаться жить и работать. Большинство выпускников сельских школ планируют навсегда переехать в города: они хотят жить в городе сразу после окончания школы и тогда, когда у них будут дети.

Таким образом, результаты эмпирического исследования дают основания предполагать *смену модели социальной динамики* для выпускников сельских школ. Раньше переезд из села в город начинался «снизу» — через устройство на низкоквалифицированные рабочие места в городе с постепенным продвижением по карьерной лестнице, медленным улучшением материального положения. Иногда только в следующем поколении дети сельских мигрантов получали высшее образование и становились высококвалифицированными специалистами. Таким образом, переезд в город выполнял роль «*социального лифта*»: снизу — вверх. Сейчас модель социальной динамики меняется — высшее образование сможет выполнить для выпускников сельских школ роль «*социального парашюта*». Они поступают в вузы, за время учебы адаптируются к городской жизни, получают профессии, требующие высокой квалификации, находят в городе высокооплачиваемую работу, снимают или покупают в кредит жилье.

Отметим, что рынок жилья во всех городах позволяет найти подходящее жилье. В результате фактически сразу после окончания вуза выходцы из села попадают в социальную

группу городских жителей среднего класса: они могут найти высокооплачиваемую работу, заняться умственным квалифицированным трудом, освоить городские культурные коды и ценности, адаптироваться к столичному стилю жизни.

На наш взгляд, стратегия сельских школьников на переезд в город для продолжения образования после школы, прежде всего в вузе, а потом работа в городе становится более реалистичной в современных условиях, чем раньше, благодаря нескольким факторам. *Во-первых*, возможности поступить в вуз по результатам единого государственного экзамена, подавая документы сразу в несколько вузов. Раньше сельским школьникам было очень трудно преодолеть барьер «школа—вуз», потому что они не могли заниматься на подготовительных курсах и с репетиторами для подготовки к вступительным экзаменам в конкретный вуз, из-за чего сильно проигрывали городским школьникам. Сейчас вероятность того, что выпускники сельских школ смогут найти вуз, соответствующий их результатам единого государственного экзамена, резко возросла. *Во-вторых*, «образовательный бум» предыдущих 15 лет, в течение которых в России наблюдался устойчивый высокий спрос на высшее образование со стороны семей, привел к неконтролируемому скачкообразному росту количества государственных и негосударственных вузов и их филиалов, а также расширению предлагаемых ими образовательных программ. При сокращении численности учащихся спрос на образовательные услуги упал, что привело к возникновению избыточного предложения со стороны разросшейся образовательной инфраструктуры, ориентированной на высокий спрос семей, что обострило конкуренцию между вузами за абитуриентов. *В-третьих*, демографический спад «докатился» до вузов — резкое сокращение числа выпускников школ вынуждает вузы принимать почти всех, кто имеет положительные результаты единого государственного экзамена, чтобы набрать абитуриентов на бюджетные и платные места. Таким образом, вероятность поступления в вуз у выпускников сельских школ 2011–2014 годов существенно возросла.

Подчеркнем, что при выборе стратегии «Продолжение образования после школы в вузе/техникуме, а потом работа в городе», карьерные притязания и социальная мобильность выходцев из села будут опираться на их собственный профессиональный, социальный и культурный капитал, полученный ими за время обучения в вузе. Вуз в таком случае должен обеспечить адаптацию выпускников сельских школ к городской жизни за время учебы. Есть основания полагать, что учебные заведения профессионального образования являются наилучшими социальными институтами, способными решать задачи социальной ассимиляции и адаптации сельских школьников к городской жизни и высококвалифицированным рабочим местам.

Высокая привлекательность и реалистичность образовательных, карьерных и миграционных стратегий сельских школьников, осуществленных по модели «социального парашюта», дают основания предполагать *новую волну* процесса урбанизации в России. Считалось, что процесс интенсивной урбанизации в России закончился. Последние 30 лет, начиная с переписи 1979 года, доля сельского населения практически не уменьшалась и составляет 25–27%. Если оправдаются выявленные в результате эмпирического исследования миграционные стратегии учащихся 9–11 классов сельских школ, то отток молодежи из сел в города будет очень существенным и может спровоцировать новую волну активной урбанизации.

**НОВЫЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
МЕХАНИЗМЫ В ОБРАЗОВАНИИ:
PERFORMANCE MANAGEMENT
& PERFORMANCE BUDGET**

Последние годы характеризуются резким повышением активности исследований в области экономики образования, их актуальность диктуется необходимостью принимать взвешенные решения в процессе радикальных реформ системы распределения государственных финансовых средств между учебными заведениями практически во всех странах Европы и Юго-Восточной Азии.

Современные финансовые механизмы, которые апробируются в образовании, основаны на комбинации различных подходов. Однако в условиях финансово-экономического кризиса упор делается на достижение более высоких результатов при меньших государственных расходах. Эксперты сходятся во мнении о необходимости дерегуляции институционального менеджмента, несмотря на то что ужесточается целевой контроль путем оценки достижений, акцент переносится на новые формы общественного управления и усиливается ответственность учебных заведений перед учредителями.

Сфера образования в России нуждается в системных институциональных изменениях. Такого мнения придерживаются практически все стейкхолдеры (заинтересованные лица) в системе образования: профессиональное сообщество, эксперты, чиновники, родители и работодатели. Все сходятся во мнении, что сегодня необходимо повысить доступность качественного образования независимо от места жительства, социального статуса и доходов семьи, сделать его адекватным современным вызовам, вернуть системе образования фундаментальный характер. Практически все стейкхолдеры согласны с тем, что надо отказаться от идеи понимания качества образования как статичной характеристики, а перейти к пониманию качества как процесса управления согласованием интересов разных групп – руководителей системы образования и учебных заведений, родителей, работодателей, самих учащихся. Разногласия возникают по вопросам определения путей достижения этих целей. Поэтому для управления процессами модернизации в системе образования необходимо использовать методы управления по результату – *performance management*.

При всем сходстве решений, принимаемых в Европе и России, принципы, на которых основаны эти решения, часто оказываются противоположными. При переходе на новые механизмы финансирования, ориентированные на результат (*Performance Funding Model*), европейские страны основывали свои действия на концепции, предусматривающей максимизацию поддержки стратегических решений при минимизации вмешательства чиновников в дела учебных заведений – школ, техникумов, университетов. Всеми было признано, что автономия превращается в один из главных факторов, способствующих повышению качества и конкурентоспособности образовательных учреждений. Автономия выражается в том, что учебные заведения владеют активами, сами решают инвестиционные вопросы, менеджмент учебного заведения несет от-

ответственность за финансовую деятельность и осуществляет ее контроль, включая долгосрочные программы, нанимает персонал и несет за него ответственность, платит выходные пособия и пенсии, а также пособия по безработице.

Внешне российские законы об автономии очень похожи на те, что приняты в европейских странах, но по существу они не предоставляют обещанной свободы в принятии стратегических решений и распределении ресурсов, не защищают от мелочной опеки и неусыпного контроля, не гарантируют устойчивого долгосрочного развития. Даже вновь принятый Федеральный закон от 8 мая 2010 года № 83 о правовом статусе бюджетных учреждений уже на стадии подготовки к его реализации обязывает учебные заведения (как и бюджетные учреждения в других сферах) ежегодно разрабатывать и утверждать в соответствующем министерстве план финансово-хозяйственной деятельности по самым дробным статьям экономической классификации расходов, т.е. фактически утверждать ту же самую смету. По окончании финансового года не само учебное заведение, а чиновники будут принимать решения о направлениях расходования финансовых остатков. Ограничивает самостоятельность в распоряжении финансовыми средствами и сохранение счетов в казначействе, и обязанности применять Федеральный закон № 94 в редакции от 3 ноября 2010 года для осуществления любых закупок, в том числе при заключении договоров на консалтинговые, исследовательские и проектные работы. Получается, что стратегические решения обслуживаются неадекватными механизмами финансирования – вместо устойчивого финансирования на долгосрочной основе. Вновь и вновь подспудно воспроизводятся механизмы текущего сметного финансирования, не оставляющего школе или университету никакой свободы, никакого маневра для развития. Даже если финансирование учебных заведений увеличивается, то прав в распоряжении финансовыми ресурсами не прибавляется, а зна-

чит, возникает риск, что системные изменения осуществить не удастся.

Мы наблюдаем отставание институциональных реформ, несомасштабность сложившегося проектного менеджмента в учебных заведениях росту финансовых ресурсов, слабую чувствительность к внешним угрозам: финансово-экономическому кризису, демографическому спаду, снижению платежеспособного спроса, особенно в регионах России. Но самое критичное – это то, что происходит замораживание развития кадрового потенциала и устаревших управленческих технологий. «Короткие» деньги, получаемые школами и университетами по смете или ежегодно утверждаемому чиновниками плану финансово-хозяйственной деятельности, цементируют сложившуюся модель и не могут сыграть роль катализатора реформ. Ресурс автономии не используется.

Для образования более адекватны методы управления, характерные для современного управления сетью, а не отдельным учреждением или организацией. Это намного сложнее, поскольку требует многоаспектного фокусирования, гибкого сочетания принципов административного руководства, косвенного экономико-финансового воздействия, деликатного стимулирования. Концептуальными основами такого подхода служит теория сигналов и фильтров. Управление учебными заведениями ориентировано на деятельностные принципы, актуализацию будущего в настоящем, на то, что принято называть *action-education & action-research*. Для этого учебное заведение, конечно, должно обладать свободой в стягивании и переброске ресурсов, владеть технологиями фандрайзинга. Это не отменяет принципов прозрачного бюджетирования и общественного контроля, а наоборот – заставляет использовать их максимально эффективно. В настоящее время наиболее успешными в плане обеспечения инновационного характера развития образовательной деятельности становятся такие учебные заведения, где одновременно реализуются три типа процессов:

- разработка образовательных технологий, обеспечивающих интеграцию проектных и исследовательских задач с учебным процессом;
- разработка проектов, связанных с развитием различных технологий;
- проведение исследований как фундаментального, так и прикладного характера.

Эффективное сочетание всех трех процессов при создании и обновлении образовательных программ обеспечивает их конкурентоспособность.

В обстоятельствах противоречивых сигналов рынка труда произошла ориентация профессионального образования на потребителей своих услуг и обучение по тем специальностям, которые потребители хотят получить. Таким образом, молодежь и родители стали сочетать две роли в отношении системы профессионального образования: они выступают и его потребителями, и заказчиками. Система образования замкнулась на их запросы, слабо реагирует на сигналы со стороны рынка труда. Результатом отсутствия налаженных каналов обратной связи системы образования и рынка труда стала несогласованность действий государства, образовательной системы и работодателей. Работодатели не имеют стратегических планов развития своего бизнеса на 10 лет вперед, чтобы выступить ответственным заказчиком выпуска студентов по специальностям. Они знают, что им надо сегодня-завтра, но не через 10 лет. Профессиональные стандарты, которые могли бы стать основой новых образовательных стандартов, разрабатываются крайне медленно, и для ключевых отраслей экономики их пока нет. В таких условиях область допустимых решений очерчивается продуманной политикой поддержки партнерства вузов и бизнес-сектора – компаний, корпораций, фирм, организаций некоммерческого сектора, а также высоким темпом обновления учебных программ, гарантирующих качество образования, соответствующее современным вызовам экономики и общества,

а вовсе не угадыванием спроса на профессии через 5–10 лет. Вчера можно было услышать о ненужности инженеров, а сегодня о перепроизводстве экономистов и юристов. Чтобы избежать такой разбалансировки, нужно инвестировать в самих студентов, в качество образования, в новые разработки учебных программ, основанных на научных исследованиях. Креативный потенциал будущих выпускников университетов – главный залог создания новых качественных рабочих мест.

В современных условиях спрос со стороны семей и самих обучающихся предъявляется не только на те знания, которые предлагаются в форме дисциплин и предметов, но и на те компетенции и культурные стандарты, которые дает сам процесс обучения и пребывания в атмосфере современной школы или университета. Для того чтобы придать импульс к повышению качества, необходимо осуществить переход от управления образовательными учреждениями к управлению образовательными программами. Мобильность – ресурс развития, благодаря которому формируется поколение, существенно отличающееся от их родителей социальным опытом. Сейчас значимый креативный потенциал концентрируется в университетах, причем не только в элитарных, но и в тех, которые отличаются открытостью к новому и динамизмом. Горизонтальная мобильность и движение человеческого капитала обязательно меняют его качество, позволяют быстрее вытеснять устаревшее, осваивать новое.

Современный университет можно рассматривать как микромодель нового общества с новой экономикой. Он представляет собой как бы инкубатор общества, основанного на знаниях. Академические свободы, студенческое самоуправление, организация научных коллективов, включающих и профессоров, и студентов на принципах проектной самоорганизации, динамизм стремительной генерации и освоения нового знания и компетенций, умение концентрировать интеллектуаль-

ные и финансовые ресурсы на ключевых точках роста — все это и есть желаемые характеристики современного университета. Такое же описание применимо и к обществу, основанному на знаниях. Поэтому предоставляя учебным заведениям свободу, сопряженную с механизмами финансирования на долгосрочной основе с правом самостоятельного распоряжения, мы получаем шанс перейти от тактических решений на принципах управления затратами к стратегическим решениям на принципах управления результатами, к инвестированию в креативный класс, который, как писал Ричард Флорида, меняет будущее.

Анализируя опыт регионов, внедряющих современные модели финансирования, можно выявить четыре основных подхода к формированию программы адаптации:

- применение адаптационных коэффициентов на основе расчета не фактической, а приведенной численности учащихся;

- сужение коридора значений адаптационных коэффициентов, включая диапазон допустимых отклонений;

- формирование фонда сбалансированности на адаптационный период, за счет которого производится коррекция нормативов;

- стимулирующая адаптация — зависимость получения средств из регионального фонда софинансирования социальных расходов от результатов внедрения современных моделей финансирования в муниципальных образованиях и доведении их до образовательных учреждений. В этом случае наряду с программой модернизации образования в регионе реализуется программа реформирования региональных финансов.

В рамках реформирования межбюджетных отношений на региональном уровне вводятся несколько фондов, таких как фонд компенсаций, фонд выравнивания, фонд софинансирования социальных расходов, фонд развития и др. У каждого

из этих фондов своя задача, но они позволяют наладить взаимодействие региона и муниципалитетов в достижении общих целей. Так, например, выплаты из фонда софинансирования социальных расходов носят стимулирующий характер, а их получение ставится в зависимость от результатов внедрения новых механизмов финансирования социальной сферы, т.е. это обусловленные выплаты.

Важнейшим условием разработки обоснованной программы адаптации к внедрению современных механизмов финансирования служит опора на демографический прогноз и прогноз социально-экономического развития региона и муниципалитетов. Расчет объема субвенции на среднесрочную перспективу должен быть произведен в соответствии с прогнозом численности детей от новорожденных до 17 лет включительно, с учетом индекса потребительских цен, оценкой налогового потенциала и другими факторами.

В отдельных регионах, например в Тверской области, объявлена программа последовательного снижения коэффициентов адаптации муниципалитетов. Рассматриваются два способа их последовательного снижения:

– равномерное снижение коэффициентов адаптации для муниципалитетов, имеющих значение $K_{\text{Ад}} > 1$. Темп снижения может быть выбран равным, например, 10% в год. В этом случае муниципалитеты, имеющие различные исходные значения $K_{\text{Ад}}$, достигнут значения $K_{\text{Ад}} = 1$ за разное время;

– неравномерное снижение коэффициентов адаптации для муниципалитетов, имеющих значение $K_{\text{Ад}} > 1$. Программа снижения коэффициентов адаптации для муниципалитетов определяется расчетными формулами.

Программа адаптации к внедрению современных механизмов финансирования образовательных учреждений в виде сужающегося коридора поправочных коэффициентов требует установления динамики снижения. Внутри этого коридора полномочия по установлению поправочных

коэффициентов каждого отдельного общеобразовательного учреждения передаются в распоряжение местных органов самоуправления.

Применение финансирования по схеме постепенного сокращения фонда сбалансированности позволяет дополнительно определить объективные факторы удорожания образовательных услуг и уточнить их перечень на последующие годы. Возможна стратегия создания фонда стимулирования качества образования по мере сокращения фонда сбалансированности.

Сокращение зон неэффективности и использование внутренних резервов роста позволят стабилизировать нормативы финансирования образования и обеспечить их рост в зависимости от уровня инфляции. Регионы-лидеры комплексной модернизации образования использовали систему управления по результату для достижения этих целей. К инструментам управления по результату в образовании можно отнести:

- механизмы бюджетирования, ориентированного на результат, включая переход на финансирование по заданию учредителя с увязкой показателей количества и качества оказываемых услуг и выполненных работ;

- принципы нормативно-подушевого финансирования при распределении бюджетных ресурсов;

- введение стимулирующей системы оплаты труда, ориентированной на оплату за качество обучения и учебные достижения учащихся;

- обеспечение участия органов общественного самоуправления учебных заведений (управляющих советов) в управлении образовательными учреждениями, формировании миссии, стратегии развития и ее реализации, разработке критериев стимулирования педагогов;

- государственную поддержку программ развития учебных заведений на основе принципов «Деньги в обмен на обязательство» и «Деньги в обмен на эффективность»;

– внедрение обязательной публичной отчетности учебных заведений.

Эти инструменты в наибольшей степени применяются сегодня на уровне субъектов Российской Федерации при реформировании региональных систем образования, в первую очередь в управлении модернизацией школьного образования. Не меньшую эффективность эти инструменты могут дать и при реформировании системы дошкольного образования. Этот уровень наиболее приближен к населению, находится в ситуации повышающегося спроса и возрастающих требований к качеству образования, как со стороны родителей, так и со стороны школы. Более эффективное использование этих инструментов в дошкольном образовании сдерживается низкой квалификацией управленческих кадров в системе образования на муниципальном уровне.

Для внедрения инструментов управления, ориентированных на результат, необходимо обеспечить подготовку управленческих кадров, разработку руководства для специалистов с описанием примеров лучшей практики, проведение систематической диссеминации опыта.

Стратегия развития школьного образования ставит задачу повышения доступности качественного образования при эффективном использовании ресурсов. Сегодня усилия направлены на стимулирование инноваций на основе стремления школы к поддержанию и постоянному повышению качества и конкурентоспособности образования, на рост возможностей образовательного выбора для учащихся, на повышение автономии школы и оптимизации бюджетных расходов. Внедрение новых экономических механизмов связано с передачей образовательным учреждениям всех финансово-хозяйственных функций, предусмотренных законодательством.

Реализация региональных проектов модернизации образования привела к общему пониманию, что в современных условиях качество образования обеспечивается не отдель-

ным образовательным учреждением, а их сетью, основанной на принципах социального партнерства и межведомственном взаимодействии образования, культуры, спорта и других секторов социальной сферы. Рационализации использования образовательных ресурсов территории способствует специализация учреждений, их кооперация и интеграция, внедрение новых вариативных моделей образовательных учреждений.

Результаты реализации региональных проектов показывают, что постепенно начинает складываться «цепочка диффузии инноваций»: лучшие учителя и лучшие школы, победившие в конкурсном отборе на первом шаге, становятся пилотными площадками, на базе которых отрабатываются основные направления комплексной модернизации региональных систем образования. Во многих регионах лучшие школы, взяв на себя роль лидеров инноваций, образно говоря, «открывают свои двери» для распространения лучших педагогических практик. Вместе с тем надо признать, что пока отсутствуют налаженные механизмы распространения нововведений в остальные регионы, не участвовавшие в реализации комплексных проектов модернизации образования. Если обобщение позитивного опыта с дальнейшей диссеминацией результатов не будет налажено, то это может увеличить дифференциацию между лидерами и аутсайдерами.

Самым слабым направлением для применения инструментов управления по результату надо признать управление качеством образования. Пока не удалось найти адекватной системы показателей, которая бы признавалась всеми участниками образовательного процесса (стейкхолдерами) — либо система становится слишком упрощенной, либо показатели неизмеримы, либо система становится излишне громоздкой и бюрократичной. Она перестает быть инструментом эффективного управления. Это очень существенный риск, в том числе для перехода на финансирование учебных заве-

дений по заданию учредителя, так как задание должно обеспечить увязку показателей количества и качества оказания услуг и выполнения работ. Пока приходится констатировать, что на первом этапе в случае перехода на финансирование по заданию учредителя придется пользоваться упрощенной системой, отражающей не процессы развития системы образования, а соблюдение федеральных государственных образовательных стандартов, т.е. функционирование системы в стандартном режиме.

Многие регионы внедряют мониторинг качества образования, что следует признать ключевым звеном в решении задачи перехода на управление по результату. Очень важно, что с введением стимулирующей части оплаты труда начинает происходить принятие большинством учителей принципа увеличения вознаграждения при высоком качестве образовательных услуг и повышении заинтересованности в получении доплат за результативность, обеспечивается доступность для населения информации о содержании и качестве образовательных услуг.

Так шаг за шагом складывается «цепочка эффектов» внедрения управления по результату. К ним можно отнести:

- внедрение современных принципов оплаты труда педагогов – оплата за качество (payment for quality) и за результат (performance a pay);

- превращение учебных заведений и педагогического общества в открытую систему, готовую к внешней оценке своей деятельности, к участию общественности в оценке качества образования;

- отказ от уравнительных подходов, поддержка лидеров, грамотное внедрение конкурентных начал в сфере образования;

- освоение современных управленческих технологий: проектного менеджмента, ответственного финансового менеджмента, командных принципов работы, мониторинга результативности и налаживания конструктивного обще-

ственного диалога (с профсоюзами, местным сообществом, родителями).

Принципы управления по индикаторам, публичная отчетность, прозрачный мониторинг, которые были отработаны в рамках комплексных проектов модернизации образования, могут быть использованы в других отраслях социальной сферы.

Литература

1. *Абанкина И.В.* Финансирование школьного образования в условиях бюджетной реформы / И.В. Абанкина // Народное образование. 2010. № 10. С. 117–120.
2. Экономика школы: модели финансирования, автономия, развитие сети / И.В. Абанкина, Т.В. Абанкина, А.И. Вавилов, Н.Я. Осовецкая. М.: Сентябрь, 2008. 192 с.
3. *Абанкина И.В.* Концептуальное проектирование в образовании / И.В. Абанкина // Общественные науки и современность РАН. 2010. № 3. С. 67–72.
4. *Абанкина И.В.* Кластеры развития / И.В. Абанкина, К.В. Зиньковский // Отечественные записки. 2008. № 40 (1). С. 68–83.
5. *Агранович М.А.* Последствия передачи финансирования профессионального образования на региональный уровень / М.А. Агранович // Вопросы образования. 2005. № 2. С. 112–128.
6. *Князев Е.А.* Об университетах и их стратегиях / Е.А. Князев // Университетское управление: практика и анализ. 2005. № 4. С. 9–17.
7. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее: пер. с англ. / Р. Флорида. М.: Классика – XXI, 2005. 421 с.
8. Новые подходы к финансированию государственных услуг в социальной сфере: сб. ст. / под ред. В.В. Климанова. М.: ИРОФ, 2008.
9. Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее? М.: ГУ-ВШЭ, 2007. 78 с.
10. *Левит С.* Суперфрикономика: пер. с англ. / С. Левит, С. Дабнер. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. 288 с.
11. *Титова Н.Л.* Путь успеха и неудач: стратегическое развитие российских вузов / Н.Л. Титова. М.: МАКС Пресс, 2008. 280 с.
12. *Типенко Н.Г.* Нормативно-подушевое финансирование школьного образования в регионах России / Н.Г. Типенко // Общественные науки и современность РАН. 2010. № 3.

13. *Фрумин И.Д.* Российское образование – 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях / И.Д. Фрумин // Модернизация экономики и глобализация.– М.: ГУ-ВШЭ, 2009.

14. *Фуллан М.* Новое понимание реформ в образовании: пер. с англ. / М. Фуллан М.: Просвещение, 2006.

15. *Левит С.* Фрикономика: мнение экономиста-диссидента о неожиданных связях между событиями и явлениями: пер с англ. / С. Левит, С. Дабнер. – М.: Вильямс, 2007. 272 с.

РЕЗУЛЬТАТЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОБЗОРА СИСТЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ И ДИРЕКТОРОВ ШКОЛ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Система повышения квалификации учителей и руководящих кадров Республики Таджикистан унаследовала все основные черты советской системы, а именно:

- 1) всеобъемлющий охват;
- 2) реализацию бесплатного повышения квалификации каждые пять лет в рамках предоставления государством права (еще с советского периода он равняется пяти годам);
- 3) реализацию программ повышения квалификации в специализированных государственных образовательных учреждениях – институтах повышения квалификации;
- 4) сметный характер финансирования системы повышения квалификации.

Вместе с тем, ситуация в Республике Таджикистан как в экономическом и социальном, так и в образовательном пространстве существенно изменилась за прошедшие 20 лет с момента распада Советского Союза. Независимость, гражданская война, последующее восстановление экономики и возрождение социальной сферы при активной под-

держке партнеров из стран СНГ, а также международных донорских организаций поставили перед руководством страны задачу сформировать социально ответственные государство и общество, способные откликнуться на новые вызовы XXI века.

Одна из важнейших социальных подсистем, призванных решать эти задачи – образование. Одной из основных задач, поставленных перед системой образования, является создание условий для доступа всех граждан страны к качественному образованию, по результатам которого они смогут быть конкурентоспособными на внутреннем и международном рынках труда.

Поставленная задача не может быть решена без изменения подходов к усилению кадрового потенциала системы образования. Пополнение качественных кадров должно осуществляться за счет подготовки нового поколения молодых педагогов и создания современной системы повышения квалификации учителей и руководящих кадров в сфере образования.

Проведение данного исследования было основано на изначальной гипотезе несоответствия существующей на сегодняшний день системы повышения квалификации учителей и руководящих кадров в сфере образования Республики Таджикистан основным требованиям, предъявляемым государством и обществом к качеству преподавания. Следует отметить, что до сегодняшнего дня в Республике Таджикистан не проводилось комплексное изучение действующей системы повышения квалификации, не анализировалась ее эффективность, не определялось, насколько программы повышения квалификации обеспечивают потребности системы образования в качественных кадрах.

В последние годы в Республике Таджикистан реализовывались многочисленные международные программы повышения квалификации при активной финансовой и иной

ресурсной поддержке крупных международных доноров (Международный банк реконструкции и развития, Фонд Ага Хана, ЮНИСЕФ, Институт «Открытое общество» и др.). Вместе с тем, в Республике нет консенсуса по поводу эффективности результатов данных программ, их влияния на изменение системы образования в Таджикистане, а также устойчивости тех изменений, на которые были направлены эти программы.

Кроме того, в общественном сознании сложилось устойчивое мнение о недостаточности направляемых на систему повышения квалификации ресурсов. Вместе с тем до настоящего времени не проводился анализ степени достаточности / недостаточности финансирования системы повышения квалификации, эффективности направляемых на ее нужды ресурсов.

Таким образом, функциональный обзор системы повышения квалификации учителей и руководящих кадров республики Таджикистан был призван восполнить обозначенные пробелы и ответить на ряд важных вопросов, что в конечном счете позволило бы реализовать следующую *цель: оценить современную роль и место системы повышения квалификации учителей и руководящих кадров республики Таджикистан для функционирования и развития системы образования и предложить меры по повышению ее эффективности.*

В качестве основных задач, решаемых в рамках функционального обзора, были выделены следующие:

1. Изучить действующую в настоящий момент в Республике Таджикистан систему повышения квалификации учителей и руководящих кадров, включая функционирование ее финансовых механизмов, в том числе:

- официальные нормы и регуляторы системы;
- потенциал действующих программ повышения квалификации учителей и руководящих кадров для поддержки в достижении целей и задач, сформулированных в Национальной

стратегии развития образования для реализации образовательных реформ;

– эффективность затрат на функционирование системы повышения квалификации.

2. Выработать рекомендации по повышению эффективности системы повышения квалификации, в том числе по ее структурным изменениям, если это будет необходимым.

Для решения основных задач данного функционального обзора было необходимо в рамках *первой задачи*:

1. Изучить действующие нормативно-правовые документы, определяющие функционирование системы повышения квалификации учителей и руководящих кадров в сфере образования, а также их методологической поддержки с точки зрения правовых основ, включая структуру, финансирование, программы, их продолжительность, механизмы реализации и др.

2. Изучить действующую систему повышения квалификации и методологической поддержки учителей и руководящих кадров в сфере образования в разрезе де-факто; определить различия между требованиями, предъявляемыми к системе де-юре, и реальной ситуацией, выявить причины этих различий, если они существуют.

3. Проанализировать ресурсные затраты (финансовые, материальные и кадровые) на систему повышения квалификации и методологической поддержки, а также их соответствие реально достигаемым результатам (например, число учителей, которые ежегодно проходят повышение квалификации).

4. Оценить эффективность системы повышения квалификации учителей и руководящих кадров в сфере образования, а также их методологической поддержки в целом.

5. Оценить способность системы повышения квалификации учителей и руководящих кадров в сфере образования к оказанию качественных услуг.

В рамках *второй задачи* необходимо:

1. Сформулировать рекомендации по обеспечению эффективности системы повышения квалификации учителей и руководящих кадров в сфере образования, а также их методологической поддержки с опорой на лучший международный опыт.

2. Организовать обсуждение разработанных рекомендаций с основными потребителями.

Исследование проходило в несколько этапов и включало в себя разнообразный арсенал существующих методов.

Исходя из поставленных задач, проведение функционального обзора представляло собой комплексное исследование, основанное на принципах *системного подхода*, подразумевающего структурный анализ компонентов системы, исследование причинно-следственных связей между ними, определение факторов, воздействующих как на систему в целом, так и на ее отдельные компоненты.

В процессе анализа действующей системы повышения квалификации учителей и руководящих кадров Республики Таджикистан, а также их методологической поддержки применялись факторный анализ, сравнительный анализ, SWOT-анализ.

В ходе анализа нормативно-правовой базы системы повышения квалификации учителей документы, определяющие ее функционирование, рассматривались в разрезе как *временного* (изменение нормативно-правовой базы во временной период), так и качественного анализа. Сопоставление ситуации де-юре и де-факто потребовало использования методов *сравнительного и факторного анализов*.

Изучение эффективности действующей системы повышения квалификации было основано на сравнительном анализе этой системы в Таджикистане и других странах, *контент-анализе* структуры системы повышения квалификации, *геополитическом анализе* данной системы в пространственном измерении районов.

Анализ ресурсных затрат на систему повышения квалификации подразумевал в том числе и *финансовый анализ* этих затрат. Использовались также методы статистического анализа для выявления значимых факторов, влияющих на те или иные ресурсные затраты и обоснование их изменения.

При формировании рекомендаций по изменению системы повышения квалификации учителей и руководящих кадров Республики Таджикистан, а также их методологической поддержки проводился *анализ рисков* по каждому из предлагаемых решений. Методология исследования подразумевала комплексное использование теоретических и прикладных методов. Основная логика исследования подразумевала следующую последовательность действий:

1. Исследование базовых объективных документов (нормативно-правовые, методические, статистические, финансовые).

2. Выявление основных линейных проблем (проблем на поверхности), зафиксированных в документах или выявленных в ходе интервью.

3. Рассмотрение причинно-следственных связей, формирующих проблемы и варианты их решений в рамках существующих возможностей через формирование перечня пространственных и структурных проблем (в объеме и географическом пространстве), и выявление факторов, влияющих на их остроту.

4. Анализ выявленных проблем через рассмотрение их под разным углом (с точки зрения всех субъектов системы).

5. Выявление мнений по поводу вариантов решений выявленных проблем и рейтингование этих вариантов по степени их популярности.

6. Систематизацию вариантов решений, обоснование выбора того или иного решения.

В рамках функционального обзора были проведены интервью со следующими субъектами системы повышения квалификации:

– органы исполнительной власти и управления образованием республиканского уровня (Минобразование Республики Таджикистан, Минфин Республики Таджикистан, Государственная служба по надзору в сфере образования);

– представители организаций республиканского уровня, участвующих в повышении квалификации (Академия образования Республики Таджикистан, Республиканский институт повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования, Республиканский учебно-методический центр);

– представители высших учебных заведений (Национальный университет, Педагогический университет);

– представители организаций-доноров (Международный банк реконструкции и развития, Агентство США по международному развитию, ЮНИСЕФ, Фонд Сороса, «Спаси детей», Фонд Ага Хана, Германское общество по техническому сотрудничеству (GTZ);

– представители крупных международных программ и проектов в сфере образования («Качественное обучение» Агентства США по международному развитию, FTI-2, FTI-3, «Образование без границ», «Развитие критического мышления через чтение и письмо», Вертикальный обзор системы образования и финансов (MTEF)), а также представители гражданского сектора (Ассоциация критического мышления);

– комплексные интервью в областях и районах Республики Таджикистан (Согдийская область, Хатлонская область, г. Душанбе, Горно-Бадахшанская автономная область, Турсунзадевский, Шахринавский, Раштский и Файзабадский районы), включающие интервью с руководителями областных и районных органов управления образованием, руководителями и преподавателями институтов повышения квалификации (5), руководителями районных методических кабинетов (7), директорами и учителями школ (9);

– интервью с руководителями организаций, участвующих в развитии инфраструктуры системы образования (Республиканский центр информационных технологий и коммуникаций, Центр разработки, издания и распределения учебников, научно-методических книг «Логос»).

В соответствии с нормативно-правовой базой де-юре существуют следующие структура и нормы функционирования системы повышения квалификации Республики Таджикистан:

1. Повышение квалификации учителей и руководящих кадров Республики Таджикистан является их обязанностью. Установлена периодичность повышения квалификации один раз в 5 лет.

2. Учителя и директора образовательных учреждений имеют право на бесплатное повышение квалификации один раз в 5 лет. Бесплатное повышение квалификации подразумевает бесплатное освоение программ дополнительного профессионального образования в объеме, устанавливаемом Республиканским институтом повышения квалификации и переподготовки работников образования.

3. Учителя школ осуществляют повышение квалификации в организациях дополнительного образования. Оно проходит по географическому принципу. В соответствии с административно-территориальным делением Республики Таджикистан институты повышения квалификации функционируют в каждой из областей (Согдийская, Хатлонская области, Горно-Бадахшанская автономная область). Учителя из районов республиканского подчинения проходят повышение квалификации в Республиканском институте повышения квалификации и переподготовки работников образования.

4. Учителям должен быть обеспечен бесплатный проезд, проживание (если необходимо) и питание в период прохож-

дения курсов повышения квалификации. Учителя должны быть обеспечены методической литературой и иметь доступ к средствам обучения, необходимым для освоения программ повышения квалификации.

5. За учителем сохраняется заработная плата на период прохождения им курсов повышения квалификации.

6. Повышение квалификации проходит в формах и порядке, определяемых Республиканским институтом повышения квалификации и переподготовки работников образования как республиканской организацией, уполномоченной Министерством образования Республики Таджикистан для координации республиканских мероприятий по повышению квалификации.

7. По результатам прохождения курсов повышения квалификации в нормативном объеме учителям выдается соответствующее удостоверение государственного образца.

8. Форма и порядок выдачи документа о повышении квалификации устанавливаются Министерством образования Республики Таджикистан.

9. Положение об аттестации педагогических работников в качестве одного из аттестационных критериев предусматривает прохождение курсов повышения квалификации.

10. В соответствии с законодательством Республики Таджикистан система повышения квалификации является предметом совместного ведения республиканских и районных органов власти и управления. На республиканском уровне происходит выработка государственной политики в сфере повышения квалификации, устанавливаются нормативы, определяющие требования к системе повышения квалификации. Орган надзора в сфере образования осуществляет выдачу лицензий организациям, реализующим образовательные программы дополнительного профессионального образования. Образовательные программы повышения квалификации утверждаются ученым советом Республиканского института

повышения квалификации и переподготовки работников образования и являются примерными для остальных институтов повышения квалификации.

11. В соответствии с принципом разделения полномочий в структуре районных органов управления образованием в качестве структурного подразделения должны существовать методические кабинеты. Функции методических кабинетов: методическая поддержка учителей и директоров школ в период между прохождениями курсов повышения квалификации; поддержка молодых педагогов; стимулирование профессионального роста учителей за счет проведения конкурсов на лучшего по профессии; сбор передового педагогического опыта и его публикация; обмен опытом между педагогами образовательных учреждений.

12. Нормативно закреплено наставничество – форма повышения квалификации молодых учителей, стаж работы которых не превышает трех лет. Наставники – опытные педагоги, которых прикрепляют к молодым педагогам распорядительным документом директора образовательного учреждения. Функции наставников: консультационно-методическая поддержка, помощь в разработке методических материалов к уроку, помощь в решении проблем.

13. Руководитель образовательного учреждения составляет перспективный план повышения квалификации (на 1 год и на 5 лет). Методические кабинеты систематизируют планы повышения квалификации и передают сведения о них в Институт повышения квалификации. На основании этих сведений Институт повышения квалификации составляет планы повышения квалификации на 1 год и 5 лет. Кроме того, на основании этих сведений планируются финансы на оплату дороги и командировочных расходов на повышение квалификации.

14. Администраторы образовательных учреждений проходят повышение квалификации в Республиканском институте повышения квалификации и переподготовки работников образования или областных институтах повышения квалифика-

ции. В отношении администраторов установлены те же нормативы и нормы по повышению квалификации, что и к учителям школ.

Современная структура системы повышения квалификации учителей и руководящих кадров в сфере образования в Республике Таджикистан

Современная структура системы повышения квалификации отражена на рисунке 1.

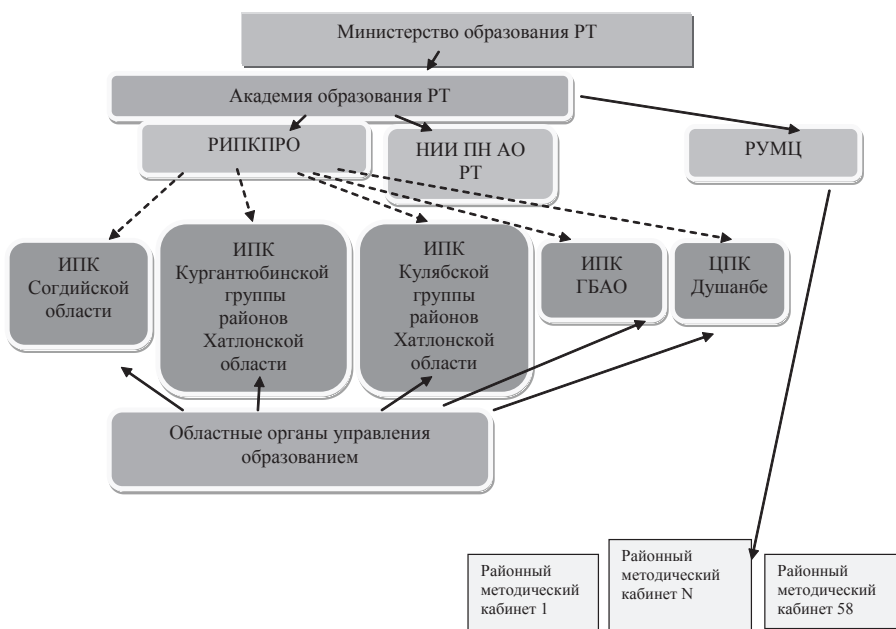

Рис. 1. Современная структура системы повышения квалификации учителей и руководящих кадров системы образования Республики Таджикистан: РИПКПРО – Республиканский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования; РУМЦ – Республиканский учебно-методический центр; ИПК – Институт повышения квалификации; ГБАО – Горно-Бадахшанская автономная область; НИИ ПН АО РТ – Научно-исследовательский институт педагогических наук Академии образования Республики Таджикистан.

Основные выводы из результатов анализа состояния действующей системы повышения квалификации учителей и руководящих кадров в сфере образования Республики Таджикистан

1. Основные показатели системы повышения квалификации (на базе статистических данных).

Число общеобразовательных учреждений (2009/2010 учеб. год) – 3 773.

Число учителей (2009/2010 учеб. год) – 94 347 по данным Минобразования Республики Таджикистан, 98 262 – по данным Минфина Республики Таджикистан, 94 866 – по результатам сложения данных по категориям учителей, в том числе без категорий 29 419, или 31%, учителей второй категории 17%.

Нехватка учителей: незанятые ставки – 8% в начальной школе и 15% в средней школе.

Квалификация: у 20% учителей – начальной школы и 35% в средней школы – квалификация ниже требуемой.

Финансирование (на 2009 год): 1 761 099 сомони – финансирование ИПК (обучение); 5 072 408 сомони – финансирование командировочных расходов (через районные органы управления образованием).

Недофинансирование по командировочным расходам – около 60%.

2. Выводы о содержании системы повышения квалификации.

Плюсы:

– гарантированное повышение квалификации один раз в 5 лет;

– сохранение системы наставничества для молодых специалистов;

– возможности стажировок;

– поддержка повышения квалификации «на местах» посредством обобщения опыта.

Минусы:

- государственные программы не отвечают современным требованиям методики и педтехнологий и потребностям педагогов;
- сроки повышения квалификации устарели, так как знания и технологии обновляются значительно быстрее;
- длительность программ (144–156 часов) является экономически неэффективной и методически устаревшей;
- отсутствуют программы переподготовки для непедагогов;
- обобщение передового опыта часто не выходит за границы муниципального образования, не поддерживается методическими изданиями;
- не ведется мониторинг эффективности повышения квалификации;
- отсутствуют требования к системе повышения квалификации в Законе «Об образовании», практически отсутствуют подзаконные акты.

3. Выводы о международных проектах и программах.*Плюсы:*

- многочисленные программы восполняют недостатки традиционной системы повышения квалификации;
- программы направлены на создание и расширение инновационных сетей педагогов и сопровождения образовательного процесса (методические пособия);
- сами программы вовлекают педагогов, родителей, институционализируются через государственную систему повышения квалификации.

Минусы:

- внедрение инновационных программ через государственную систему повышения квалификации затруднено, так как действующие институты повышения квалификации не используют их для изменения государственных программ и на официальных курсах (за исключением Горно-Бадахшанской автономной области);

- действия доноров не всегда скоординированы, программы иногда дублируют друг друга, а иногда расходятся по принципам;
- отсутствует мониторинг эффективности инновационных программ (непосредственный и отсроченный эффект);
- не все регионы вовлечены.

4. Выводы о методических пособиях для системы повышения квалификации.

Плюсы:

- существует специализированная организация, издающая методическую литературу;
- в рамках международных проектов издаются пособия в поддержку программ;
- издаются методички по обобщению передового педагогического опыта;
- проведена компьютеризация школ.

Минусы:

- отсутствует доступ к передовой методической литературе;
- отсутствуют средства для закупки методической литературы для ИПК;
- отсутствует система подготовки и распространения передовой методической литературы на родном языке и ее распространения;
- нет доступа к методическим интернет-ресурсам;
- литература в рамках международных проектов имеет ограниченное распространение.

5. Выводы об организациях, осуществляющих повышение квалификации.

Плюсы:

- установившаяся система организаций повышения квалификации;
- наличие пяти организаций системы повышения квалификации обеспечивает доступ учителей из разных районов к системе повышения квалификации;

- единство требований (типовые программы);
- сохранение советской системы методкабинетов.

Минусы:

– организации частично дублируют одни и те же функции, другие же не выполняются ни одной из организаций (ИПК, РУМЦ, НИИ АО РТ);

– устаревшая структура организаций препятствует мобильности и формированию конкуренции;

– слабая научная база, отсутствуют стимулы для роста и развития теоретической и практической науки;

– отсутствуют горизонтальные связи с зарубежными партнерами;

– сметный принцип финансирования ведет к отсутствию ответственности за качество.

6. Выводы о молодых специалистах и качестве подготовки кадров.

Плюсы:

– наличие системы государственного распределения молодых специалистов после окончания вузов (снятие проблемы дефицита кадров);

– возможность годичной ассистентуры (старшие курсы);

– сохранение наставничества;

– специальные международные программы (GTZ).

Минусы:

– невысокое качество молодых кадров после вузов – снижение качества преподавания;

– нет возможности для повышения квалификации до достижения 3-летнего стажа;

– текучесть и дефицит педагогических кадров (точные дисциплины, информатика, родной язык);

– значительное число педагогов не имеют спецобразования, нет специальных программ их переподготовки;

– отсутствие курсов повышения квалификации для педагогов дошкольного образования;

– отсутствие стимулов для удержания кадров.

7. Выводы о кадрах для системы повышения квалификации.

Плюсы:

- частичное сохранение опытных кадров в системе повышения квалификации;
- приращение кадрами за счет международных проектов, формирование системы неформального повышения квалификации в школах;
- сохранение системы повышения квалификации методистов районных методкабинетов.

Минусы:

- отсутствие стимулов для пополнения кадрами системы повышения квалификации;
- отсутствие системы научной деятельности в системе повышения квалификации;
- отсутствие системы ответственности за результат повышения квалификации;
- текучесть кадров на районном уровне (методические кабинеты);
- отсутствие системы повышения квалификации работников ИПК и системы оценки их деятельности.

8. Общие выводы о проблемных аспектах в развитии системы повышения квалификации.

- устаревшая структура, продолжительность и содержание программ, их несоответствие современным требованиям образования и передовой методики;
- отсутствие системы повышения квалификации для кадров учреждений дополнительного образования ведет к их методическому устареванию, отсутствие системы оценки их деятельности снижает качество работы кадров;
- отсутствие конкуренции в системе повышения квалификации ведет к снижению ее эффективности (в постсоветских странах конкуренция развивается за счет вузов и «третьего» сектора);

– значительное недофинансирование системы повышения квалификации привело к скрытым платным услугам (покупка методической литературы, компенсация транспортных расходов);

– методические кабинеты не выполняют своих функций методологической поддержки, кадры устарели, высокая текучесть из-за низкого финансирования и привязки к структуре районов (смена руководства ведет к смене руководства методическими кабинетами);

– отсутствует эффективный контроль за расходованием средств и направлением педагогов на повышение квалификации, прежде всего на местах, вследствие чего часть педагогов вообще не проходит повышение квалификации, другие проходят его несколько раз за 5 лет (официальные данные отсутствуют, поскольку система финансирования предполагает возврат неиспользованных средств, возврата средств фактически нет);

– естественные географические, культурные, социально-экономические и иные особенности областей и районов не отражены (за исключением ГБАО) в программах повышения квалификации;

– слабо развитая инфраструктура системы повышения квалификации и методологической поддержки (методические библиотеки, электронный документооборот, Интернет-доступ) снижает возможности ее развития.

Рекомендации по развитию системы повышения квалификации учителей и руководящих кадров в сфере образования и их методологической поддержки

Основные цели

Система повышения квалификации должна:

– обеспечивать постоянное улучшение качества педагогических и управленческих кадров для обеспечения реализации задач развития системы образования, отвечающей требовани-

ям современного общества, ключевым аспектам государственной политики и международного развития;

– отвечать запросам и потребностям педагогов и администраторов образовательных учреждений в получении ими качественных услуг;

– нести ответственность за образовательные результаты системы образования.

Основные задачи:

1. Формирование системы современных норм и нормативов функционирования системы повышения квалификации учителей (через внесение изменений в Закон «Об образовании», формирование системы современных подзаконных актов, модернизацию норм функционирования организаций системы повышения квалификации).

2. Формирование управляемой системы повышения квалификации, ответственной за результат, эффективно расходующей средства, свободной в выборе методов управления.

3. Формирование комплекса мер по выравниванию ситуации в системе повышения квалификации в областях и районах Таджикистана за счет перераспределения ресурсов управления, финансирования, развития кадрового потенциала, максимально эффективного использования донорских программ.

4. Формирование конкурентной среды в системе повышения квалификации за счет привлечения новых институций.

5. Формирование системы постоянного мониторинга и аудита функционирования системы повышения квалификации, механизмов оперативного управления с целью решения возникающих проблем.

Основные мероприятия:

1. Модернизация системы управления, в том числе вертикального управления системой повышения квалификации и горизонтального менеджмента в организациях системы повышения квалификации.

2. Модернизация организации и практики финансирования системы повышения квалификации во взаимосвязи с новыми принципами среднесрочного программно-целевого управления.

3. Модернизация структуры и содержания программ повышения квалификации, формирование современной системы методологической поддержки.

4. Создание системы повышения квалификации кадров учреждений дополнительного образования и контроля их качества средствами аттестации.

5. Закрепление основных принципов функционирования и развития системы повышения квалификации и методологической поддержки в нормативных актах.

В настоящее время в Республике Таджикистан идет разработка Национальной стратегии развития образования на среднесрочный период и на период до 2020 года. В контексте приоритетов Национальной стратегии место системы повышения квалификации кадров в сфере образования определено следующим образом:

Система повышения квалификации работников образования должна обеспечивать поддержание актуальности персонала ведомства. С этой целью предстоит:

— сформировать условия для реального выбора работником места, времени, порядка прохождения повышения квалификации;

— разработать и ввести модульно-кредитный способ организации повышения квалификации;

— ввести трехуровневую структуру программы повышения квалификации: уровень государственных задач (среднесрочная стратегия), уровень муниципалитета и школы, собственный запрос работника;

— ориентировать повышение квалификации только на ликвидацию возникших квалификационных дефицитов в связи с появлением нового предметного знания, образовательных технологий, программ и стандартов.

Предстоит оценить возможности использования ресурсов высшей и средней профессиональной школы для подготовки и переподготовки специалистов для работы в школах и учреждениях довузовского профессионального образования.

Опыт развития образовательных систем развитых и развивающихся стран отчетливо показывает, что системы повышения квалификации педагогических и руководящих кадров являются базовым условием эффективности любых образовательных реформ. Создание передовой системы повышения квалификации учителей и руководящих кадров обеспечивает:

1) становление качественного образования, отвечающего потребностям развития сектора реальной экономики и социальной сферы;

2) открытость системы образования инновациям, уменьшение инерционности и усиление потенциала развития за счет ориентации педагогических кадров на непрерывное образование и высокие стандарты качества своей деятельности;

3) инвестиционную привлекательность сферы образования, стремление поддерживать высокий потенциал педагогических кадров;

4) высокую профессиональную мобильность работников сферы образования за счет создания условий равного доступа к высококачественному дополнительному профессиональному образованию на протяжении всей профессиональной карьеры;

5) привлекательность сферы образования для притока молодых кадров, снижение текучести кадров.

В условиях постановки государством амбициозных целей во всех секторах системы образования повышение квалификации должно обеспечить гарантированную эффективность их реализации.

ПЕРСОНИФИЦИРОВАННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

1. Государственные гарантии повышения квалификации работников образования

В соответствии со статьей 197 Трудового кодекса Российской Федерации в редакции от 25 ноября 2009 г. №197-ФЗ, работники имеют право на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации, включая обучение новым профессиям и специальностям.

Статья 196 Трудового кодекса Российской Федерации устанавливает, что в случаях, предусмотренных федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, работодатель обязан проводить повышение квалификации работников, если это является условием выполнения работниками определенных видов деятельности.

Пунктом 5 статьи 55 Закона Российской Федерации «Об образовании» в редакции от 10 июля 1992 г. предусмотрено, что педагогические работники образовательного учреждения имеют право проходить не реже чем один раз в пять лет профессиональную переподготовку или повышение квалификации в соответствии с федеральными государственными требованиями к минимуму содержания дополнительной профессиональной

образовательной программы и уровню профессиональной переподготовки педагогических работников, установленными федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования. Данная норма вступает в силу с 1 января 2011 г.

Согласно пункту 2 статьи 21 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в редакции от 27 июля 2010 г., государство гарантирует создание необходимых условий для повышения квалификации не реже чем один раз в пять лет научно-педагогических работников государственных высших учебных заведений и научно-педагогических работников государственных научных учреждений (организаций), действующих в системе высшего и послевузовского профессионального образования. Соответствующие гарантии для научно-педагогических работников муниципальных высших учебных заведений и научно-педагогических работников муниципальных научных учреждений (организаций), действующих в системе высшего и послевузовского профессионального образования, могут устанавливаться органами местного самоуправления городских округов, муниципальных районов. Повышение квалификации научно-педагогических работников может осуществляться также по договорам, заключенным физическими и (или) юридическими лицами с высшими учебными заведениями, за счет средств физических и (или) юридических лиц.

В соответствии со статьей 187 Трудового кодекса Российской Федерации, при направлении работодателем работника для повышения квалификации с отрывом от работы за ним сохраняются место работы (должность) и средняя заработная плата по основному месту работы. Работникам, направляемым для повышения квалификации с отрывом от работы в другую местность, производится оплата командировочных расходов в порядке и размерах, которые предусмотрены для лиц, направляемых в служебные командировки.

Согласно пункту 20 статьи 28 Закона Российской Федерации «Об образовании», организация федеральной системы подготовки и переподготовки педагогических работников и работников органов, осуществляющих управление в сфере образования, относится к полномочиям федеральных органов государственной власти в сфере образования.

В соответствии с подпунктом 16 пункта 1 статьи 29 Закона Российской Федерации «Об образовании», организация подготовки, переподготовки, повышения квалификации и проведение аттестации педагогических работников образовательных учреждений субъекта Российской Федерации и муниципальных образовательных учреждений относится к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации в сфере образования.

Таким образом, законодательство Российской Федерации устанавливает, что педагогические работники должны проходить повышение квалификации не реже одного раза в 5 лет. Финансовое обеспечение повышения квалификации и переподготовки, а также оплата командировочных расходов ложится на учредителей соответствующих образовательных организаций. Исключение из этого правила составляют педагогические работники муниципальных образовательных учреждений, повышение квалификации которых должно обеспечиваться органами государственной власти субъекта Российской Федерации в сфере образования. Устанавливается возможность софинансирования расходов на повышение квалификации педагогических работников за счет средств юридических и физических лиц.

2. Механизмы финансирования повышения квалификации работников образования

Персонифицированное бюджетное финансирование дополнительного профессионального образования представляет собой способ финансового обеспечения услуг по освоению со-

ответствующих образовательных программ на основе выбора программ и организаций, предоставляющих услуги по обучению слушателями образовательных программ.

В соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации, в редакции от 27 июля 2010 г. № 145-ФЗ возможны следующие механизмы финансирования услуг по повышению квалификации работников образования:

1. Субсидии бюджетным и автономным учреждениям, включая субсидии на возмещение нормативных затрат, связанных с оказанием ими государственных (муниципальных) услуг в соответствии с государственным/муниципальным заданием.

2. Субсидии организациям, не являющимся государственными (муниципальными) учреждениями и (или) индивидуальным предпринимателям на оказание государственных (муниципальных) услуг.

3. В соответствии с законодательством о размещении заказа на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд.

4. В составе ассигнований на финансирование государственных (муниципальных) услуг.

5. Бюджетные ассигнования на предоставление социальных выплат гражданам.

В настоящее время в системе общего образования преобладает механизм финансирования государственного задания на повышение квалификации работников подведомственных региональных институтов повышения квалификации и переподготовки кадров образования и институтов развития образования.

Недостатки данного подхода заключаются в следующем:

– система повышения квалификации работников монополизирована региональными и федеральными государственными учреждениями;

– обновление программ повышения квалификации и переподготовки персонала идет значительно медленнее, чем в других сегментах данной системы;

- разнообразие (вариативность) программ существенно меньше, чем в сегментах системы дополнительного профессионального образования, ориентированных на рыночный спрос;
- в системе дополнительного профессионального образования слабо развито сетевое взаимодействие, которое позволило бы концентрировать ресурсы, обеспечивая тем самым повышение качества образовательных услуг.

Но в то же время у сложившейся системы есть определенные достоинства:

- стабильность функционирования сети образовательных учреждений (вне зависимости от колебаний спроса на услуги дополнительного профессионального образования);
- контролируемость со стороны учредителей (государственных органов власти).

Президентом и Правительством России поставлена задача персонифицированного финансирования повышения квалификации, т.е. предоставление средств на повышение квалификации с возможностью выбора образовательных программ.

Достоинства системы персонифицированного финансирования:

- развитие конкуренции за потребителя образовательных услуг;
- привлечение к оказанию услуг дополнительного профессионального образования большего числа производителей образовательных услуг, в том числе негосударственных учреждений и физических лиц, что приведет к увеличению вариативности программ.

Система персонифицированного финансирования дополнительного профессионального образования имеет определенные риски:

- неполная компетентность потребителя услуг дополнительного профессионального образования может привести к предоставлению некачественных услуг;
- невозможность полного учета расходов учреждений дополнительного профессионального образования, возможно,

что эти учреждения будут экономить на кадровых и материальных ресурсах;

– нестабильность спроса приведет к сложности сохранения кадровых и материальных ресурсов государственных/муниципальных учреждений дополнительного профессионального образования, что может вызвать нестабильность функционирования сети этих учреждений.

Проектом Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» предусматривается система мер по преодолению указанных рисков. В частности:

– Процедуры проверки качества образовательных услуг: лицензирование учреждений дополнительного профессионального образования, аккредитация, экспертиза (отбор) программ, независимая аттестация слушателей программ, введение федеральных государственных требований для программ профессиональной переподготовки, программ повышения квалификации отдельных отраслей (в том числе образования). Некачественные программы дополнительного профессионального образования не будут финансироваться из бюджета.

– Сбор показателей деятельности от учреждений дополнительного профессионального образования, сбор информации от потребителей услуг этих учреждений об их качестве. Информирование потребителей о качестве программ до прохождения курсов.

– Учет различной стоимости услуг в сфере дополнительного профессионального образования через поправочные коэффициенты. Учреждения не будут экономить на ресурсах.

– Финансирование собственности бюджетных и автономных учреждений дополнительного профессионального образования за счет отдельной субсидии в соответствии с Федеральным законом №83 от 8 мая 2010 г. вне зависимости от количества предоставляемых услуг. Не будет угрозы развала сети.

– Финансирование научно-методических и организационных функций подведомственных учреждений. Не будет угрозы развала сети.

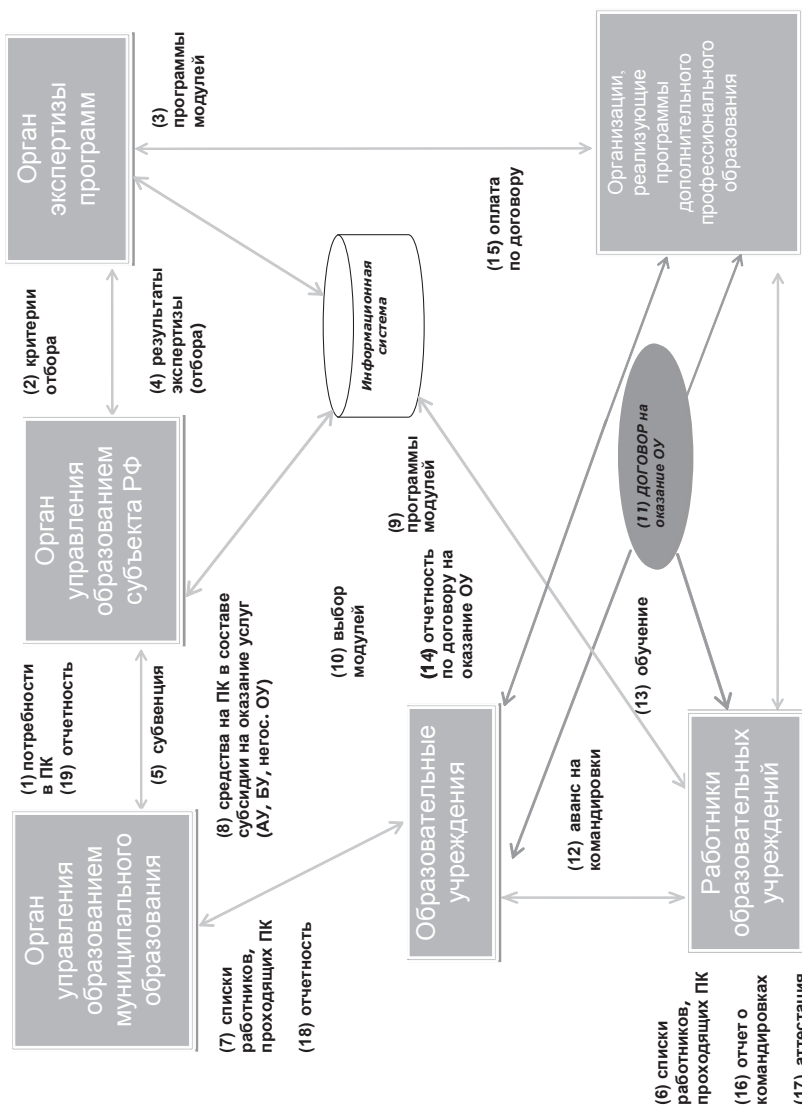

Рис. 1.

3. Организационная схема реализации персонифицированного финансирования

1) Орган управления образованием субъекта Российской Федерации определяет для каждого муниципального образования количество работников образования, проходящих плановое повышение квалификации, а также объем его финансирования в данном году.

2) Орган управления образованием субъекта Российской Федерации принимает нормативно-правовые документы, которые регулируют повышение квалификации работников образования и определяют требования к его программам и к органу экспертизы программ.

3) Орган экспертизы программ запрашивает у организаций, участвующих в оказании услуг дополнительного профессионального образования, информацию в соответствии с положением об экспертизе.

4) Орган экспертизы программ проводит ежегодную экспертизу качества программ дополнительного профессионального образования. На основании полученной информации и экспертизы качества программ орган управления образованием субъекта Российской Федерации составляет сводный перечень образовательных учреждений, реализующих программы повышения квалификации работников образования, осуществляемых учебных (образовательных) программах (модулях), а также перечень организаций, организующих независимую аттестацию слушателей.

5) Орган управления образованием субъекта Российской Федерации определяет размер субвенции каждому муниципальному образованию на повышение квалификации учителей.

6) Образовательное учреждение определяет списки работников, проходящих повышение квалификации.

7) Списки работников, проходящих повышения квалификации, направляются в муниципальный орган управления образованием.

8) Муниципальный орган управления образованием перечисляет средства на повышения квалификации в составе субсидии на оказание услуг.

9) Работники образования получают информацию о программах повышения квалификации, количестве мест на них, информацию о наличии мест в общежитиях и др. из специализированной информационной системы, которую ведет орган экспертизы программ.

10) Работники образования определяют тематику модулей, время и место прохождения обучения.

11) Руководители образовательных учреждений, работники, проходящие повышение квалификации и организации, осуществляющие повышения квалификации, заключают трехсторонний договор на оказание услуг.

12) Образовательные учреждения перечисляют работникам авансовый платеж на сопутствующие расходы.

13) Работники образовательных учреждений проходят обучение по программам повышения квалификации.

14) Организации, осуществляющие программы переподготовки и повышения квалификации, отчитываются по договору об оказании образовательных услуг.

15) После успешного окончания обучения образовательные учреждения производят оплату программ повышения квалификации. Возможно софинансирование этих программ сверх норматива за счет средств школ или учителей.

16) Работники образовательных учреждений отчитываются о фактически произведенных сопутствующих расходах. Оплата сопутствующих услуг осуществляется при предъявлении соответствующих документов (проездных документов, квитанции об оплате проживания в общежитии/гостинице).

17) Работники образовательных учреждений проходят независимую добровольную аттестацию.

18) Образовательные учреждения предоставляют отчетность органу управления образованием муниципалитета о расходовании средств на повышения квалификации.

19) Орган управления образованием муниципалитета предоставляет отчетность в орган управления образованием субъекта Российской Федерации о расходовании средств на повышении квалификации.

Е.Я. Коган

МЕХАНИЗМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

Слушать нужно всех,
но слышать только время

Н. Макиавелли

Система образования, как правило, организует свои ресурсы в соответствии с той ролью, которая отведена человеческому ресурсу в экономике и социальном устройстве страны. Передовые экономики, включая основной потенциал этого ресурса – интеллектуальный, формируют конкурентные преимущества своих продуктов. С этим связан рост интеллектуальной составляющей в цене продукта инновационных отраслей экономики. В таком качестве человеческий ресурс может быть эффективным только при условии специально организованной подготовки и постоянной его актуализации.

В настоящее время особое значение приобретают вопросы о том, в какой степени система образования открыта для рынка труда и насколько между бизнесом, в широком смысле этого слова, и образовательными ресурсами существуют механизмы взаимовлияния и взаимоориентации. В связи с этим представляется необходимым поразмышлять над тем, умеем ли мы в принципе «слышать время» и организовывать образовательные ресурсы таким образом, чтобы образовательные

результаты были адекватны этому времени. Неумение «услышать время» неминуемо обрекает образовательную систему на принципиальную замкнутость, обращенность внутрь себя. Напомним, что система образования изначально не имеет своей цели – она обслуживает цели других общественных систем. Поэтому если эти цели не навязаны образовательной системе извне, она начинает «заниматься собой» и на этом исчерпывает свое истинное предназначение.

В этом смысле система образования обречена на реформы. Однако процесс влияния реформ на человека чрезвычайно сложен. Думается, в силу двух объективных причин. Во-первых, люди с трудом преодолевают в себе те природные ограничения, которые в них заложены, даже если они уже не соответствуют новым реалиям их жизни. Во-вторых, человеку нелегко отказываться от тех качеств, которые обеспечивают ему успех сегодня, поскольку он, заблуждаясь, полагает, что именно эти качества станут основой его успеха завтра.

Можно говорить о некоем временном параметре, управляющем устройством и содержанием образования, ориентированного на внешние вызовы. Он задается отношением характерных периодов жизни актуального знания и технологий (T_1) и средней продолжительности профессиональной жизни поколения (T_2): $y = T_1/T_2$. Когда T_1 существенно превышает T_2 , мы можем справедливо говорить о своеобразном квазистационарном режиме жизни общества. Один раз полученное образование дает возможность пользоваться им на протяжении всей профессиональной жизни поколения. В противном случае в течение профессиональной жизни поколения знания и технологии многократно обновляются. Актуальность человеческого потенциала в этом случае требует иной образовательной парадигмы.

Значение $y = 1$ является границей между двумя качественно различными образовательными парадигмами. Мы вошли в эпоху, когда $y < 1$; особенности ее состоят в растущем темпе смены технологий, знаний, условий деятельности и культур-

ных образцов на протяжении профессиональной жизни поколения. Параметр задает на оси времени критические точки смены образовательных формаций, что позволяет устанавливать приоритет знаниевых и деятельностных результатов образования, формируя конкурентное поле, с одной стороны, и отбирая адекватные образовательные технологии, с другой. Эффективная деятельность в столь нестационарных условиях требует специальных способов подготовки как нового поколения, так и имеющегося персонала. В этих условиях знаниевая парадигма образования становится неэффективной, знания из целей образования переходят в разряд средств, а в качестве целей выступают деятельности, составляющие адаптационный и квалификационный потенциал, – также парадигма компетентностно-ориентированного образования [1]. Образовательные ресурсы организуются таким образом, чтобы они могли позволить человеку менять квалификации по мере возникающих потребностей. Если знание, производственные технологии и виды деятельности непрерывно обновляются в пределах профессиональной жизни, то это означает, что какие-то привычные атрибуты, управленческие схемы, сетевые модели и технологии должны уйти и смениться новыми.

Именно появлением этих ценностей, приоритетов, обеспечивающих конкурентоспособность товаров, услуг и рабочей силы, объясняется тот факт, что в системе образования впервые наметились задачи, сформулированные не образовательными структурами и возникшие не внутри образовательного сообщества, а поставленные миром труда.

Для поддержания актуальности кадрового ресурса с помощью системы образования потребуется:

- 1) «слышать» рынки труда;
- 2) превращать услышанное в образовательные результаты на всех уровнях организации образовательных ресурсов;
- 3) формировать образовательные программы для получения этих результатов;
- 4) делать все это вовремя, пока актуальны новые результаты.

Анализ показывает, что система образования плохо воспринимает сигналы рынка труда, как и вообще обращенные к ней внешние вызовы. Причин здесь несколько:

- организационное устройство позволяет ей жить в автономном режиме, она не несет ответственности за региональное развитие и вообще за конечный результат;
- государственные критерии и показатели оценки ее деятельности не связаны с социально-экономическими изменениями на всех уровнях;
- отсутствуют эффективные инструменты и инфраструктура профессионального взаимодействия сферы труда и образования.

Продуктивная коммуникация между рынками труда и образования невозможна без профессионального посредника, который умеет запросы работодателя превращать в заказ системе образования, формировать учебную практику необходимого содержания, организовывать процедуры сертификации квалификаций, изучать кадровые потребности рынка и предложить способы их удовлетворения. Этот перечень задач, решение которых лежит в сфере совместных интересов, можно продолжить. Важно только, что он может быть эффективно решен структурой, профессионально обслуживающей интересы сферы образования, общества и производства.

Возможно, пришло время четко разделить два вида деятельности, требующие разной, но равной квалификации:

- конвертировать сигналы рынка труда сегодняшнего и завтрашнего, квалификационные требования производственных технологий в образовательные результаты и программы подготовки;
- реализовывать эти программы при подготовке кадрового ресурса.

Анализ практики группы университетов в формировании образовательных программ по прямому заказу работодателя для подготовки кадров во вводимой новой производственной технологии показывает, что все составляющие этой деятельно-

сти оказываются принципиально новыми для персонала, к выполнению которых он не располагает адекватными средствами. Как результат – образовательные программы, даже короткие, имеют академическое устройство, предметоцентристскую организацию, ориентированную на знаниевые результаты, малопригодные для подготовки к деятельности в области вводимой технологии. К сожалению, зачастую оказывается, что обе стороны: и работодатель, и образование в лице университетов – не слышат друг друга. Университет имеет свой опыт академической организации предметных программ и не готов «услышать» запрос на обучение новым деятельности. Это проблема не только и не столько уровня образовательной организации, сколько принципиальной постановки вопроса – продуктивной коммуникации рынков труда и образования.

Сюда же примыкает проблема конкурентоспособного кадрового ресурса, формирования конкурентных преимуществ средствами образования. Значимость образования в повышении конкурентоспособности личности подчеркивал французский мыслитель, один из классиков постмодернистской философии Жан Франсуа Лиотар: «Знание не будет больше передаваться *en bloc* (с фр. – «как единое целое»), один раз и на всю жизнь, скорее оно будет сервироваться, как стол в ресторане, в соответствии с меню. Причем будет рассчитано на уже зрелых людей, которые имеют работу или хотели бы работать, и целью его будет совершенствование их умений и повышение их шансов на продвижение по службе». Основные факторы, влияющие на конкурентоспособность человеческих ресурсов, поскольку в их формировании и развитии принимают участие государство, работники, работодатели, сгруппированы по субъектам рынка труда. Со стороны государства – нормативно-правовая база и политика в области образования, создание ресурсов непрерывного образования; со стороны работодателя – создание условий конкурентной среды, непрерывное обучение и переподготовка персонала, со стороны работников – осознанное формирование конкурентных

преимуществ. Влияние совокупного образовательного фактора наиболее значимо в формировании и развитии конкурентоспособности человеческих ресурсов.

Понятно, что формирование качеств, обеспечивающих конкурентные преимущества, требует постоянного анализа поля конкуренции, видов деятельности для их формирования. Умение увидеть это поле конкуренции, задать его основные характеристики и превратить их в образовательные результаты, обеспечивающие конкурентные преимущества на этом поле, составляют целенаправленную работу профессионального посредника по формированию конкурентоспособности кадрового ресурса. Мы снова возвращаемся к проблеме взаимодействия рынков труда и образования. Конструктивное разрешение ее — единственный путь к выведению системы образования из изоляции, ее профессиональной ориентации на внешние вызовы.

Опыт развитых экономик демонстрирует целенаправленную подготовку граждан к условиям эффективной профессиональной деятельности, конкурентоспособности со школьной скамьи. Все международные сравнительные исследования ориентированы на оценку уровня конкурентоспособности. Их условия и результаты могли бы быть использованы при разработке отечественных стратегий.

Особый интерес на этапе окончания обязательного образования представляют уже не приобретенные знания и умения, а то, насколько они могут быть применены и полезны учащимся в будущем, насколько обучение в школе подготовило их к самостоятельному учению, к самостоятельному добыванию необходимой информации, и шире — к успешной адаптации в современном обществе. Оценка этих результатов образования и составляет предмет международного исследования PISA. Мы традиционно далеки от первой десятки в этих рейтингах потому, что не задаем своими стандартами и образовательными программами целенаправленное формирование этих ресурсов личности, несмотря на то, что именно владение ими составляет потенциал конкурентоспособности.

Еще один шаг в формировании конкурентоспособного человеческого потенциала страны связан с периодическим заявлением основных качеств, обеспечивающих потенциал адаптации к условиям реальной жизнедеятельности.

В Великобритании в 1998 г. под давлением работодателей был принят список ключевых профессиональных компетенций как общих для всех профессий и специальностей показателей готовности человека к профессиональной деятельности. Этому факту предшествовали многочисленные дискуссии, обсуждения концепции и перечня ключевых компетенций, которыми должны обладать все субъекты на рынке труда для дальнейшего развития экономики [2]. В 2000 г. правительство настояло, чтобы во всех образовательных курсах были ссылки на ключевые компетенции.

Подобная практика введена в Евросоюзе, а также в США и ряде других стран с развитой экономикой. Перечень ключевых компетенций с периодичностью 5–7 лет корректируется в соответствии со сменой ведущих промышленных технологий, появлением новых культурных образцов. Это позволяет гражданам осознанно формировать свои ресурсы успеха, осваивая те программы, которые определяют актуальные компетенции. Государство имеет кадровый ресурс, обладающий адаптационными возможностями в условиях смены технологий, производств, видов деятельности, а образовательные учреждения получают четкие цели – заявленные государством образовательные результаты, позволяющие выстраивать приоритеты в своей деятельности. Так формируется национальная система подготовки населения к прогнозируемым условиям жизни и деятельности. Она задает новые конъюнктурные результаты, позволяющие подготовить новое поколение к встрече с реальностью.

Смысл образования всегда определялся тем, что им создавался адаптационный потенциал человека, позволяющий ему комфортно чувствовать себя при смене условий жизни и деятельности. Однако содержание адаптационного потенциала в значительной мере зависит от того, в каком отношении к рас-

смотренному параметру мы находимся. В этом смысле знание параметра важно, чтобы осуществить адекватную оптимизацию ресурсов системы образования. Прогнозирование социальных и экономических стратегий и формирование содержания адаптационного потенциала, адекватного им, представляет собою самостоятельную и в высшей степени профессиональную задачу. Именно она должна предшествовать и служить основанием смены образовательных стандартов и программ, структуры сети учреждений отрасли, управления ею, квалификационных характеристик профессий и специальностей, государственных программ и заказов кадрового обеспечения экономики, основанием для построения жизненных стратегий граждан. Решение этой задачи требует создания собственной инфраструктуры, специально подготовленных кадров. Такая инфраструктура и обеспечивает профессиональную трансляцию внешних вызовов и сигналов трудовых рынков системе образования.

Анализ высокоорганизованных производств отечественной экономики и зарубежный опыт показывают, что составляющими адаптационного потенциала сегодня являются:

- владение инвариантным ресурсом деятельности (базовыми ресурсами – работа с информацией, продуктивные коммуникации, включение собственного потенциала);
- профессиональная и социальная мобильность;
- конструктивность мышления;
- умение видеть общую систему и результат деятельности с каждого производственного места;
- умение находить свое место в стратегиях и программах деятельности.

Насколько точно, адекватно превращены социальные и экономические стратегии в результаты образования, настолько эти стратегии будут поддержаны человеческим ресурсом. Именно это положение, с нашей точки зрения, должно лечь в основу образовательных стандартов, поскольку стандарт – это декларация государством тех образовательных результатов, которые дадут возможность через определенный промежуток

времени (10–15 лет) произвести те социальные и экономические изменения, на которые государство ориентируется.

Эти добродетели не являются постоянными, они меняются вместе со структурой рынков, темпами развития науки и экономики. Важно, что на каждом этапе общественного развития их декларация позволяет ориентировать систему образования на подготовку нового поколения к эффективной деятельности и корректировать деятельность старшего поколения.

Образовательные ресурсы, включая содержание образования, необходимо планировать не с начала, а с конца, с заявленного результата. Это возлагает особую ответственность на этап формирования образовательных результатов. Необходимо в первую очередь понять, для каких задач мы готовим новое поколение, а потом думать о том, какими ресурсами мы это сделаем. К сожалению, приходится констатировать, что мы все еще продолжаем готовить завтрашнее поколение к жизни во вчерашней стране, не умея оперативно ориентировать его на проблемы и условия даже ближайшего будущего. В то же время сверстники этого поколения готовятся жить в условиях формирования и функционирования инновационной экономики и высокого уровня конкуренции.

Неумение формировать образовательные ресурсы «под заказ» времени (или конкретного работодателя) становится катастрофическим – система образования не обеспечивает человеческим ресурсом требуемого качества экономику и общество, сдерживая их развитие. Наконец, существенно ограничивается личный ресурс граждан – ресурс успеха.

Задача системы образования – обслуживание целей других институтов. Это требует непрерывного отслеживания стратегий этих институтов и обеспечения адекватных образовательных результатов на всех уровнях образования. За этим следует разработка образовательных технологий, обеспечивающих получение заявленных результатов, подготовка собственных кадров и др. Природа этой системы такова, что только зада-

ние обслуживаемых целей является единственным способом трансляции ей внешних вызовов. Но как только теряются цели, система образования лишается внешних связей, становится замкнутой. Еще раз подчеркнем, что для подобной организации необходимо создание специальной инфраструктуры, обеспечивающей профессиональную трансляцию целей, достижение которых требует участия образовательных ресурсов. В адаптации их к новым задачам и состоит развитие ресурсов, которое мы с трепетным ведомственным патриотизмом пытаемся превратить в процесс самостоятельной ценности

Проблема ориентации образовательных ресурсов на внешние запросы не нова, но ее разрешение попытались найти в действующих структурах отрасли, поручив ее образовательным учреждениям. Это оказалось неэффективным, поскольку задача требует профессионального обеспечения, финансовой поддержки и не свойственна деятельности учебных заведений. Обсуждаемая структура профессионального посредника должна выступить как часть инфраструктуры регионального рынка труда. Уровень государственных и мировых стратегий и рекомендаций по адаптации к ним образовательных ресурсов потребует собственного независимого экспертно-аналитического органа. Возможно, такая структурная реорганизация позволит транслировать системе образования «зов времени» на понятном ей языке. Останется только лишить ее иллюзии самодостаточности. Но это уже задача управления отраслью.

Литература

1. Голуб Г.Б. Парадигма актуального образования / Г.Б. Голуб, Е.Я. Коган, В.А. Прудникова // Вопросы образования. 2007. № 2. С. 20–43.
2. O'Donnell D. New Perspectives on Skill, Learning and Training: a Viewpoint /D. O'Donnell, T.N. Garavan // Journal of European Industrial Training. 1997. Vol. 21. № 4. P. 131–137.
3. Schoonover S.C. Implementing Competencies: A Best Practices Approach / S.C. Schoonover. London: Schoonover Co, 1998.

НАЧАЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ РОССИИ: ИТОГИ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

Квалифицированные рабочие составляют значительную часть кадрового корпуса хозяйственного комплекса России. К концу первого десятилетия XXI века доля занятых в экономике работников с начальным профессиональным образованием существенно возросла: с 11 до 19,3% (соответственно в 2000 и 2008 годах.) Одновременно увеличилась доля безработных с начальным профессиональным образованием – с 13,5 до 20,6% и экономически неактивных граждан – с 6,0 до 10,5%¹.

За этот же период российская система подготовки рабочих кадров существенно трансформировалась. Произошла *дивергенция двух явлений и соответствующих им понятий «система начального профессионального образования» и «сеть учреждений начального профессионального образования»*. Сегодня система начального профессионального образования рассматривается как совокупность профессиональных образовательных программ по

¹ Здесь и далее статистические данные рассчитаны на основе [3, 6–10].

рабочим профессиям, независимо от того, какие провайдеры образовательных услуг их реализуют. Это собственно учреждения начального профессионального образования (государственные профессиональные лицеи и училища), государственные/муниципальные и негосударственные учреждения среднего профессионального образования (техникумы, колледжи), а также высшие учебные заведения. Обучение рабочим профессиям ведется также в негосударственных учреждениях, в том числе внутрифирменных учебных центрах, курсовых комбинатах, автошколах, которые в данном контексте не рассматриваются, поскольку профессиональная подготовка не сопровождается изменением образовательного уровня обучающихся.

Таким образом, сеть учреждений начального профессионального образования, которые в прошлом столетии были основными «носителями» данного уровня профессионального образования, сегодня является только компонентом более широкого целого. С 2005 года и в официальной государственной статистике значения показателей, относящихся к системе начального профессионального образования, рассчитываются с учетом учреждений начального, среднего профессионального образования и высших учебных заведений, в которых реализуются образовательные программы начального профессионального образования.

В исследовательском ракурсе *сеть учреждений начального профессионального образования и система начального профессионального образования* представляют собой два разных объекта анализа, различающихся по параметрам, характеристикам и тенденциям развития. Рассмотрим те из них, которые наиболее ярко проявились в первом десятилетии XXI века.

Тенденции развития сети учреждений начального профессионального образования

Регионализация сети учреждений начального профессионального образования. В 1996 году первые 16 субъектов Российской

Федерации взяли на себя ответственность и полномочия по управлению этими учреждениями. Наиболее интенсивно процессы регионализации начального профессионального образования путем передачи соответствующих учреждений в ведение субъектов Российской Федерации проходили в 2004—2008 годах. На основании распоряжения Правительства России № 1 565-р от 3 декабря 2004 года, в ведение субъектов Российской Федерации были переданы 2536 учреждений начального профессионального образования, учредителем которых выступало Рособразование, и 106 учреждений начального профессионального образования, подведомственных федеральным органам исполнительной власти (Минздравсоцразвития, Росстрой, Росэнерго и др.). Эти процессы в локальных масштабах продолжались и в 2009—2010 годах.

Консервация устаревших образовательных институтов в сети учреждений начального профессионального образования. Единицами сети на протяжении многих десятилетий остаются государственные учреждения — профессиональные училища и лицеи. С точки зрения работодателей инвестирование в такие образовательные институты экономически невыгодно. Внебюджетные доходы учебных заведений, хотя и аккумулируются на отдельном балансе, в случае ликвидации учебного заведения автоматически переводятся в госсобственность, что не стимулирует к их активной капитализации, а для бизнеса означает потерю инвестиций.

С 2006 года одним из приоритетов федеральной государственной образовательной политики выступало обновление типологии образовательных организаций, приведение ее в соответствие с рыночными экономическими реалиями. Переход бюджетных образовательных учреждений в организационную форму автономных был заявлен как один из перспективных способов модернизации российского образования. Однако существенных результатов в сфере начального профессионального образования в этом направлении к концу 2010 года добиться не удалось: в статус автономного учреждения переведено

менее 3% профессиональных лицеев и училищ. Аналогичная ситуация складывается с ресурсными центрами подготовки кадров по рабочим профессиям, идеология которых была сформирована в рамках проекта «Реформа системы образования» и Приоритетного национального проекта «Образование». Изменения в действующее нормативно-правовое обеспечение этого вида образовательного учреждения до сих пор не утверждены на уровне Минобрнауки России, что не позволяет созданным де-факто ресурсным центрам реализовывать ресурсные функции и осуществлять полноценное сетевое взаимодействие.

Сокращение сети учреждений начального профессионального образования и снижение наполняемости учебных заведений. Сеть этих учреждений в России постепенно сворачивается: число профессиональных училищ и лицеев с 2001 по 2009 год сократилось почти на треть – с 3872 до 2644. При этом их контингент сократился более значительно. Среднероссийское значение показателя «Численность обучающихся по программам начального профессионального образования на 10 тыс. населения» с 2000 года уменьшилось на 40% и составило в 2009 году 73 человека. Наиболее высокий темп снижения значения данного показателя в федеральных округах продемонстрировал Северо-Западный федеральный округ, наименьший спад зафиксирован в Южном федеральном округе. Кроме того, часть контингента системы начального профессионального образования приходится на учреждения среднего профессионального образования и вузы.

Таким образом, сокращение контингента не сопровождалось реальной оптимизацией сети. В 2000 году значение показателя «Средняя наполняемость учреждений начального профессионального образования» составляло примерно 430 человек, к 2007 году снизилось до 390 человек, а в 2008 году – до 350. Прогнозируемые тенденции сокращения контингента потенциальных абитуриентов этих учреждений в связи с их непривлекательностью для молодежи, а также под влиянием демографического спада, несомненно, приведут к дальнейше-

му снижению показателя наполняемости профессиональных училищ и лицеев. Этот факт повлечет за собой рост затрат на подготовку рабочих и снижение показателей ее экономической эффективности.

Усиление диспропорций персонала учреждений начального профессионального образования. Трансформации кадрового обеспечения этих учреждений в последние годы демонстрируют противоречивые тенденции. С одной стороны, отрасль остается трудоизбыточной (средняя численность учащихся в расчете на одного педагогического работника составляла в 2008 году 12,8 человек). Это связано с низкой долей самостоятельной работы учащихся в учебном процессе. Отсутствие материально-технических условий для организации самостоятельной работы (кабинеты, оснащенные тренажерами, компьютерами; библиотеки и читальные залы, оборудование для работы с различными информационными источниками и др.) «компенсируется» избыточным персоналом и преобладанием аудиторных форм занятий. Кроме того, дополнительные штаты предусмотрены в учреждениях начального профессионального образования для реализации социальных функций в отношении детей-сирот, «трудных подростков» (модель системы – «социальный сейф»). Исследователи отмечают, что данное организационное решение экономически неэффективно, поскольку начальное профессиональное образование представляет собой один из самых затратных уровней образования и совмещать именно в нем экономическую и социальную функции вряд ли целесообразно.

В то же время за последнее десятилетие еще более снизился показатель укомплектованности штатов учебных заведений (с 78,8% в 2001 году до 74,2% в 2009 году). В наибольшей степени это коснулось преподавателей специальных и общетехнических дисциплин (с 88,9 до 65,1%). Среднесписочная численность мастеров производственного обучения в учреждениях начального профессионального образования в начале и в конце десятилетия составляла примерно две трети от значения,

регламентированного их типовыми штатными расписаниями. При этом около трети преподавателей «охвачены» вторичной занятостью (32,3% в 2008 году). Среднемесячная начисленная заработная плата работников учреждений начального профессионального образования в России за январь—май 2010 года составила 11 810 рублей, или 55,9% средней зарплаты в экономике, что существенно ниже, чем в высших и средних специальных учебных заведениях. Примечательно, что разброс значений данного показателя для начального профессионального образования в разрезе федеральных округов весьма значителен — от 43,5% в Центральном до 75,3% в Южном. Мы видим, что материальные стимулы для перераспределения кадрового персонала вузов и колледжей в начальные профессиональные учебные заведения отсутствуют. Доля преподавателей, прошедших повышение квалификации, также снизилась с 75% в 2007 году до 65,5% в 2009 году.

Несоответствие материально-технического оснащения учреждений начального профессионального образования современным требованиям. В большинстве регионов России значение показателя износа основных фондов достигает 60—70%. Многие учебные корпуса и общежития нуждаются в капитальном ремонте. В них отсутствуют нормальные базовые условия для обучения и проживания учащихся. Учебно-производственное и учебно-лабораторное оборудование, как правило, физически и/или морально устарело. В ходе выполнения Приоритетного национального проекта «Образование» (2007—2009 гг.) ситуация в учебных заведениях, которые победили в конкурсе, существенно улучшилась, но их доля в сети учреждений начального профессионального образования не достигает 3%. Непривлекательная образовательная среда профессиональных училищ и лицеев является одним из факторов, обуславливающих непопулярность рабочих профессий среди молодежи.

Уровень информатизации образовательного процесса в профессиональных училищах и лицеях в последние годы немного вырос, однако по-прежнему разительно отличается от ситуации

в колледжах и вузах. Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, в расчете на 100 учащихся в начале 2009 года равнялось 6,8 (в 2003 году – 3,5). Только каждый четвертый из них имел выход в Интернет. Более двух третей этих компьютеров находится в кабинетах информатики и, как правило, не применяется в процессе организации самостоятельной работы учащихся. Только в трети профессиональных лицеев и училищ есть Web-сайт и Web-страница в сети Интернет.

Сверхзависимость учреждений начального профессионального образования от бюджета. Финансирование учебных заведений осуществляют федеральный и региональный бюджеты (в зависимости от учредителя). Доля привлеченных внебюджетных средств в общем объеме невелика: в среднем это около 11% в общей структуре доходов. Из них только две трети приходится на доходы от реализации образовательных услуг.

Тенденции развития системы начального профессионального образования в России

Снижение ключевых показателей развития системы начального профессионального образования. Контингент обучающихся по программам начального профессионального образования в 2001–2009 годах уменьшился с 1649 до 1035 тыс. человек (на 37%). Прием и выпуск по рабочим профессиям сократились за этот период на 35 и 39% соответственно. В качестве ключевых причин данных процессов выступают два фактора: демографические тенденции и уменьшение общественного спроса на начальное профессиональное образование в России. Скачкообразное снижение рождаемости в 1990-е годы привело к сокращению численности населения соответствующих возрастных групп. Так, численность возрастной группы 15–19 лет с 2001 года уменьшилась на четверть и составила в 2009 году 9261 тыс. человек. В то же время темпы сокращения контингента обучающихся по программам начального профессионального образования выше, чем соответствующей возрастной

группы, и убывание контингента началось в период, когда демографический спад еще не проявился. Эти факты свидетельствуют о действии второго значимого фактора — снижения общественного спроса на начальное профессиональное образование. Таковую тенденцию подтверждают многочисленные социологические опросы молодежи страны.

Относительный показатель, позволяющий рассматривать тенденции изменения параметров развития системы с учетом объективных демографических тенденций, — охват образованием соответствующей возрастной группы населения. Для начального профессионального образования этот показатель (отношение контингента обучающихся по программам начального профессионального образования к численности населения в возрасте 15–17 лет) в последнее десятилетие возрастает: с 21,6% в 2001 году до 22,5% в 2008 году. При этом уровень начального профессионального образования по охвату образованием «проигрывал» среднему профессиональному образованию. Так, в 2000 году охват программами начального профессионального образования составлял 22,2%, а программами среднего специального образования только 19,2%. В 2006 году значения этих показателей практически сравнялись. В 2008 году охват программами начального профессионального образования составлял уже 22,5%, а среднего профессионального образования — 24,2%.

Сокращение бюджетного финансирования системы начального профессионального образования в соответствии с ключевыми показателями ее функционирования. Объемы финансирования этой системы в рамках консолидированного бюджета на образование с 2004 года возросли на 44% (с 35,6 до 63,1 млрд руб. в 2010 году). Поскольку численность обучающихся непрерывно снижалась, номинальные бюджетные расходы в расчете на одного учащегося приведенного контингента системы начального профессионального образования увеличились начиная с 2004 года примерно в 3 раза и в 2010 году составили около 70 тыс. рублей на одного обучающегося. Однако реальные

бюджетные расходы (с учетом инфляции) были существенно ниже номинальных. С 2007 года реальные бюджетные расходы на систему начального профессионального образования в России не только не повышались, но и неуклонно снижались (для среднего профессионального образования и вузов, наоборот, росли). Доля расходов на начальное профессиональное образование в консолидированном бюджете на образование уменьшилась с 6% в 2004 году до 3,4% в 2010 году. Доля расходов на начальное профессиональное образование в ВВП также снизилась (в 2004 году – 0,20%, в 2010 году – 0,15%).

Слабое соответствие объемов и отраслевой структуры подготовки квалифицированных рабочих кадровым потребностям развития территорий. В рейтинге федеральных округов по численности выпуска рабочих кадров с большим преимуществом лидируют Приволжский и Центральный федеральные округа (около 43% общероссийского выпуска квалифицированных рабочих в 2009 году). В то же время в инвестиционном рейтинге (и, соответственно, востребованном кадровом обеспечении) на первых местах находятся Дальневосточный и Сибирский федеральные округа (46% заявленных на 2008–2020 годы крупных инвестиций, сопровождающихся увеличением числа рабочих мест). Структура выпуска квалифицированных рабочих по отраслям экономики с 2000 года трансформировалась незначительно [1], что в условиях высокой динамики рыночной конъюнктуры свидетельствует о слабой способности системы реагировать на изменение внешних запросов и сигналы рынков труда.

Низкая результативность системы начального профессионального образования. Среди окончивших учреждения этой системы в 2008 году, по данным ведомственной образовательной статистики, оказались нетрудоустроенными около 40% молодых рабочих. По оценкам независимых экспертов, только 25% выпускников системы начального профессионального образования ежегодно выходят на рынок труда [4]. Трудоустройство рабочих осложняется тем, что «их вакансии» на рынке труда

зачастую занимают выпускники средней и высшей профессиональной школы. Так, около 7% выпускников вузов и 30% средних специальных учебных заведений трудоустраиваются на места, требующие начального профессионального образования [2].

Выпускники системы начального профессионального образования не соответствуют требованиям рабочих мест экономики и по качеству подготовки, о чем свидетельствует такой косвенный показатель, как низкий платежеспособный спрос на образовательные услуги начального профессионального образования со стороны работодателей. В 2008 году 89% профессиональных училищ и лицеев осуществляли внебюджетную подготовку по договорам с различными категориями потребителей. Однако среди целевых групп заказчиков образовательных услуг непосредственно организации работодателей представлены только одним договором из пяти. Подавляющее большинство «хоздоговорных клиентов» образовательных программ начального профессионального образования составили индивидуальные граждане – около 70% всех обученных с возмещением затрат на обучение. Анализ массовой практики показывает, что это, как правило, учащиеся/студенты учебных заведений начального профессионального образования и среднего профессионального образования (в последние годы – и вузов), получающие дополнительную квалификацию, смежную профессию и т.д.

Несоответствующие практикоориентированному образованию масштабы и формы сотрудничества системы начального профессионального образования с работодателями. Как свидетельствуют результаты мониторинга экономики образования, проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», в последние годы заметно сократились масштабы и уровень диверсификации форматов взаимодействия работодателей с системой подготовки рабочих кадров. Доля предприятий, сотрудничающих с профессиональными училищами и лицеями, уменьшилась за 5 лет с 41

до 29%. Практически исчез институт «базового предприятия», отраслевые форматы частно-государственных партнерств бизнеса и системы начального профессионального образования фактически не сформировались.

Таким образом, сеть учреждений начального профессионального образования России к концу первого десятилетия XXI века перестала быть монопольным «носителем» программ подготовки рабочих кадров. В число провайдеров образовательных услуг активно включились техникумы, колледжи, а также отдельные вузы. Ресурсная деградация сети профессиональных училищ и лицеев, утрата привлекательности образа ПТУ (для населения) и потеря его деловой репутации (для работодателей), уменьшение численности возрастной группы потенциальных абитуриентов в связи с продолжающимся демографическим спадом переводят в разряд маловероятных событий «выживание» профессиональных училищ и лицеев в ситуации конкуренции за потребителей услуг. Снижающийся ресурсный потенциал учреждений начального профессионального образования обуславливает высокие риски дефицита экономических и кадровых ресурсов для реализации всех норм федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения, которые вводятся в 2011/2012 учебном году.

В то же время квалифицированные рабочие остаются самой востребованной в экономике страны категорией трудовых ресурсов, а значит – система начального профессионального образования как совокупность профессиональных образовательных программ должна быть модернизирована и качественно преобразована. При этом содержание подготовки рабочих кадров должно быть перемещено в более привлекательную «упаковку». Эффективным способом такого ребрендинга выступает создание многоуровневых учреждений начального/среднего профессионального образования путем присоединения (слияния) профессиональных училищ, лицеев, техникумов и колледжей. Интеграция ресурсных потенциалов и консолидация уникальных преимуществ подготовки

квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена положительно повлияют на оба уровня профессионального образования, позволят восстановить престиж рабочих профессий, усилить социокультурную составляющую их подготовки. Оправданность такого шага подтверждается проектом нового закона «Об образовании в Российской Федерации», который в настоящее время проходит общественное обсуждение перед принятием его в Государственной Думе Российской Федерации.

Литература

1. *Агранович М.Л.* Последствия передачи финансирования профессионального образования на региональный уровень. На примере начального профессионального образования. // Вопросы образования. 2005. № 2. С. 112–128.
2. Выбор профессии: чему учились и гдегодились? / В. Гимпельсон, Р. Капелюшников, Т. Карабчук, З. Рыжикова, Т. Биляк: Препринт WP3/2009/03. — М.: ГУ-ВШЭ. 2009. С.31.
3. Есть ли в России кадры для инвестиционного роста? // Бюл. «Население и общество». 2008. № 349,350.
4. *Клячко Т.* Экспертный канал «Открытая экономика»: <http://oprec.ru/1340471.html>.
5. Материалы к заседанию Госсовета России от 31 августа 2010 г.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. / Росстат, 2008–2010.
7. Российское образование в контексте международных показателей: Сопоставительный доклад / А.В. Полетаев, М.Л. Агранович, Л.Н. Жарова. — М: Аспект Пресс, 2003.
8. Российское образование в поисках ответа на новые вызовы // Бюллетень «Население и общество». 2009. № 375, 376 // <http://demoscope.ru/weekly/2009/0375/tema02.php>.
9. Образование в Российской Федерации: стат. сб. — М: ГУ-ВШЭ, 2010.
10. Экономика образования: итоги мониторинга, 2009. Информационный бюллетень. — М.: ГУ-ВШЭ, 2010.

*О.А. Фиофанова,
Н.Э. Онищенко*

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАК РЕСУРС РЕВИТАЛИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Некоммерческие организации являются одной из институциональных форм гражданского общества — так называемого третьего сектора, выполняющего общественную функцию самоорганизации граждан для решения значимых социальных и иных задач, требующих совместных усилий. В соотношении с другими двумя секторами — властью (политическая функция) и бизнесом (хозяйственная функция) — у этого сектора своя миссия.

Так, государство выполняет функции власти и частично хозяйственные функции, но самоорганизация граждан не его дело. Общественные и другие некоммерческие (неправительственные) организации выполняют функцию самоорганизации граждан и многие из них занимаются хозяйственной деятельностью, но у них нет властных полномочий. Только местное самоуправление одновременно реализует все три функции. Оно решает такие задачи, до которых у государства «не доходят руки», привлекает для

решения этих задач «невидимые» с государственного уровня местные ресурсы.

Можно выделить следующие виды деятельности некоммерческих организаций в муниципальных образованиях:

1. Правовая защита и юридическая поддержка граждан.
2. Проекты по развитию здорового образа жизни и выравниванию шансов для групп специальных потребностей, в том числе в социально-медицинских аспектах (инвалидность, наркомания, СПИД и т.д.).
3. Работа с детьми и молодежью.
4. Инфраструктурная поддержка, в том числе создание ресурсных центров для инициативных групп; методических, научно-образовательных учреждений инновационных направлений деятельности; организаций, решающих вопросы трудоустройства, занятости, развития сообщества.

В процессе своей деятельности некоммерческие организации, конечно, сталкиваются с финансовыми трудностями, для преодоления которых можно использовать несколько способов:

- 1) финансово-экономические — поддержка зарубежных грантодающих организаций, вступительные и членские взносы, фандрайзинг, некоммерческие организации могут брать кредиты в банке (но этот способ редко используется);
- 2) предпринимательская деятельность, направленная на решение уставных задач (возможно проведение тренингов, семинаров); личные связи (личные контакты, дружеские связи, пожертвования, спонсорская помощь, а также деятельность без финансирования, т.е. только на основе добровольного труда актива организации);
- 3) с помощью органов власти и управления (тендер органов государственной и муниципальной власти — социальный заказ).

Социальный опыт авторов статьи и пройденный личный путь от создания до развития и расширения спектра участия некоммерческих организаций (в нашем случае — Академии

социального проектирования и управления инновациями «Сердце Города») в муниципальном и региональном сообществе при построении взаимодействия с секторами власти и бизнеса позволяют нам сделать следующие выводы.

В последнее время интенсивно поднимаются вопросы о модернизации всех институтов общества (образования, науки, экономики, политики) посредством внедрения инноваций. На наш взгляд, гуманитарные инновации – это новые формы социальных практик. А кто занимается проведением новых форм социальных практик в жизнь? Власть – политизирована, бизнес – коммерциализирован, наука – элитарна... За кем остается эта миссия? Мы решили, что за нами...

Новые формы социальных практик, реализуемые нашей организацией, предполагают ориентацию на разные социальные институты и возрастные категории граждан. Особое внимание уделяется подростково-молодежной среде (см. табл. 1). Более подробно об этом говорится в рубрике «Публикации» в статье «НКО как организатор новых форм социальных практик: инновации в социуме» на сайте serdsegogoda.ru.

Например, летом 2010 года проектом Академии социального проектирования и управления инновациями «Сердце Города» – «Лидер-Лэнд» заинтересовались три крупных завода г. Ижевска, имеющие детские оздоровительные загородные лагеря и направляющие по социальным путевкам детей работников заводов. Проект «Лидер-Лэнд» как новая форма социальных практик ориентирован на развитие коммуникативных, лидерских, предпринимательских компетенций подростков. Для администрации заводов интерес был сосредоточен не только на организации досуга детей в лагере, но и на разработке реальных молодежных проектов, направленных на развитие инфраструктуры деятельности работников заводов. С нашей стороны была предложена научно-практическая разработка «Игровой менеджмент как фактор подготовки подростков к управленческой деятельности».

Таблица 1

Новые формы социальных практик в подростковой-молодежной среде города

	Проектные мастерские	Содержание курса	Сертификат Академии
№	1	2	3
1	«Лидер—Лэнд» или выездной лагерьный сбор «Четыре стихии лидерства»	Лидерство. Командообразование. Проектирование и презентация проекта. Спонсоринг, реклама и социальное партнерство в проекте	Участники получают сертификат с присвоением ювенональной степени «Сталкер социальных проектов»
2	«Событийный туризм» или событийное турне «Роза ветров»	Экспедиция и снаряжение (палатка, страховочные системы, туристские карабины и т.п.). Ориентирование на местности и топографические знаки. Техники преодоления туристских этапов: Тренинг – ночная игра «Движение по азимуту»	Участники получают сертификат с присвоением ювенональной степени «Экспедитор туристических маршрутов»
3	«Лабиринты общения» интерактивная коммуникативная игра «Открытый мир»	Коммуникативный дизайн как процесс проектирования принципов и способов взаимодействия. Межпоколенные коммуникативные практики». Разрешение конфликтов в общении. Модерация (создание диалоговых пространств	Участники получают сертификат с присвоением ювенональной степени «Модератор коммуникативных практик»

Окончание табл. 1

4	<p>«Взросление в зеркале сипета» или Организационно-деятельностная игра «Молодежная киноакадемия»</p>	<p>Кино как проекция жизни. Киногерои и рефлексия личного жизненного сценария. Продюсирование синема-проекта. Продюсер как инициатор, координатор и управляющий проектом.</p>	<p>Участники получают сертификат с присвоением ювальной степени «Продюсер синема-проектов»</p>
5	<p>«Вектор профессии или начало пути» или стратегическая профориентационная игра «Архитектора будущего»</p>	<p>Профориентационная работа в рамках предпрофильной подготовки. Диагностика ориентировочной готовности к выбору, мотивации к профдеятельности, уровня личного осознания выбора. Пять профессиональных проб: сценарий каждой пробы предполагает моделирование содержания деятельности в рамках различных профессий и соотнесение этой деятельности со школьными предметами. Стратегии профессионального пути: архитектура будущего.</p>	<p>Участники получают сертификат с присвоением ювальной степени «Стратег профессионального пути»</p>

О других формах социальных практик можно узнать на нашем сайте. Это: тематическая площадка «На планете Маленького Принца» (диалоги власти-бизнеса-общества-человека), управленческие мастерские, стратегические игры, студия «Витражи времени» (межпоколенческие отношения), проектные мастерские «Архитектура будущего».

Вернемся к осмыслению проблемы ревитализации городской среды и ресурсов некоммерческих организаций как института гражданского общества. Ревитализация – восстановление активных функций общества в среде (см. табл 2).

Особую роль некоммерческие организации играют в создании такого общественно значимого феномена, как местное сообщество. Его формирование осуществляется в результате целого ряда процессов, которым способствуют или которые инициируют некоммерческие организации. Речь идет о таких процессах, как:

- создание и развитие института самопомощи и взаимопомощи;
- формирование доверительных связей и норм взаимодействия и накопление на их основе различных форм социального капитала;
- развитие горизонтальных коммуникационных сетей, одна из функций которых - преодоление информационной асимметрии в гражданском обществе;
- создание системы сигналов о назревающих проблемах в целях мобилизации самого сообщества и привлечения внимания органов власти;
- разработка механизмов выражения общественного мнения и доведения его до власти (формирование общественного заказа);
- вовлечение граждан в процесс решения проблем, который может осуществляться путем мобилизации общественных ресурсов, а также путем переговоров с властями.

Таблица 2

Уровни ревитализации городской среды с учетом некоммерческих организаций

	Уровень ревитализации	Основные действующие лица	Примеры потенциальных функций НКО
№	1	2	3
1	Микро-уровень	Человек, люди, население, граждане, жители, социальные страды и целевые группы, социальные роли и статусы, профессиональные позиции, функционалы, должности и т.д.	Улучшение качества жизни детей и семей через увеличение ассортимента возможностей для реализации личности; реализация потребности в нахождении себе подобных – социальная идентификация
2	Мезо-уровень	Учреждения, организации, производители, хозяйства, государственные, муниципальные, частные (коммерческие) и общественные (некоммерческие) структуры	Контроль за качеством социальных и иных услуг; предоставление услуг, а, следовательно, увеличение количества субъектов, осуществляющих деятельность на рынке социальных услуг; поддержка профессиональных и этических стандартов в сообществах, осуществляющих деятельность в социальной сфере

Окончание табл. 2

3	Макро-уровень	Внутренние факторы влияния на территории, социальные институты, органы власти и управления; социальные, экономические, финансовые, нормативные, политические, организационные и другие процессы; и соответствующие им территориальные инфраструктуры и сети	Гражданский контроль; экспертиза принимаемых решений в социальной сфере; лоббирование интересов отдельных социальных групп; осуществление самоуправления, в т.ч. определение (ограничение, расширение) пределов вмешательства государства в данную сферу
4	Мега-уровень	Субъекты внешнего влияния на территорию: федеральные, региональные и международные факторы	Побуждение власти к проведению реформ либо апелляция по поводу нарушения прав и интересов при проведении реформ; осуществление связи и кооперация региональной деятельности с общей деятельностью внутри сетевых и международных организаций; информирование федеральной власти и мирового общественного мнения; формирование имиджа региона и страны, отдельных систем в социальной сфере; привлечение внешних ресурсов в социальную сферу
5	Мета-уровень	Мифы, идеи, теории, принципы, стереотипы, нормы и правила, определяющие потребности, поведение, деятельность, жизнь и взаимодействие факторов и участников процессов на территории	Организация социальной благотворительности; информирование общества; пропаганда гуманитарных идей (права человека, права ребенка, право на частную жизнь и т.п.); развитие гражданских и семейных ценностей; ответственное самоограничение разных социальных слоев; развитие гражданских диалогов т.п.

Некоммерческие организации как институт гражданского общества являются источником социальных инноваций. Многие образовательные, управленческие и информационные технологии, современные методы социальной работы были впервые внедрены именно некоммерческими организациями, а затем стали частью государственной и муниципальной политики (конкурсы социальных проектов, кризисные центры для пострадавших и др.).

Наш опыт деятельности позволяет сделать вывод о том, что концепция общественной пользы заслуживает внимания и внедрения как принцип и один из критериев при решении вопроса о предоставлении государственной помощи некоммерческим институтам. Наиболее эффективной является система социальных заказов органами власти муниципального образования некоммерческим организациям, основанная на открытых конкурсах. Достаточно определить, какие сферы городская администрация могла бы делегировать общественникам, выделить предназначенные для этого средства из бюджета на конкурс, объявить о нем в СМИ, провести тендер, осуществить текущую и конечную оценку реализации проекта.

Таким образом, деятельность некоммерческой организации представляется нам новой формой антропопрактик, нуждающейся в осмыслении, конструировании спектра влияния на развитие гражданского общества и человеческого капитала, реализации ресурса ревитализации социальной среды.

Литература

1. *Фиофанова О.А.* Социальные инновации как новые формы социальных практик в развитии местных сообществ // Научно-практическое пособие для НКО. – Ижевск: Знак, 2010.

2. *Фиофанова О.А.* Проблемы ментальности гражданского общества: взгляд через призму третьего сектора (НКО) // Международная научная конференция «Исследование, образование и развитие». – Румыния: Университет Таргу-Мурес, 2010.

*С.Ю. Алашеев,
Т.Г. Кутейницына*

РАЗРАБОТКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОПТИМИЗАЦИИ СЕТИ УЧРЕЖДЕНИЙ ДОВУЗОВСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Реструктуризация системы профессионального образования является одной из стратегических задач органов государственной власти. Деятельность федеральных и региональных органов управления образованием по реформированию сети образовательных учреждений направлена на повышение эффективности региональных систем профессионального образования.

Наш анализ посвящен одному из направлений модернизации образовательных ресурсов – **оптимизации сети учреждений довузовского профессионального образования** (начального и среднего профессионального образования). Под оптимизацией понимается целенаправленное изменение системы функционирования учреждений довузовского профессионального образования (структуры, функций, образовательных программ) в соответствии с требованиями внешней среды, направленное на повышение ее качества, доступности и эффективности.

Анализ опыта реструктуризации региональных образовательных сетей начального и среднего профессионального

образования показал необходимость рассматривать образовательную сеть не как совокупность изолированных образовательных учреждений с обособленными, негибкими образовательными программами, а как целостную систему. Она должна быть способна концентрировать и распределять ресурсы в интересах удовлетворения разнообразных образовательных потребностей социальных групп, с одной стороны, и обеспечивать развитие различных секторов экономики и социальной сферы своей территории, с другой.

Цели образовательной политики в области оптимизации сети довузовского профессионального образования для различных потребителей и производителей образовательных услуг представляются следующими:

- обеспечение **доступности** профессионального образования в интересах населения;
- обеспечение **соответствия** объемов и структуры подготовки кадровым **потребностям экономики** региона в интересах работодателей;
- **экономическая эффективность** использования бюджетных средств, нацеленных на результат в интересах государства.

Проведенный анализ практики оптимизации региональных систем профессионального образования позволяет описать наиболее общие рамки реструктуризации сети: сформулировать достаточно широкие цели, которые ставят региональные органы власти, и в связи с этими целями выделить направления модернизации ресурсов учреждений начального и среднего профессионального образования (см. табл.).

Развитие различных организационно-правовых форм учреждений довузовского профессионального образования включает:

- преобразование и изменение статуса учреждений довузовского профессионального образования (создание колледжей, автономных образовательных учреждений);
- расширение негосударственного сектора профессионального образования;

Таблица

		Цели образовательной политики			Экономическая эффективность использования бюджетных средств
		Обеспечение доступности образовательных программ довузовского профессионального образования	Обеспечение соответствия объемов, структуры и качества подготовки кадровым потребностям экономики региона	2	
1	Ресурсы сети учреждений довузовского профессионального образования региона	1	2	3	4
	Организационные ресурсы (учреждения)	Развитие различных организационно-правовых форм учреждений. Территориальная доступность	Развитие форм государственно-частного партнерства в профессиональном образовании	Передача полномочий по управлению на уровень субъекта Российской Федерации	
2	Образовательные ресурсы (программы)	Расширение спектра программ профессионального образования и форм его получения	Активное включение работодателей в образовательный процесс	Сокращение дублирования программ подготовки	

Окончание табл.

3	Кадровые ресурсы	Непрерывное повышение квалификации инженерно-педагогических кадров	Сотрудничество с работодателями по вопросам переподготовки и повышения квалификации	Введение форм оплаты труда, ориентированных на образовательные результаты
4	Материально-техническое оснащение (оборудование, помещения и др.)	Использование современных технологий	Использование оборудования и производственных площадей работодателей	Оптимизация затрат учебных и лабораторных площадей и оборудования
5	Финансовые ресурсы	Предоставление спектра бесплатных и платных образовательных услуг	Распределение средств в соответствии с потребностями работодателей	Экономия бюджетных средств
6	Сетевое взаимодействие	Обеспечение мобильности учащихся	Формирование инфраструктуры для связи рынка труда и образовательных услуг	Сокращение затрат на ресурсное обеспечение сети учреждений

- расширение негосударственного сектора профессионального образования;
- развитие учреждений многоуровневого профессионального образования, интеграция учреждений, создание региональных образовательных комплексов.

Территориальная доступность обеспечивается за счет:

- распределения учреждений довузовского профессионального образования по территории региона с учетом плотности населения;
- обеспечение достижения учащимися учебных заведений (транспортной доступности или подвоза) в пределах норм;
- предоставление учащимся мест в общежитиях.

Развитие форм государственно-частного партнерства в профессиональном образовании предполагает:

- вхождение предприятий бизнеса в число учредителей учреждений профессионального образования,
- создание управляющих, попечительских, наблюдательных советов учреждений с участием работодателей.

Передача полномочий по управлению довузовским профессиональным образованием на уровень субъекта Российской Федерации предполагает:

- ориентацию управления системой довузовского профессионального образования на экономические и социальные интересы региона;
- сокращение затрат (операционных издержек и звеньев управления) по государственному управлению и контролю в системе профессионального образования.

Расширение спектра программ профессионального образования и форм его получения, включает:

- увеличение количества образовательных программ, в том числе в каждом образовательном учреждении (в среднем);
- расширение подготовки по заочным, очно-заочным, экстернатным и дистанционным программам;

- разработка и внедрение интегрированных образовательных программ, обеспечивающих преемственность начального, среднего и высшего профессионального образования;

- возможность изменения профиля подготовки и гибкость сроков обучения, позволяющих выбор индивидуальной образовательной траектории.

Активное включение работодателей в образовательный процесс:

- участие работодателей в разработке образовательных программ и учебных планов;

- развитие механизмов государственно-общественной аккредитации профессиональных образовательных программ;

- разработка учебных программ и подготовка специалистов под конкретный заказ работодателей (в том числе по «коротким» программам);

- обучение на предприятии (стажировки учащихся);

- участие работодателей в итоговых и промежуточных квалификационных испытаниях учащихся;

- развитие системы сертификации профессиональных квалификаций выпускников.

Сокращение (исключение) дублирования программ подготовки целесообразно в тех случаях, когда численность обучающихся по программе не позволяет сформировать наполненную учебную группу. Важным элементом при реализации мероприятий данного направления является:

- развитие дистанционных форм обучения с использованием Интернет-ресурсов образовательных учреждений.

- сокращение специальностей в рамках многопрофильного обучения.

Непрерывное повышение квалификации инженерно-педагогических кадров может быть обеспечено за счет:

- введения процедур аттестации (в том числе общественной) работников учреждений;

- использование системы повышения квалификации педагогических кадров по индивидуальному образовательному чеку.

Сотрудничество с работодателями по вопросам переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров включает:

- стажировки инженерно-педагогических кадров на предприятиях реального сектора экономики,
- привлечение представителей работодателей к преподавательской деятельности (например, на условиях совместительства).

Введение форм оплаты труда педагогических работников, ориентированных на образовательные результаты, предполагает:

- введение нормативного финансирования учреждений;
- изменение системы оплаты труда, включающей стимулирующую часть зарплаты педагога по результатам обучения.

Использование современных технологий профподготовки включает:

- обновление материально технической базы и инфраструктуры;
- информатизацию/компьютеризацию профессионального образования;
- коллективное использование высокотехнологичного оборудования ресурсных центров в рамках сетевого взаимодействия;
- разработку модульных образовательных программ;
- развитие тьюторского сопровождения получения профессионального образования;
- разработку технологий «открытого образования», интерактивных форм обучения, проектных и других методов, формирующих навыки анализа информации и самообучения.

Использование оборудования и производственных площадей работодателей предполагает:

- предоставление работодателями мест производственной практики;

- предоставление (совместное использование) оборудования и помещений для проведения практических и лабораторных работ;

- создание учебно-производственных комплексов, осуществляющих производственную деятельность, создание отраслевых производственно-образовательных кластеров.

Оптимизация загрузки учебных и лабораторных площадей происходит за счет:

- совместного использования производственных площадок в рамках сетевого взаимодействия;

- создание ресурсных центров профессионального образования;

- аренда и сдача в аренду помещений и оборудования.

Предоставление спектра бесплатных и платных образовательных услуг предполагает:

- сбалансированность бесплатных (бюджетных) и платных форм получения профессионального образования;

- развитие системы образовательных грантов для разных категорий учащихся;

- разработка программ поддержки малообеспеченных и слабозащищенных групп населения, а также талантливой молодежи.

Распределение бюджетных средств на подготовку кадров в соответствии с потребностями работодателей включает:

- исследование требований работодателей к объемам и качеству подготовки специалистов в системе профессионального образования;

- формирование заказа на подготовку кадров в региональной системе профобразования в соответствии с запросами работодателей;

- конкурсное размещение заказа в подведомственных учреждениях профобразования.

Экономия бюджетных средств обеспечивается за счет:

- прекращения финансирования подготовки по невостребованным профессиям и специальностям;

- расширения платных образовательных услуг для населения;

- расширения внебюджетной (контрактной) подготовки по договорам с предприятиями;

- привлечения средств инвесторов и спонсоров.

Обеспечение мобильности учащихся (пространственной и виртуальной) осуществляется на основе:

- реализации программ мобильности, предусматривающих обмен студентами (и преподавателями) между учреждениями профобразования;

- разработки сетевых программ обучения, когда разные модули (блоки) программы подготовки обеспечивают различные учреждения профессионального образования;

- предоставления возможности одновременно обучаться нескольким профессиям.

Формирование инфраструктуры для связи рынка труда и образовательных услуг предполагает:

- создание структур-посредников, обеспечивающих эффективный информационный обмен между работодателями (потребностями) и системой профессионального образования (возможностями);

- среднесрочное прогнозирование кадровых потребностей экономики в разрезе профессий и специальностей;

- создание банков данных о возможностях трудоустройства (для учащихся) и предпочтениях учащихся (для заинтересованных организаций);

- развитие служб содействия трудоустройству выпускников;

- организация и проведение ярмарок вакансий;

- развитие традиционных и инновационных форм профориентации (например, проект «Открытый урок»).

Сокращение затрат на ресурсное обеспечение сети учреждений довузовского профессионального образования может быть обеспечено за счет:

- реализации программ дистанционного образования;

– организации конкурсов по разработке образовательных программ, учебных курсов и их распространение по сети (вместо заказа на разработку);

– ротации педагогических и инженерно-педагогических работников;

– сокращения затрат на приобретение оборудования за счет его концентрации и коллективного использования.

Мы попытались представить максимально широкий спектр направлений модернизации ресурсов сети учреждений довузовского профессионального образования и раскрыть их содержание. Очевидно, что не все направления могут быть операционализированы в показатели эффективности реструктуризации системы начального и среднего профессионального образования, но, на наш взгляд, они задают рамки для разработки и систематизации этих показателей.

На основании предложенных критериев были разработаны показатели эффективности реструктуризации сети учебных заведений, которые позволяют провести анализ деятельности региональных органов управления образованием, в сферу ответственности которых входят учреждения довузовского профессионального образования.

**ДИНАМИКА ТРУДОВЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
ВЫПУСКНИКОВ НАЧАЛЬНОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ОТ КРИЗИСА ДО КРИЗИСА**

С 1998 года в режиме регулярного мониторинга в Самарской области проводятся репрезентативные опросы учащихся и выпускников региональной системы начального профессионального образования. Одной из задач исследований является изучение жизненных ориентаций, включая образовательные, профессиональные и миграционные планы.

Концепция модернизации системы профессионального образования ставит перед учебными заведениями ряд задач. Важнейшие из них: дать учащимся профессиональные навыки, которые позволяют быть востребованным на рынке труда, психологически подготовить к началу профессиональной карьеры в условиях конкурентной среды. Поэтому изучение профессиональных и образовательных настроений представляется существенным для понимания того, насколько планы выпускников соответствуют профилю полученных профессиональных навыков.

Информация, собранная в ходе исследования, позволяет охарактеризовать наиболее общие тенденции формирования образовательных и профессиональных намерений социальной группы выпускников профессиональных училищ и лицеев. К моменту окончания учебного заведения выпускники оказываются в ситуации выбора дальнейшего жизненного пути. Тем более что границы индивидуального выбора, который сегодня открывается перед нами, значительно расширились. Традиционно считалось, что получение диплома о начальном профессиональном образовании предполагает для большинства их владельцев включение в производственную деятельность. Однако планы выпускников гораздо разнообразнее, чем можно было бы предположить.

Как показывают мониторинговые данные, работать без продолжения обучения после окончания начального профессионального учебного заведения выражают желание около 40%, и этот показатель относительно стабилен на протяжении всего периода исследований.

Совмещать работу с учебой планирует все большее число выпускников начальной профессиональной школы. С 1998 года наблюдается постоянный рост доли респондентов, желающих и работать, и учиться. Значительное увеличение численности молодых людей, предполагающих после окончания училища (лица, колледжа) совмещать работу с обучением происходило с 1998 по 2002 год (с 18 до 33%, соответственно). В целом на работу, не предполагающую учебу либо совмещаемую с учебой, ориентирована большая часть выпускников региональной системы начального профессионального образования (в среднем около 70%). В то же время продолжение образования (если учитывать и тех, кто намерен учиться по очной форме, и тех, кто хотел бы совмещать работу с учебой) планирует также значительная часть респондентов (около 50%).

Продолжать профессиональное обучение в очной форме на разных ступенях образования (среднее и высшее профессиональное) предполагает каждый 5-й выпускник начальной профессиональной школы. В 1998 году количество респондентов, выразивших подобное желание, было немногим больше (25%). Вариант совмещения обучения с работой становится более предпочтительным для выпускников, возможно, из-за стремления приобрести материальную самостоятельность и использовать профессиональные знания как на рабочем месте, так и в процессе обучения на следующей ступени профессионального образования.

Приведенные данные позволяют предположить, что среди молодежи идет осознание значимости образования для повышения конкурентоспособности при трудоустройстве, социальном продвижении и изменении уровня материального благосостояния. Рост образовательного уровня для молодых людей становится внутренним ресурсом своего будущего профессионального самоопределения и жизнеобеспечения. В этом случае получение начального профессионального образования рассматривается как некая ступень для выстраивания дальнейшей профессиональной и образовательной карьеры.

Существует определенная гендерная специфика планирования жизненных траекторий. Если рассматривать образовательные планы, то стратегия совмещения учебы с работой чаще характерна для девушек, чем для юношей. Интересен тот факт, что доля девушек, желающих работать после окончания учебного заведения (в совокупности с теми, кто намерен совмещать работу с учебой) гораздо больше, чем юношей. Можно предположить, что выпускницы 9-х классов общеобразовательных школ, которые продолжают обучение в профессиональных учебных заведениях, более ориентированы на получение профессии, чем на повышение уровня обра-

зования. Если же девушки делают ставку на образование, то они, скорее всего, выбирают иные образовательные стратегии (например, продолжение образования в школе для последующего поступления в высшие учебные заведения). Данная тенденция сохранялась на протяжении всего периода мониторинга.

Как отмечалось, около 70% выпускников системы начального профессионального образования после окончания учебного заведения планируют начать трудовую деятельность (совмещающая ее с продолжением образования или нет). На протяжении всех этапов мониторинга исследовался вопрос, по какой профессии молодые люди собираются работать, насколько их профессиональный выбор совпадает с профессией, которую они приобретают в учебном заведении (см. рис.).

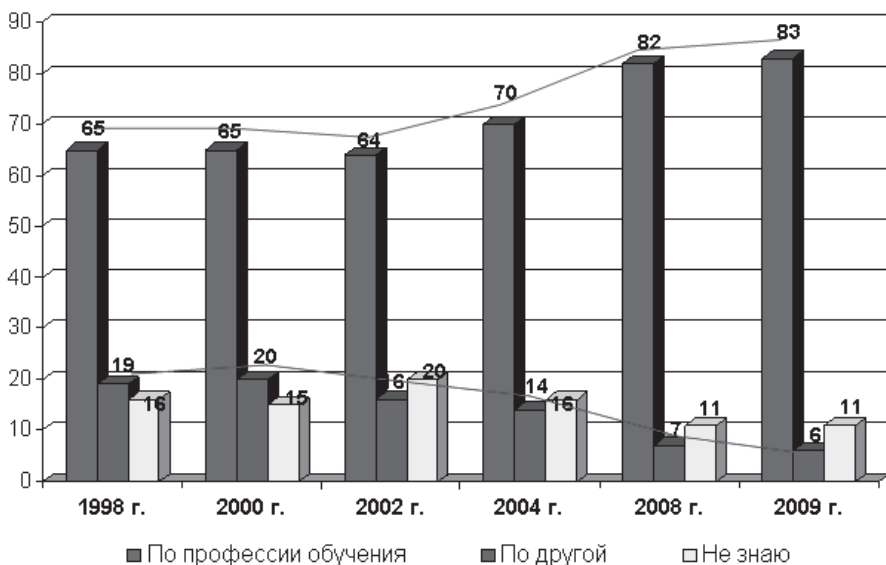

Рис. Планируемая работа после окончания учебного заведения

За прошедшее десятилетие доля выпускников, намеренных трудоустроиться по приобретенной в этом заведении профессии, увеличилась с 65 до 83%. Соответственно, сократилось количество желающих сменить направление профессиональной деятельности (с 19% в 1998 году до 6% в 2009 году). Несмотря на сохраняющуюся неопределенность профессиональных планов среди части выпускников, доля затруднившихся ответить на вопрос о предполагаемой профессии сократилась и составила 11% в 2009 году.

Анализ данных мониторинговых замеров позволяет сделать следующий вывод. На момент окончания начальной профессиональной школы у большинства выпускников уровень профессионального самоопределения достаточно высок, профессиональные намерения — более сформированы и ориентированы на рынок труда и в то же время нацелены на повышение образовательного уровня.

На этапе окончания учебного заведения большинство выпускников могут оценить свои возможности трудоустройства. Эти представления молодых людей основываются на оценке уровня профессиональной подготовки в стенах учебного заведения.

С 2004 года количество выпускников, оценивающих полученное образование достаточно высоко, увеличилось с 34 до 40%. Однако в 2009 году произошло снижение доли респондентов, уверенных в том, что качество подготовки позволит выбрать лучшее место работы. Практически не меняется доля молодых людей, считающих, что после окончания учебного заведения они имеют ограниченный выбор мест трудоустройства — каждый третий придерживается мнения «работать буду там, где возьмут».

Материалы социологических исследований позволяют детализировать, в чем именно заключается отсутствие перспектив трудоустройства, как это, скорее всего, будет прояв-

ляться. Поэтому наряду с анализом профессиональных предпочтений учащихся в ходе опроса выяснялись возможные, с точки зрения выпускников, трудности, с которыми они могут столкнуться при поиске работы. На протяжении всего периода исследований результаты демонстрируют достаточно высокую степень информированности выпускников о ситуации на рынке труда, о возможностях трудоустройства после окончания учебного заведения.

В период с 2002 по 2008 год каждый пятый выпускник считал, что по выбранной профессии легко устроиться на работу. В отмеченный период трудоустройство по рабочим профессиям действительно не представляло серьезных сложностей. В 2009 году частота выбора данного мотива несколько снизилась и достигла уровня 2000 года (16%). Отчасти это объясняется изменениями экономической ситуации, сложившейся после кризисов 1998 и 2008 годов.

Представления выпускников 2009 года о возможных трудностях, с которыми они могут столкнуться при поиске работы, основываются на адекватных оценках экономической ситуации, складывающейся в регионе. Начавшееся с середины 2008 года сокращение производства повлекло массовое высвобождение работников, что, в свою очередь, создало дополнительную напряженность на рынке труда. Во многом этим объясняются изменения представлений выпускников о предстоящих трудностях, с которыми они могут столкнуться. Тревожность по поводу будущего трудоустройства выпускников выросла по сравнению с результатами опроса 2008 года. Если до 2008 года доля молодых людей, считающих, что проблем с трудоустройством у них не будет, составляла 40%, то в 2009 году – лишь 27%. Увеличилась доля выпускников, по мнению которых недостаток мест трудоустройства является наиболее распространенной проблемой при трудоустройстве в 2009 году.

Необходимо отметить, что за десятилетний период почти в два раза сократилась доля выпускников, считающих, что при трудоустройстве они могут столкнуться с такими проблемами, как низкий уровень профессиональной квалификации и необходимость дополнительных знаний и умений. Этот факт подтверждает вывод о росте оценки выпускниками полученного ими профессионального образования.

Оценивая свои шансы на трудоустройство после окончания учебного заведения, выпускники принимали во внимание и ситуацию на рынке труда, и оценку качества полученной профессиональной подготовки.

За последние пять лет мы наблюдаем значительные изменения во взглядах выпускников на оценку шансов трудоустройства по профессии обучения. Во многом это обусловлено произошедшими социально-экономическими переменами. Если до 2008 года, в период экономической стабильности, росло количество выпускников, считающих, что трудоустроиться по профессии обучения достаточно легко (в 2008 году подобного мнения придерживался каждый второй респондент), то данные 2009 года демонстрируют высокую степень тревожности выпускников по этому поводу и сокращение подобных высказываний почти в два раза. Соответственно, возрастает доля выпускников, предполагающих, что трудоустройство по профессии обучения будет достаточно сложным по причине высокой конкуренции на региональном рынке труда.

Снижение уверенности в успешности будущего трудоустройства в 2009 году подтверждается тем, что к концу обучения каждый пятый выпускник не знает ни одного предприятия, на которое он мог бы трудоустроиться (в 2008 году – лишь 12%). По сравнению с 2008 годом произошло сокращение доли респондентов, «имеющих в запасе» несколько вариантов мест будущего трудоустройства (с 73 до 62%).

Итак, анализ данных мониторинговых замеров позволяет сделать следующий вывод. Выпускники стали более осознанно подходить к вопросам трудоустройства, их мнения основываются на адекватных оценках ситуации на рынке труда. Молодые люди все чаще ориентированы на трудоустройство по профессии обучения, реально оценивают свои шансы и готовы к преодолению трудностей, которые могут возникнуть как в профессиональной сфере, так и в других жизненных ситуациях.

ПОЭЗИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СВОБОДНОЙ ЛИЧНОСТИ: ОСМЫСЛИВАЯ ПРОЙДЕННОЕ

Уже 6 лет на летних Детско-взрослых академиях мы – методологи, учителя и ученики Центра образования № 1811 «Измайлово», поэты и литературные критики, занимаемся пониманием поэтических текстов. В этой статье мы задались целью осмыслить нашу работу.

Это важно по разным причинам, одной из них является необходимость периодически отвечать на вопросы разных людей о том, не надоело ли нам из года в год заниматься одним и тем же, не пора ли сменить материал. Обращение к разным этапам нашей работы помогло нам самим увидеть и осознать пройденный путь.

2006 год

Первую сессию Детско-взрослой академии, посвященную поэзии, мы провели летом 2006 года.

Е.Ф. Сабуров утверждал, что поэты не отражают, а творят жизнь, создавая в своих произведениях новые миры и язык для их описания. Овладевая массами, новый язык воплощается в жизнь и обновляет ее.

Но новый язык труден для понимания. Посредником между поэтом-первопроходцем и читателем выступают поэты второй волны и литературная критика. При этом Евгений Федорович утверждал, что вершины русской поэзии начала XX века не дошли до широкого читателя и к началу XXI столетия. Он и предложил нам в качестве материала взять именно эту поэзию: стихотворения В. Хлебникова и А. Введенского.

Но для того, чтобы понимать стихотворения этих поэтов, нужно было оснастить читателей какими-либо средствами. В качестве таких средств Е.Ф. Сабуров предложил использовать формальные методы, в первую очередь ритмический анализ. Пришлось нашему игротехническому коллективу прорабатывать текст А. Белого «Ритм как диалектика», учиться строить ритмическую кривую и интерпретировать ее. В течение восьми дней мы учились рисовать ритмические рисунки, фиксируя в них чередование ударных и безударных слогов.

Эта первая сессия Детско-взрослой академии по поэзии была драматичной. Оказалось, что очень сложно отказаться от привычного понимания стихотворений «душой». Многие участники не могли принять то, что поэзия предполагает строгую ритмическую организацию, в которой каждое слово имеет значение не само по себе, а в определенном месте под определенным ударением, что ритм стихотворения – это то, как дышал поэт, когда писал свои стихи. Например, в стихотворении «Море» Хлебникова считалочный ритм воздействует на нас сильнее лексического значения слов, вызывающего страх (ужас), придавая всему тексту совсем другое звучание, совсем другой оттенок.

Мы считаем, что результатом чтения поэзии должна стать встреча души читателя с душой поэта и диалог этих душ. Но между поэтом и читателем существует огромная дистанция, и именно формальные методы анализа позволяют ее преодолеть, потому что именно они заставляют читателя проникать в ткань стихотворения и двигаться навстречу автору, а не

в произвольном направлении, задаваемом отдельными словами в стихотворении либо мыслями читающего.

Пожалуй, самым важным итогом этой первой попытки работать с ритмом стихотворения стало то, что мы, чертя ритмические рисунки, подсчитывая коэффициенты, отражающие повторяемость по ритму строк в строфе, строя кривую и выделяя оппозиционные точки, которые показывают конфликт в стихотворении, анализируя рифму, повторы, поняли, что именно ритм стихотворения задает тот смысл, на который мы, читатели, реагируем. Пришлось отказаться от попыток понимать стихи, учитывая только свой житейский опыт или ассоциации, часто не вполне культурные. То есть время, когда мы понимали стихи только душой, для нас закончилось.

В перерыве между сессиями академии мы продолжали осваивать формальный анализ на образовательных сессиях, которые проводили в школе. Ритмические рисунки рисовали уже почти легко, выделяли оппозицию, но вот как только дело доходило до трактовок оппозиционных точек, работа начинала буксовать. Появилось ощущение, что одного ритмического анализа недостаточно, чтобы полностью войти в мир стихотворения, понять, как он устроен и что в нем происходит.

2007 год

Наверное, все, кто всерьез пытается понимать поэзию, и особенно современную, сталкиваются с проблемой контекста.

Любое хорошее стихотворение не существует отдельно, само по себе, а вступает в диалог со всей предшествующей поэзией. Поэтому вместе с Евгением Федоровичем тему этого собрания академии в 2007 году мы сформулировали так: «Русская поэзия как единый текст». А в качестве средств он предложил нам добавить к ритмическому анализу стихотворения лексический и грамматический. За основу были взяты работы Ю.М. Лотмана «Анализ поэтического текста» и М.Л. Гаспарова «Снова тучи надо мною... Методика анализа». А материалом, с которым нам предстояло работать, стали стихотворения XIX

и XX веков А.С. Пушкина «Пророк», Ф.И. Тютчева «Безумие», В. Хлебникова «Одинокий лицедей». Эти стихотворения были объединены в сборник (пакет).

И мы вновь погрузились в море поэзии. Теперь для большинства из нас было очевидным, что формальные методы анализа поэтического текста действительно являются надежным средством, применение которого сокращает путь между читателем и поэтом. Но этап овладения этими средствами был непрост. Мы с большим трудом, только изредка приносящим удовлетворение, пытались анализировать морфологический состав текста, взаимодействие частей речи в тексте; разбирая стихотворения по частям речи, пытались создавать тематические поля и ломали голову над тем, как они могут быть связаны. Важным предметом наших исследований стала и грамматическая организованность: строение предложений, порядок слов, пунктуация и многое другое. Мы учились складывать результаты, которые получали на разных уровнях формального анализа, в единое понимание стихотворения. Надо отметить, что попытки эти были еще очень робкими и часто надуманными. Пока результаты существовали отдельно друг от друга и не очень помогали выйти на целое, на мир стихотворения.

Говоря о результатах, полученных на этой сессии Детско-взрослой академии, можно отметить, что, с одной стороны, мы неплохо овладели формальными средствами анализа в отдельности, т.е. научились разбирать стихотворение на части, но, с другой стороны, эти разрозненные, пусть даже очень интересные находки не складывались в целое понимания. Хотя были и счастливые исключения.

2008 год

В качестве материала Е.Ф. Сабуров предложил нам стихотворения современных поэтов. Читая и обсуждая произведения В. Коваля, С. Гандлевского, М. Айзенберга, Е. Сабурова, мы продолжали применять средства формального анализа, которые помогали нам углублять понимание специфики современной поэзии. В ходе этой работы мы с особым пристрастием

фиксируют то, как дети читают и понимают произведения наших современников, как и в какой ситуации работает каждое из средств формального анализа. Надо справедливо отметить, что наше умение использовать формальные средства росло с каждым днем работы.

А присутствие на пленарных заседаниях самих поэтов Е. Сабурова и М. Айзенберга, необыкновенно интересные и важные отношения и замечания, которые они делали к докладам всех групп, подтверждали то, что большинство из наших находок не только не противоречат миру стихотворения, но и является точным попаданием в него. Такая уникальная возможность рассказать, как мы понимаем стихотворение поэта самому поэту, делала нас более ответственными, внимательными и в финале — очень счастливыми. Вспоминая сейчас сессию Детско-юношеской академии, мы не перестаем завидовать самим себе!

Говоря о важных результатах этой сессии, невозможно не отметить интереснейшую работу со звуком, которую проделала группа Ф.С. Югановой. Евгений Федорович, не сдерживая своего восхищения, предложил эту экспериментальную работу «довести до ума», чтобы использовать ее как еще один вид формального анализа. Работу с фонетикой поэтического текста Фрида Семеновна со своими ребятами продолжила и на следующей сессии академии.

Говоря о том, как в 2008 году шла работа по освоению (присвоению) средств формального анализа, мы хотели бы отметить, что нам удалось не только корректно и грамотно применять их по отдельности, но и совершить много удачных попыток комплексного применения. Конечно, любые методы анализа имеют ограничения, конечно, для каждого стихотворения надо подобрать свои, именно ему соответствующие средства анализа. До сих пор мы продолжаем наращивать арсенал приемов и средств работы с поэтическими текстами.

По опыту нашей работы Л.Б. Пироговой подготовлена методичка для игротехников и учителей.

Но уже на этой сессии академии Евгений Федорович и Михаил Натанович, обсуждая наработанные группами, продолжая работу по пониманию конкретных текстов, достаточно регулярно использовали стихотворения других авторов: показывали, как поэты разговаривают друг с другом своими произведениями. И тогда стихотворение, которое мы анализировали, становилось понятнее.

Нам это было очень интересно, но возникало естественное ощущение невозможности повторить что-либо подобное самим. Хотя некоторые подвижки в собственном развитии наметились. Мы уже научились объединять стихотворения по темам, например, и там, и там про смерть и одиночество, а дальше анализировать, как эти темы развиваются в разных произведениях. Наша «продвинутость» в области понимания поэзии как единого текста доставляла удовольствие, но в то же время оставалось очень сильное чувство собственного несовершенства. Мы понимали, что нам предстоит еще много работать, чтобы приобрести особый «слух», «поэтическое чувствование».

2009 год

21 июня, за несколько дней до начала очередной сессии Детско-взрослой академии, ушел из жизни Евгений Федорович Сабуров. Эту сессию мы посвятили его памяти. Незадолго до своей кончины Евгений Федорович записал для нас две лекции о роли поэзии в истории развития человечества и собрал 8 пакетов, в которые вошли стихотворения поэтов XIX, XX, XXI веков и с которыми нам предстояло работать. В своей лекции Евгений Федорович отметил, что применить все известные нам средства формального анализа – не значит понять стихотворение. Эти средства, конечно, необходимы. Но должен произойти переворот. Сабуров связывал этот переворот со смешным в стихах. Смешное рождается из-за всевозможных несоответствий: формы и «содержания», первого впечатления и «смысла», который обнаруживается в ходе дальнейшего анализа, лексические несоответствия и т.д.

Вот эти самые «перевороты», эта «изнанка», возможность посмотреть на стихотворение иначе, стали основными моментами игры.

Планка, которую поставил перед нами Е.Ф. Сабуров, была очень высокой. Так было и прежде. Но тогда он был с нами, именно он задавал культурный контекст и уровень. Мы были защищены от опасности впасть в эйфорию от своих находок и выйти за рамки культурного поля. На этой сессии Детско-взрослой академии роль экспертов блестяще исполнили М.Н. Айзенберг и В.С. Коваль, которые вслед за Е.Ф. Сабуровым осуществляли наше просвещение и вместе с нами читали стихи.

Работа на этой сессии академии строилась так: сначала мы анализировали отдельные стихотворения, а потом пытались уловить переключки, которые между ними возникали. Особенно интересный разговор произошел о стихотворениях Л. Иоффе «О, дайте мне раздолье» и Е. Сабурова «Я снова равного ищу». Мы буквально услышали, как разговаривают поэты, стали участниками этого разговора. Неужели тот «слух», которого нам так не хватало совсем недавно, начал развиваться! М.Н. Айзенберг еще больше поднял нашу самооценку, отметив в своих комментариях, что все наши находки действительно являются частями мира этих произведений.

Конечно, со смешным в стихотворениях все было сложно. Уж очень это непросто – совершить переворот. Но очень важный опыт понимания, на стыке чего в поэзии может появляться смешное, мы приобрели. А также поняли, что смешное, о котором говорил Сабуров, какое-то не буквальное, привычное. Надо еще и чувство юмора развивать, чтобы адекватно реагировать на написанное поэтом.

И все-таки для многих из нас главным чувством в эти дни было чувство потери. Нельзя сказать, что эту сессию Детско-взрослой академии мы проводили без Евгения Федоровича. Мы слушали его лекцию, работали с его стихами, слушали сти-

хи в его исполнении, с нами были его друзья, дочка, внучка... Но у нас не было возможности задать вопрос ему лично, а мы так к этому привыкли. У нас не было возможности услышать его интереснейшие комментарии, поднимающие огромные пласты литературы, истории, политики. И, наверное, поэтому то здесь, то там раздавалось: «Если бы он сейчас мог нас услышать, был бы рад». Так было легче. И в этих словах не было ни капли пафоса, фальши. Только благодарность и дань памяти человеку, поставившему нас на этот путь, поверившему, что мы справимся, и очень любившему нас.

2010 год

Тема: «Русская поэзия как единый текст»

Несмотря на переодически возникающие трудности, Детско-взрослая академия уже доросла до уровня обобщений, видения поэтического творчества того или иного автора в контексте всей предшествующей литературы и, как следствие этого, более глубоких выводов и версий.

Работа на этой сессии академии отличалась широтой материала, предложенного М. Айзенбергом и Е. Сабуровым. Семь пакетов стихотворений! Стихотворения в каждом сборнике (пакете) объединены общей темой, похожи формой, имеют переключки. Нам нужно было, прочитав все пакеты, самим найти то общее, что легло в основание для создания каждого.

Очень сложная и интересная работа разворачивалась на игре. Невозможным оказалось выделить один общий принцип объединения стихотворений. В одном пакете стихи были соединены как бы «центростремительно», где центр – это некое «тютчевское чувство».

1. Ф. Тютчев «Тени сизые смешались...»
2. М. Лермонтов «Когда волнуется желтеющая нива...»
3. В. Ходасевич «Элегия»
4. О. Мандельштам «Ветер нам утешенье принес...»
5. Л. Аронзон «Что явит тот, который брошен в небо?»
6. Д. Хармс «Подруга»
7. Н. Заболоцкий «На закате»

8. В. Гандельсман «Исчезновение»
9. О. Юрьев «Чтоб не слышна была тишина»
10. Ю. Гуголев «Полноте, батюшка...»

Запускал работу с этим пакетом анализ стихотворения Ф.И. Тютчева «Тени сизые смесились». Применение формальных средств помогло сделать очень интересные находки: работая со знаками препинания (многоточие, восклицательный знак с многоточием, восклицательный знак в последней строчке), мы вышли на очень важные черты мира этого стихотворения. Создается мир, в котором человеку не удастся слиться с сумраком, усмирить свои страсти и «вкусить уничтоженья».

Другой пакет отличался противоположным предыдущему принципом соединения стихотворений. Тексты связаны по «смыслообразующей реминисценции». Стало очевидным, что в русской поэзии все ласточки из одного гнезда, но всегда любопытно следить, как они разлетаются в разные стороны.

1. Г. Державин «Ласточка»
2. А. Фет «Ласточки»
3. О. Манделъштам «Я слово позабыл...»
4. В. Ходасевич «Ласточки»
5. О. Юрьев «Ласточке»
6. Н. Заболоцкий «Ласточка»
7. А. Тарковский «Ласточки»
8. Е. Сабуров «Зачем же властвовать и задавать вопросы?»
9. А. Цветков «Зачем же ласточки старались?»

Основная работа на этой сессии проводилась со стихотворениями, объединенными в эти два пакета. Но огромное удовольствие мы получили и от чтения произведений из других пакетов.

Еще на одной из первых игр по поэзии Е.Ф. Сабуров говорил нам о том, что чтение поэзии — это одно из главных удовольствий, которое есть в жизни человека. Постепенно эти слова становятся понятными нам. Сейчас, когда использование формальных средств становится для нас только этапом, когда

мы подбираем «ключи» (в каждом случае набор этот индивидуальный), помогающие войти в мир поэта, а не объектом главной работы, как это было на первых сессиях Детско-взрослой академии, мы действительно получаем огромное удовольствие, читая стихи, участвуя в разговоре поэтов разных веков.

И еще! Теперь уже можно сказать с уверенностью: мы рассматриваем контекст как важнейшее и необходимое средство понимания стихотворений. Наш путь в мире поэзии — это результат огромного труда всех людей, которые в течение шести лет собираются каждое лето вместе, чтобы читать стихи.

2011 год

Эта сессия Детско-Взрослой Академии стала важнейшим шагом, развивающим и продолжающим всю работу по поэзии, которую мы проводили с 2006 года. Ее особенность заключалась в том, что мы не только работали со стихотворениями поэтов, но и сочиняли сами, мы пытались составить пакет на основе стихотворения А.С. Пушкина «Воспоминание» из предложенного ряда стихотворений, находя для этого внятные критерии.

Запускалась вся работа тем, что нужно было вспомнить о поэтических организованностях на материале переводов стихотворения Гейне. Далее мы читали лимерики и пытались выделять те организованности, которые характерны для этого стихотворного жанра. А дальше пробовали их воспроизвести, сочинив собственный лимерик. Удовольствие, которое получили все на этом этапе работы, невозможно сравнить ни с чем. Ведь сами сочиняли, а потом еще и читали полученное друг другу, отслеживая, удалось ли сохранить все жанровые особенности, веселясь и наслаждаясь получившимся. Сейчас мы собираем весь материал по лимерикам, чтобы издать свою книгу, в которую войдут сочиненные нами тексты, наши впечатления и сведения об истории этого жанра и его создателе, Э. Лире.

Потом все группы анализировали стихотворение А.С. Пушкина «Воспоминание», которое позже стало основным для создания пакета.

Последовательность нашего движения, а иногда и содержание на этой игре принципиально отличались от всех предыдущих. Не было уже собранного поэтами пакета. Мы его должны были собирать сами. Основанием для этой сборки стали особенности, которые мы заметили у Пушкина:

– лирический герой выделяющийся, рефлектирующий, остро чувствующий, способный взглянуть на себя, свою жизнь со стороны, принять себя, сложного, противоречивого;

– присутствие в стихотворении воспоминания как «зеркала», в которое «смотрится» лирический герой;

– ритмическая организация стихотворения (выделение 11-ой строки, в которой и появляется «воспоминание», выделение четвертого четверостишья, в котором и происходит самое главное), морфология стихотворения (глаголы, местоимение «я...») и многое другое.

Все эти особенности и стали теми смысловыми точками, которые мы обнаружили в стихотворениях других поэтов и которые получили там свое развитие. Нам действительно удалось найти переклички со стихотворениями В. Ходасевича «Перед зеркалом», С. Гандлевского «Баратынский, Вяземский, Фет и проч.», Е. Сабурова «Утомителен волшебный океан...», В. Коваля «Тот который». Наше понимание оформлялось и с помощью стихотворений А. Блока, М. Лермонтова, отсылок к «Божественной комедии» Данте. Вот он, контекст как средство понимания, в действии!

Самой большой проблемой на этой сессии Детско-взрослой академии стала необходимость так оформить свои основания для объединения стихотворений в пакет, чтобы они (основания) стали очевидны для всех слушателей и не казались надуманными. Мы зафиксировали, что нормы финальных презентаций работы, в которых собираются основные находки, должны как-то регламентироваться. Понятно, что об этом надо думать и разрабатывать к следующей сессии нашей Академии требования к финальному докладу, тем более, что в этом году мы впервые проводили две параллельные игры

и встречались все вместе только на завершающих очередной этап работы пленарных заседаниях.

Подводя итог нашей попытке осмыслить шестилетний путь большого коллектива взрослых и детей, нам бы еще хотелось поделиться своим пониманием того, как влияет работа с поэтическими произведениями на жизнь, мировоззрение, способность самоопределяться каждого человека. Нам кажется необходимым здесь привести размышления бессменного руководителя и разработчика всех сессий Детско-взрослой академии по поэзии Ирины Геннадьевны Назаровой. Во многом именно благодаря ее безграничной вере в нас, ее хорошему авантюризму и огромному интересу к русской поэзии и стало возможным в течение шести лет находить в себе силы и желание продолжать это движение. Эти размышления появились как результат осмысления лекций Е.Ф. Сабурова о поэзии.

«Поэтическая речь наиболее организованная на разных уровнях речь. И многократное проживание этой организованности формирует организованность самого человека: организованность его мышления, его эмоциональной сферы, его души.

Поэтическая речь, это странная, непривычная для нас речь, и столкновение с этой речью, умение сориентироваться в ней, разобраться, найти смысл для себя формирует очень важное качество личности — способность самоопределения в неопределенной ситуации. Стихотворение наиболее выразительно представляет попытки человека упорядочить мир и тем самым дает человеку наиболее богатый материал для формирования мировоззрения.

Понимание поэзии не дает готовых ответов, но побуждает человека самостоятельно формировать свое отношение к миру и определять свое место в нем.

Если попытаться обобщить все означенное выше, то можно сказать так: «Работая с поэзией коллективно, мы создаем пространство для формирования свободной жизнеспособной личности».

ОБ АВТОРАХ

1. Абанкина Ирина Всеволодовна – кандидат экономических наук, профессор, директор Института развития образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

2. Абанкина Татьяна Всеволодовна – кандидат экономических наук, директор Центра прикладных экономических исследований и разработок Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

3. Алашеев Сергей Юрьевич – старший научный сотрудник Приволжского филиала Федерального института развития образования (г. Самара).

4. Асмолов Александр Григорьевич – доктор психологических наук, профессор, директор Федерального института развития образования.

5. Гонтмахер Евгений Шлемович – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН.

6. Деркачев Павел Владимирович – кандидат экономических наук, заместитель руководителя Центра методологии управления, экономики и нормативно-правового регулирования образования Федерального института развития образования.

7. Заир-Бек Сергей Измаилович – кандидат педагогических наук, руководитель Центра методологии управления, экономики и нормативно-правового регулирования образования Федерального института развития образования.

8. Караваева Ольга Николаевна – учитель Центра образования № 1811 «Измайлово».

9. Коган Ефим Яковлевич – доктор физико-математических наук, профессор, научный руководитель Приволжского филиала Федерального института развития образования (г. Самара).

10. Красилова Анна Николаевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

11. Кутейцина Татьяна Григорьевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Приволжского филиала Федерального института развития образования» (г. Самара).

12. Онищенко Надежда Эмильевна – кандидат педагогических наук, директор средней общеобразовательной школы № 74 г. Ижевска Удмуртской Республики.

13. Памфилова Элла Александровна – руководитель ООО «Гражданское общество», старший научный сотрудник Центра исследования гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

14. Посталюк Наталья Юрьевна – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник Приволжского филиала Федерального института развития образования (г. Самара).

15. Репринцева Елена Григорьевна – старший научный сотрудник Приволжского филиала Федерального института развития образования (г. Самара).

16. Фиофанова Ольга Александровна – доктор педагогических наук, директор научно-образовательного центра Удмуртского государственного университета, президент автономной некоммерческой организации Академия социального проектирования и управления инновациями «Сердце Города».

17. Ястребов Гордей Александрович – младший научный сотрудник Лаборатории сравнительного анализа развития пост-социалистических обществ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Научное издание

Оптика инноваций
Материалы конференции «Вторые Сабуровские чтения»

Ответственный редактор *Э.Б. Сабирова*
Редактор *О.С. Маврицына*
Компьютерная верстка *А.П. Ероховой*
Оформление *А.П. Ероховой*

Подписано в печать 15.12 2011. Формат 60x 90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. 10,75 печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ

**По вопросам приобретения литературы обращаться по
адресу:**

111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 55, корп. 31

Тел.: (495) 644-38-04, 642-59-89

Электронная почта: universitas@mail.ru

Дополнительная информация на сайте: <http://logosbook.ru>